

18+

Дмитрий Плынов

ЕСЛИ БЫ МЫ ОСТАЛИСЬ ЯЗЫЧНИКАМИ

Альтернативная история Руси

Дмитрий Плынов

**Если бы мы остались язычниками.
Альтернативная история Руси**

«Издательские решения»

Плынов Д.

Если бы мы остались язычниками. Альтернативная история Руси /
Д. Плынов — «Издательские решения»,

Что, если бы Русь не приняла Православие? Я проведу читателя по иной дороге истории: вече вместо самодержавия, волхвы вместо митрополитов, республика вместо ордынского ярма. Здесь гудят колокола Новгорода, пахнет дымом костров и кровью обрядов, а князья уходят по воле народа. Опираясь на Карамзина, Ключевского и Гумилёва, я показываю Русь, которая могла стать совсем иной. А может быть ничего не изменилось бы? Книга-вопрос. Книга-вызов.

© Плынов Д.

© Издательские решения

Содержание

Если бы мы остались язычниками.	8
ПРЕДИСЛОВИЯ	9
Пётр Алёшкин: «Зеркало для современности»	9
Священная экология	10
Статус женщины	10
Нина Щербак: «Волхвы освящают решение ритуалом»	12
Вера Харченко: «Когда открывается новая книга»	18
Точка расхождения	24
Одно решение — к иной судьбе	24
Волхвы как альтернатива иерархии	26
Логика консолидации: от раздробленности к единству	27
Волхвы и политическая элита: иная модель власти	28
Культурная стойкость: почему язычество не умерло бы, а развилось	29
Языческие корни в христианских обрядах: живое наследие	32
Русь начальная — Россия иная	36
ЧАСТЬ I. ОСНОВЫ ЯЗЫЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА	37
Глава 1. Территориальное и административное устройство	37
1.1. Священная география русского языческого государства	37
Девять священных земель Руси	37
Расширение священной географии: новые земли великой Руси	38
Уральская земля: кузница богов	39
Сибирская земля: царство вечной зимы и шаманских тайн	39
Волжская земля: там, где встречаются солнце и степь	40
Таврическая земля: где ветер встречается с морем	41
Кавказская земля: огненные горы и гордые народы	41
Поморская земля: там, где правит вечная ночь	42
Сакральная логика расширения	43
Управление и власть в священных землях	43
Система священных столиц	44
Москва: город-пуп земли русской	45
Границы и пограничные святилища	45
1.2. Территориальные единицы: от лесов до городов	46
Леса — святилища богов	46
Водные святилища: артерии жизни государства	47
Города как центры Яви: полис и капище	48
Триединство в организации территорий	48
Система дорожных святилищ: безопасность путешествий	49
Москва — столица триединства	49
Авторское отступление: смысл такой организации	51
1.3. Геополитическое расширение языческой России	52
Поволжье и Казань: интеграция, а не завоевание	53
Кавказ и степь: символы веры вместо рубежей войны	54
Балтика и Ятвягия: несостоявшийся крестовый поход	54

Норманнские пути — северные ворота Руси	57
Альтернативный Восток: языческие мосты к тюркским каганатам	57
Глава 2. Политическое устройство и система власти	61
2.1. Триединая власть: Князь, Волхв, Вече	61
Князь — меч государства	61
Верховный волхв: голос богов и духовный отец	63
Вече — глас народа, как закон	66
Весна 1128 года. Новгород. Спор о налогах	66
Лето 1142 года. Смоленск. Выборы тысяцкого	67
Осень 1156 года. Полоцк. Закон о рыбной ловле	68
Зима 1167 года. Чернигов. Суд над князем	68
Весна 1173 года. Киев. Верховное государственное вече	69
Лето 1149 года. Ростов. Выборы представителя на Верховное вече	70
Осень 1161 года. Псков. Вето волхва против несправедливого решения	71
Система триглавных советов на местах	72
Механизмы равновесия и взаимного контроля	72
Исторический пример: совет 1097 года	73
2.2. Волховское государство: инновационная система управления	74
Совет девяти волхвов: высший суд и религиозный синод	74
Система наставничества: триединая передача знаний	75
Волхвы и назначение князей: проверка родословной благочестивости	76
Волхвы как научная элита	77
Волховские учебники: кодификация знания	78
Летоисчисление: от сотворения мира по-славянски	83
Письменность: глаголица, кириллица или руны?	85
Монополия на знание: сила и слабость системы	88
Магическая справедливость суда волхвов	89
2.3. Народное вече и демократические традиции	89
От совещательного собрания к полноценному законодательству	90
Многоуровневая система народного представительства	92
Принцип представительства: один род — один голос	93
«Древний Закон»: запись устных традиций	94
Право отзыва: когда вече свергает князя или волхва	95
Иерархия голосов: уважение знанию и авторитету	98
Собрание на открытом воздухе	98
2.4. Династии и преемственность власти	99
Испытание княжича: не просто воспитание, а отбор	100
Когда волхвы говорят «нет»: право отказа	101
Женщины как альтернатива: когда нет наследников-мужчин	102
Переход к следующему поколению: когда старое уходит, новое рождается	103
ЧАСТЬ II. ДУХОВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ	105

Глава 3. Языческая вера как основа цивилизации	105
3.1. Пантеон богов и священный календарь	105
Род как исток всего сущего	105
Девять священных дней: год, рассеченный богами	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Если бы мы остались язычниками Альтернативная история Руси

Дмитрий Плынов

Дизайнер обложки Nano Banana

© Дмитрий Плынов, 2026

© Nano Banana, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3887-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если бы мы остались язычниками.

Альтернативная история Руси

ПРЕДИСЛОВИЯ

Пётр Алёшкин: «Зеркало для современности»

История редко оставляет нам право выбора. Мы привыкли смотреть на прошлое как на застывший монолит, где каждое событие было predetermined. Крещение Руси в 988 году — один из таких «неизбежных» узлов нашей истории, фундамент, на котором выстроена вся последующая культурная, политическая и духовная архитектура России.

Представьте себе точку на карте времени. 988 год. Князь Владимир стоит на краю купели в Херсонесе. Один шаг — и тысячелетие русской истории катится по знакомому нам руслу: крещение, византийское наследие, «Москва — Третий Рим», Смута, Империя. Но что, если бы он сделал шаг назад? Что, если бы на месте христианского креста остался языческий коловрат, а голос волхва перекрыл бы проповедь византийского священника?

Книга Дмитрия Плынова «Если бы мы остались язычниками» — это не просто очередная фантазия на тему альтернативной истории. Это великолепно выстроенная, глубокая и невероятно убедительная интеллектуальная реконструкция. Автор не предлагает нам легкомысленную «игру в предков», а создает сложную, многослойную и внутренне непротиворечивую цивилизационную модель. Он берет за основу археологические данные, этнографические записи, сравнительную мифологию и исторический материализм, чтобы показать: язычество могло быть не просто архаикой, но успешным, динамичным и справедливым проектом.

Что нового показал автор?

До выхода подобных работ тема дохристианской Руси чаще всего эксплуатировалась в двух крайностях: либо в виде романтического, но наивного неоязыческого фэнтези («кровь, почва и мечи»), либо в виде академических реконструкций, которые ограничивались описанием пантеона и обрядов.

Новаторство книги Дмитрия Плынова заключается в переходе от мифологии к системному проектированию. Автор задает вопросы, которые редко кто задавал в жанре альтернативной истории:

Как будет работать экономика, если ростовщичество считается грехом против природы?

Как устроена система сдержек и противовесов, если власть делится между Князем, Волхвом и Вече?

Как языческое государство будет вести дипломатию с исламским Востоком и христианизированной Европой?

Как будет развиваться наука, если астрономия, медицина и алхимия являются частью жреческого служения?

Автор опирается на колоссальный пласт реальной этнографии, археологии и фольклористики (труды Б. А. Рыбакова, В. Я. Проппа, А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина), экстраполируя древние архетипы в логичную футурологическую модель. Мы видим не «дикое племя в лесу», а высокоорганизованную федерацию с собственным университетским образованием, системой заповедников, меритократией и уникальным отношением ко времени и пространству.

Книга изобилует находками, которые заставляют переосмыслить не только прошлое, но и настоящее. Вот лишь некоторые из самых ярких концепций:

Триединая власть как древняя демократия.

Модель «Князь (исполнительная/военная власть) — Волхв (судебная/научная/духовная власть) — Вече (законодательная/народная власть)» показана как гениальный механизм сдержек и противовесов. Вече имеет право свергнуть князя, волхвы — наложить вето на неспра-

ведливый закон, а князь не может начать войну без одобрения богов (через волхвов) и народа. Это опровергает миф о «восточном деспотизме» славян.

Автор пишет:

«Это разительно отличается от средневековой Европы, где эти функции были разделены между разными институтами: церковь занималась душами, суд — правосудием, лекари — телами, учителя — знаниями. В этом, мне кажется, заключается ключевое отличие языческой России от христианской Европы. В Европе церковь часто служила инструментом повиновения и контроля. Священник не обязательно помогал простому люду — он прежде всего представлял интересы церковной иерархии и, через неё, светской власти. В языческой России волхв был бы человеком, который реально присутствовал в жизни людей и решал их проблемы. Его авторитет основывался бы не на страхе перед наказанием, а на реальной пользе, которую он приносил... Волхв — это не просто жрец. Это учёный, агроном, врач и судья в одном лице. В мире, где магия и наука неразличимы, кто владеет словом — тот владеет реальностью».

Священная экология

В разделе об экономике и сельском хозяйстве автор показывает самую глубокую разницу между двумя мирами. Для христианской цивилизации природа — это ресурс, данный человеку для покорения. Для языческой Руси Плынова — земля жива, и с ней заключают договор. Это не просто красивая метафора, а основа хозяйственного уклада, который не позволяет истощать ресурсы и предотвращает голод. Священные рощи, запрет на вырубку дубов Перуна, «Завивание бороды Велесу» при жатве — всё это показано как древнейшая система природоохранных заповедников. Автор блестяще доказывает, что страх перед осквернением земли оказался более эффективным экологическим регулятором, чем любые современные законы.

«Мы переоткрываем эти обязательства сегодня... — пишет автор. — Медленно, через экологическое право, через заповедники. Но переоткрываем, как если бы переизобретали колесо, давно утраченное... Земля — не мёртвое вещество, но мать живая, и кто её ранит без почестей, того земля не прощает».

Статус женщины

Разрушая стереотип о «бесправной крестьянке», автор показывает мир, где правит богиня судьбы Мокошь, где существуют женщины-волховицы, хранительницы знаний, и женщины-воительницы (поляницы). Женщина в этой модели — не «приложение» к мужчине, а равноценное женское начало космоса, обладающее правом голоса на вече и правом собственности.

Циклическое время против линейного.

Глубокое философское наблюдение: христианство принесло время-стрелу (от Сотворения к Страшному суду), где земная жизнь — лишь подготовка к вечности. Язычество же предлагает время-спираль. «Время не расходуется — оно обновляется». Это рождает совершенно иную психологию человека: не пассивного страдальца, а активного со-творца космоса, который не боится смерти, ибо она — лишь переход в Навь и возвращение в Явь.

Пожалуй, самое сильное впечатление производит анализ того, как языческое мышление на самом деле никуда не исчезло. Автор проводит блестящие параллели между древними волховскими практиками и современными явлениями: от Вечного огня до масленичных блинов и колядок. Он показывает, что наша «христианская» культура — это лишь тонкая накидка на мощном языческом фундаменте.

Геополитический парадокс монгольского нашествия.

Встреча Руси и Орды в книге показана не как столкновение цивилизаций, а как диалог двух языческих (тенгрианских) миров. Возможность договора между волхвом и монгольским шаманом у костра открывает поразительный сценарий культурного симбиоза, а не только кровавого ига.

Особого внимания заслуживают главы о внешней политике. Автор убедительно показывает, как языческая Русь могла бы встроиться в мировую систему. Вместо религиозного противостояния с католической Европой и исламским Востоком — политика «множества богов». Дипломаты-волхвы и ученые-имамы могли бы вести диалог не как враги, а как коллеги, что привело бы к совершенно иной карте Евразии.

Для кого эта книга?

Эта книга — редкий пример интеллектуальной прозы, которая будет интересна самому широкому, но вдумчивому кругу читателей:

Любителям альтернативной истории, которые найдут здесь беспрецедентно детальную проработку мира: от денежной системы и налогов до кулинарных рецептов и архитектуры деревянных капищ.

Этнографов, историков и культурологов. Автор ведет честный диалог с наукой, опираясь на реальные артефакты (например, ромашкинский глиняный календарь или берестяные грамоты) и логично развивая их в альтернативном ключе.

Философов и мыслителей. Размышления о природе власти, об этике баланса, о психологии толпы и элиты, о связи человека с ландшафтом (гумилевская пассионарность) выходят далеко за рамки исторического романа.

Тех, кто ищет русскую идентичность. Книга помогает отделить подлинные, глубинные архетипы славянской культуры (общинность, гостеприимство, почитание предков, чувство живой земли) от позднейших наслоений и стереотипов.

«Если бы мы остались язычниками» — это не призыв вернуться в прошлое и зажечь костры на холмах. Это книга-зеркало. Глядя в нее, мы начинаем лучше понимать, почему до сих пор, спустя тысячелетие, мы интуитивно кормим домового, освящаем яблоки, тоскуем по ушедшей природе и ищем справедливости не в сухих законах, а в совести общины.

Автор не дает готовых ответов. Но он задает потрясающие вопросы. Он приглашает нас к диалогу с прошлым, который может изменить наше понимание настоящего. Эта альтернативная история не о том, «как было бы лучше», она о том, как многослойна и неоднозначна наша собственная цивилизация. Она напоминает нам, что любое историческое решение — это выбор из многих возможных путей, и что за порогом каждое «да» скрывается десяток «если бы».

Дмитрий Плынов создал монументальное полотно, которое доказывает: язычество не было «детской болезнью» человечества. Это была сложная, гармоничная и жизнеспособная система координат, которая, возможно, просто ждала своего часа, чтобы мы смогли услышать её голос сквозь шум современной эпохи.

Приятного путешествия в мир, который мог бы быть нашим.

Петр Фёдорович Алёшкин,

доктор исторических наук,

академик Международной славянской академии наук,

образования, искусств и культуры

Нина Щербак: «Волхвы освящают решение ритуалом»

Книга Дмитрия Плынова — заставляет задуматься о многих проблемах, связанных с историей России, становлением государственной власти, посвящена славянским и русским культурным традициям и русскому культурному коду. Эта книга представляет собой полноценный, добротный, тщательно проработанный обзор всего калейдоскопа исторических и политических реалий, характерных для историко-культурного развития России и основана на реальных источниках, летописях и документах.

Возможно, впервые автор обращается к подробнейшему анализу традиций русской земли, а главное рассматривает вопросы, связанные с духовной и управленческой иерархией. Проблематика книги по своей глубине — необыкновенно сложная, так как захватывает историю волхвов, князей, великих князей, традиций, и показывает, как языческое сообщество создавалась на Русской земле и как оно изначально искало свои собственные пути развития, сочетая или иногда противопоставляя себя европейскому пути, принимая Христианство, но отстаивая свои исконные языческие культы.

Мне лично история о русских князьях-язычниках и Христианстве по настроению во многом напомнила и историю развития Индии, когда управление населением англичанами происходило исключительно посредством знатных князей, махараджей. Только сообщество князей, их связи, дружественные отношения друг с другом, благодаря таким составляющим как род или каста, могли помочь европейцам управлять таким огромным государством с такой огромной плотностью населения.

Отношения с Европой для России были всегда на редкость сложными. С Англией, например, Россия долгое время находилась в конфронтации, возможно, с ней поддерживали отношения по-настоящему только во времена Ивана Грозного. Петр Первый основал Петербург лишь после того, как словно покинул Таганрог, который планировал укреплять как важный порт на Азовском море, перекинув все силы на защиту северных границ и войне со шведами. Тем не менее, именно Петр, объездив всю Европу, в поисках альтернатив для развития России, неожиданно понимает, что идея Парламента для России не очень хорошо действует, и для Университета, например, подойдет лишь система Двенадцати коллегий, как это было на тот момент в Швеции. Такие поиски Петра в отношении оптимальной системы управления — на редкость интересны. Можно говорить о том, что система управления в разных странах совершенно различная. Для Германии характерная верхне-ступенчатая система власти, достаточно иерархичная. Для Швеции — кругообразная, при которой в общем-то каждый гражданин может легко оказаться в статусе Президента или Премьер-министра. В Латинской Америке система совершенно другая. Родственные взаимоотношения помогают показать, что структуры власти похожи на гроздь рябины, и пройти весь путь от низшего к высшему уровня практически невозможно, если только не прибегать к революции или другому, часто насильственному пути.

Итак, рассматривая проблематику власти и управления, подробно обращаясь к культурному наследию России, Дм. Плынов помогает нам не просто заново прожить русскую историю, но во многом осознать, как стоит строить взаимоотношения между собой в коллективе, к чему прислушиваться, как правильно осознавать и создавать свой собственную идентичность.

В книге сравнивается русская система и система славянская и индоарийская. «Если индийские брахманы сохранили устную традицию, восходящую к середине 2-го тысячелетия до н.э., то славянские волхвы теоретически могли возводить свою традицию к еще более древнему периоду индоевропейского единства — примерно к 3000 г. до н. э. Еще более впечатляющий пример — кельтские друиды».

В данном случае сравнение помогает ощутить не только различия в культурном наследии, но и ярко выраженные сходства. Друиды — древние первосвященники на территории британских островов. С их деятельностью связаны целые поверья, ритуалы, песнопения. В Лондоне даже существует район Примроуз Хилл, зеленый холм, по которому по традиции простирался лес, и который был местом встреч друидов, при этом на современном этапе мы видим там лишь летающие спутники.

Интересно, что идея об «обыкновенном русском человеке» и свойственно русскому самосознанию, и не свойственно. Дмитрий Плынов словно обращает наше внимание на то, что Россия могла бы развиваться не только по Христианскому пути, но и по языческому, который, с одной стороны, считается, гораздо более устаревшим образом жизни, но с другой стороны, словно пронизывает наше самосознание и нашу жизнь, позволяя ощутить себя на грани стихий. Дело в том, что язычество изначально свойственно каждому человеку. Жить христианскими законами гораздо более сложно, отрекаясь от собственных желаний и правил. С другой стороны, именно язычество уходит в глубины человеческого сознания и подсознания, во многом определяя его животную природу, страсти, все свойства сложнейшей человеческой личности. Благодаря язычеству возрождались полководцы, провозглашалась проблематика чести, достоинства, стыда. Если Христианство — вероисповедание вины, и истинным Христианин отрекается от себя, и провозглашает Покаяние, во многом язычество — вероисповедание стыда. В этом смысле язычество напоминает, на мой взгляд, историю древней Спарты, то есть возвращает нас к миру героев, витязей, которые сражаются за своих родичей, бьются за свою землю, отстаивают исконные принципы. Христианство и свойственно русскому человеку, и не свойственно ему, так как в русском человеке одновременно живет и внутреннее обращение к Богу и Христу, и многобожие сиюминутного подчинения жизненному потоку и жизненным устремлениям, для которых обожествление кого-то, восхищение, превозношение — важные части человеческой идентификации.

Для русского человека во многом характерна стихийность, это еще одно свойство, отмеченное, правда, западными исследователями, и оно может нравиться или нет, как эпитет, но, возможно, действительно, передает ту душевность, щепетильность, строгость русского характера, которую часто нельзя объяснить.

Известное стихотворение Тютчева «Умом Россию не понять/Аршином общим не измерить/ У ней особенная стать/ в Россию можно только верить — перекликается с известным стихотворением В. Иванова «Своенаачальный, жадный ум,/ — Как пламень, русский ум опасен/ Так он неудержим, так ясен/, Так весел он — и так угрюм». В этом стихотворении русского поэта-символиста намечены основные этапы понимания иррациональности русского характера, который, в сочетании с гранями общечеловеческих характеристик позволяет выделяться как нечто совершенно особое. Символизм сам по себе — очень сложное учение на русской земле. Символизм имеет свою собственную философию, которая совмещает в себе концепты «схождения», «вознесения», «хаоса», то есть повествует о языке и символах как о том, что пронизывает, определяет и детерминирует культурное, а иногда и геополитическое развитие.

Размышления в отношении национальной принадлежности — тоже очень непростой вопрос. Известная книга Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества», которая повествует о том, как складывается понятие «нация» — рассматривает этот вопрос с различных позиций. «Нация» не всегда ярко выраженное и четко выраженное понятие. Нация способна не столько поработить, или только лимитировать действия, это понятие, которое способно дать понять те сложности, многообразие различных культурных традиций, описание которых в книге Дм. Плынова на редкость интересные, подробные, выверенные, подчерпнутые из летописей и архивов.

Упоминание волхвов обращает нас к теме Христианства. Когда-то в Музее Пулковской Обсерватории мне рассказывали ученые-физики о том, что некоторые кометы идут по одной

траектории, возвращения, а другие — по параболе, никогда не возвращаясь, раз оказавшись в приближении к планете Земля. Вифлеемская звезда была именно такого порядка. Это звезда, которая возвестила волхвам о рождении Христа. В этом смысле обсуждение понятия «волхвы» в контексте власти — интересно и многозначно, предоставляя особую метафору для понимания внутренних систем власти и иерархий. Ведь в России церковь отделена от государства, но при этом оказывается — понижает не только ее структуру, но саму суть организации, иерархии и процесса взаимодействия структур. Интересно, что система других религий, как например, иудаизм или ислам — имеет ярко выраженную структуру приближенных, тех, кто находится ближе к «святым святым» (характерное для Иудаизма), и тех, кто находится на периферии. Подобная иерархичная организации церкви переносится также на систему власти, позволяя рассуждать в отношении того, насколько этическая система может быть соотнесена с системой социальной. Иными словами, насколько организация нашей души может быть соотнесена с нашей социальной жизнью, или противопоставлена ей. Тематика наставничества привносит в данный вопрос мотивы, связанные с жизнедеятельностью ВУЗа, учебного заведения, так как именно проблематика взаимоотношения учителя и ученика становятся столь важными для любого учебного заведения.

Продолжая тематику сферы образования, Дм. Плынов рассказывает о наставничестве: «Каждый волхв, достигший определенного уровня мастерства (примерно в возрасте 30—40 лет, когда он уже накопил знания, но еще полон энергии), принимал бы на обучение трех адептов. Это число выбрано неслучайно. Три ученика представляли бы триединство: первый, умный и способный, становился бы интеллектуальным наследником учителя; второй, более мистически настроенный, развивал бы практику магии и гадания; третий, практичный и деловой, осваивал бы рецепты, методы лечения и технологические секреты. Каждый ученик учился бы у своего учителя минимум семь лет. Это был бы не просто формальный срок, а священный контракт между учителем и учеником, скрепленный клятвой перед богами. Нарушить такой контракт означало бы нарушить клятву и навлечь на себя проклятие». В данном случае мы отчетливо понимаем, как современная тенденция к наставничеству берет начало в историческом контексте действительности, и почему развивается тем или иным образом. Понимание механизма развития помогает нам оценить современную действительность.

А вот и другая интересная тематика. Послы, представители, делегирование полномочий. Чтобы понять, как работала система представительства, нужно увидеть, как община выбирала своих послов. Вот как в книге описывается, например, собрание вече:

«Летом 1149 года в Ростове собралось местное вече, чтобы выбрать трех человек для поездки в Киев на Верховное вече. Это было важное решение — представители должны были говорить от имени всего города, защищать его интересы и участвовать в общегосударственных решениях» <...>

«Верховный волхв начинает собрание не с политических претензий, а с ритуала. Он совершает омовение в священной воде, призывая Рода помочь выбрать справедливое решение. Затем говорит: «Мы собрались не как враги и конкуренты, а как дети одного дома. Рассечение дома — это грех перед богами и перед народом. Каждый из вас хочет править, но правление без справедливости — это служение не богам, а бесам. Слушайте, что предлагаю вам.»

Или еще один эпизод:

«Князья соглашались, потому что каждый получает собственную землю и власть в ней, и даже младшие члены рода не остаются обездоленными. Волхвы освящают решение ритуалом — совершают жертвоприношение богам, призывая их судить справедливо и карать тех, кто

нарушит договор. По словам летописца этого времени: „И клялись князья при святилище Перуна, что будут справедливы в суде, что не будут присваивать чужие земли, что будут слушать голос вече. И волхвы произнесли проклятие на того, кто нарушит клятву: „Да погубит его мой род, да разрушится его дом, да посрамит его память потомков“. И все князья, видя суровость волховского проклятия, содрогнулись и подтвердили клятву трижды“».

Подобные эпизоды, приведенные в книге, рожают ощущение абсолютной сопричастности тем устоям семьи, дома, социальной жизни, государства, которые поддерживают жизнь отдельной группы людей и целых государств.

В книге, например, объясняется, что если триединая власть князя, волхва и вече представляла собой основную структуру государственного управления, то его нервной системой, его скрытым организующим началом была бы волховская иерархия — структурированная система жреческого управления, которая одновременно функционировала бы как религиозный институт, научная академия и судебная инстанция. Волхвы в языческой России — это не просто люди, совершающие ритуалы в святилищах. Это была бы управленческая элита, сопоставимая по влиянию с церковной иерархией средневековой Европы, но с принципиально иной структурой и функциями. И если бы кто-то захотел понять, как на самом деле функционировала бы языческая Русь при всех торжественных декларациях о триединстве, он должен был бы изучить именно волховскую систему».

В данном случае в книге поставлены интереснейшие вопросы, которые однозначно сложно решить. Мы возвращаемся, подобно картине А. Тарковского «Андрей Рублев» в исторический период развития России, пытаюсь увидеть, как бы она существовала в языческом измерении. Красота этого решения автора принадлежит к традициям нарративов утопий и антиутопий, но при этом книга — это исторический памфлет, который не столько додумывает историю, сколько смотрит на нее совершенно под новым углом.

Другим важным аспектом, затронутым в книге, становится проблематика лидерства, создания идолов, и в реальной, и в социальной, и политической жизни. В этой языческой парадигме во многом заключена идея о том, что правители и система власти обязательно строятся на подобном соотношении. Миф о Ленине и Сталине, Троцком, как описал его проф. Сергей Фирсов в своих книгах, это мифы не о реальных людях, а созданный вековой конструкт, который и закрепляется в человеческом сознании.

В книге эта проблема также не оставлена:

«Пётр пошёл дальше, упразднив патриаршество, превратив церковь в государственный орган, Синод под контролем светского обер-прокурора. Теперь формула была разве что откровеннее: «Самодержавие, и всё остальное ему служит».

Власть одного человека благословлённая Богом через подчинённую ему же церковь. Без механизма смещения. Без договора с народом. Без независимой инстанции, способной сказать «нет»». В этих рассуждениях раскрывается проблематика развития личности, личности политической, со всеми сложностями, которые сопровождают этот процесс.

Есть в книге Плынова и чисто философские размышления.

«Мы утратили это единство. Где-то на пути от язычества к современности мы расщепили музыку, театр и танец на обособленные дисциплины — каждая со своими школами, канонами, критиками. Мы отсекли искусство от религии: теперь в храме молятся, а в театре развлекаются. Мы провели жёсткую границу между священным и профанным, между ритуалом и спектаклем, между молитвой и песней. И, возможно, что-то существенное осталось по ту сторону этой линии. Что-

то, что древние постигали интуитивно, а мы растеряли В языческой России гусляр, певший былин о Перуне, не просто рассказывал историю — он призывал Перуна в наш мир. Каждая нота, каждое слово, каждый жест становились частью заклинания».

Идея сопоставить магию, театр, политические ритуалы, силу слова, поместить их в единое пространство — важно и точно отражает все те функции, которые включаются, собираются воедино при правильном понимании социальной, политической, культурной жизни.

Плынов словно удаляет Христианство из жизни. Некоторые рассуждения по истине смелые:

«На этом фоне язычество выглядит настоящим контрастом (и вовсе не из-за какой-то современной «прогрессивности» — прошлые эпохи вообще думали иначе). Просто их картина мира опиралась на две равноценных силы. Возьмём Макошь — её сложно представить всего лишь приложением к какому-нибудь грозному Перуну или Велесу. Она отдельная величина: сама прядёт нити судеб людей — и мужчин, и женщин без разбора, ни у кого свою власть не занимает взаймы. В пантеоне ей даже аналог среди богов-мужчин подобрать невозможно — у неё свой масштаб и свои задачи.

Здесь мне нравится пример с корнями дерева (как-то сам придумал): у здорового дерева корни двух сортов. Одни копают вглубь за водой, другие раскидываются во все стороны — цепляются за почву, вытягивают подкормку. Обрежь какую-то часть — дерево начнёт хиреть. Вот так же работало языческое мироощущение: два начала необходимы просто для того, чтобы мир был цельным и живым.

Но с переходом к христианству что-то из этого знания как будто потеряли по дороге. Женский голос глушился до шёпота; женщина становилась чем-то вроде тихой тени мужчины, эхо одной камертона вместо отдельной мелодии. Иногда думаю: а если бы эта древняя двойственность сохранилась... Если бы нам разрешили удержатъ обоих творцов мира рядом? Тогда женщина в нашей культуре давно стояла бы рядом с мужчиной — со своим собственным сюжетом, рисунком жизни, которого никто другой повторить уже не сможет».

Вопрос, поставленный здесь столь масштабно может быть и переформулирован. Недавно пыталась разъяснить красоту иудейской культуры, воплощенной в любовных историях современного кинематографа. И сложно было объяснить, что музыка, красота кадра, главной героини, красота псалмов — доносят нам столько о глубинных основах этой культуры, что простыми истинами это не передать. Я бы не согласилась, что Христианство что-то отнимает у человека и у женщины, все религии двигаются в одинаковом направлении, но автор безусловно дает нам здоровый рецепт выживаемости, очень характерный для истории России и ее культурного кода.

Когда-то читала о пьесе «Буря» Шекспира, о том, что Шекспир на самом деле прощается с театром, прощается для того, чтобы заново открыть для себя что-то, ощущая, что самое главное это музыка, театр, за которым больше нет совершенно ничего. Дм. Плынов делает сходный вывод. От многих вещей в жизни остается магия, именно она необъяснимым образом и делает из жизни что-то исключительно важное:

«Девушки гадали на суженого. Самый известный способ — бросание серпа за спину. Девушка становилась спиной к полю, зажималась и бросала серп через плечо. Потом оборачивалась и смотрела: куда остриё указывает, оттуда и жених придёт. Если серп воткнулся в землю остриём вверх —

быть свадьбе в этом году. Если упал плашмя — ещё год ждать. Если остриё указывало на лес — жених будет из чужой деревни, дальней. Если на дом — из своей, близкий. Серп вообще в женской магии — предмет особый. Это не просто инструмент жатвы, а символ Луны, женской власти над жизнью и смертью, над циклами плодородия. Серп режет колос, как судьба режет нить жизни. И когда девушка бросает серп, она не просто гадает — она вступает в диалог с силами, которые управляют её судьбой».

Вот оно мифическое самосознание, ритуальность, ощущение тайны жизни, до которой не следует дотрагиваться, как не стоит произносить вслух. Тайна, которая хранит человека, изумляет, позволяет открывать новые пространства и измерения.

Книга почти заканчивается такими словами:

«Карамзин писал о Владимире с восхищением, как о „просветителе“ Руси. Соловьёв видел в крещении логическую неизбежность развивающейся государственности. Ключевский анализировал политический прагматизм, Гумилёв смену пассионарного импульса. Все правы. И все частично. Потому что каждый из них смотрел на крещение издали, с высоты столетий, с позиции того, что уже произошло. Они объясняли неизбежность, но не видели момента, когда неизбежность ещё не была неизбежной. Они анализировали выбор, уже сделанный, но не стояли рядом с человеком, который этот выбор делал».

Меня поразило в этой книге больше всего нестандартность мысли автора, его творческое начало, помимо интереснейших, научных изысканий, это очень живая книга, требующая размышлений.

*Нина Феликсовна Щербак,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии
Санкт-Петербургского Государственного Университета*

Вера Харченко: «Когда открывается новая книга»

Когда открывается новая книга, неизбежно встаёт вопрос о её жанре: что ожидает читателя: монография или научно-популярное издание на свободную тему, или это авторское эссе, или свободные заметки о путешествиях, или рассуждения по поводу давно устоявшихся мнений? Определить жанр книги — значит задать тон её описанию, анализу, её сути. Современная жанрология содержит немало вариантов как развивающихся, так и прискорбно устаревших. Так спросим себя: что перед нами? И ответ нас не удивит. Это не монография, не научно-популярная книга, не авторское эссе, нет, нет и нет. Перед нами полноценный жанр трактата, простирающийся на всю страну и вбирающий в себя все перипетии её развития. В книге почти 500 страниц, в ней вся история, пропущенная сквозь призму читателей-собеседников, в книге множество имён, но хорошо видна и позиция автора Дмитрия Геннадиевича Плынова. Книга переворачивает наше восприятие случившегося и заостряет вопрос: как бы развивалась Русь, Россия, если бы сохраняла в себе языческое начало. По существу, это альтернативная теория, да-да, та самая альтернативная теория, согласно которой Русь могла бы пройти иной путь.

Почему это не монография? Потому что авторы монографий берут, как правило, одну тему, предельно узкую, и представляют широкий простор её обсуждения, а в книге идёт расклад, серьезнейший разговор о принципиально значимых вещах. Это русская государственность, национальная культура, религиозное сознание, общественный уклад. Хватило бы на четыре полновесные монографии, а здесь всё в одной книге, причём с ориентацией на альтернативный путь.

Книге предшествовала большая источниковедческая работа. Это 90 источников, и среди них труды В. Н. Топорова и Д. С. Лихачева, Н. М. Карамзина и В. О. Ключевского, И. Я. Фроянова и Джеймса Фрэзера, Жоржа Дюмезиля и А. Н. Афанасьева. Здесь же исследования по славянской религии, морфологии и культуре, летописи и первоисточники, в том числе «Повесть временных лет», труды по истории Древней Руси и древних славян. Это всё не просто упомянуто, но проштудировано, представлено, подано.

Прочитаем оглавление одной из 11 частей, например второй главы.

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО И СИСТЕМА ВЛАСТИ» **2.1.Триединая власть: Князь, Волхв, Вече.** Князь — меч государства Верховный волхв: голос богов и духовный отец. Вече — глас народа, как закон Система три главных советов на местах Механизмы равновесия и взаимного контроля Исторический пример: совет 1097 года **2.2.Волховское государство: инновационная система управления.** Совет девяти волхвов: высший суд и религиозный синод. Система наставничества: триединая передача знаний Волхвы и назначение князей: проверка родословной благочестивости. Волхвы как научная элита. Магическая справедливость суда волхвов. **2.3.Народное вече и демократические традиции.** От советательного собрания к полноценному законодательству. Многоуровневая система народного представительства. Принцип представительства: один род — один голос. «Древний Закон»: запись устных традиций. Право отзыва: когда вече свергает князя или волхва. Иерархия голов: уважение знанию и авторитету. Собрание на открытом воздухе. **2.4. Династии и преемственность власти.** Когда старшинство уходит в прошлое. Испытание княжича: не просто воспитание, а отбор. Когда волхвы говорят «нет»: право отказа. Женщины как альтернатива: когда нет наследников-мужчин. Федеративная иерархия: великие князья над земельными князьями. Переход к следующему поколению: когда старое уходит, новое рождается.

Мы намеренно привели полное оглавление этой части, чтобы показать, на каком материале выстраивается концепция Д. Г. Плынова. Какие слова подобраны в дальнейшем: Волхвы как научная элита. Многоуровневая система народного представительства. Женщины как

альтернатива: когда нет наследников-мужчин! О, здесь выстраивается целая концепция управления страной!

Столь же подробно представлены в книге и все другие части и главы, например: *«Духовная и культурная жизнь»*, *«Волховская наука: синтез знаний и магии»*. *«Литература и летописание: слово как сила и память»*. Остановимся здесь для раскрытия сути излагаемого на ещё одной особенности книги Д. Г. Плынова. Нам приходилось неоднократно обращаться к народным приметам, ритуалам, заговорам, и над всем этим сквозила мысль о некой отдельности, уединённости всех этих явлений. С одной стороны, мы понимали, что приметы — это нечто старинное, отживающее свой век. Но с другой стороны, само обилие примет, их живучесть заставляли думать о чём-то существенном, важном для человека. И наши праздники, та же Масленица, говорят о древних языческих верованиях. Автору книги Д. Г. Плынову удалось не то, что уменьшить, а ликвидировать эту условность, вписав заговоры, ритуалы, приметы в общий тон повествования, чему и служит вторая часть книги: *«Политическое устройство и система власти»*, о которой мы выше вели речь.

Действительно, книга подчёркивает связь между живым народным словом и глубинными пластами дохристианского мировоззрения, которое этот язык хранит. Лексика примет, заговоров, ритуалов нацеливает на глубинные пласты дохристианского мировоззрения, почему и живучи все эти явления в современной жизни.

Книга современна. Настоящее время, третье десятилетие XXI века характеризуется всё усиливающейся быстротой реакции. Увеличивается скорость произнесения слов, отсутствуют пометы, стираются грани между фразами, а цифры, цифровизация, доверие к искусственному интеллекту — всё это катастрофически влияет на качество информации, и никуда не деться от этого влияния. Что же делает книгу современной, несмотря на её объём, подробности изложения, чёткость позиции автора? Обратимся опять к оглавлению: *Культурная стойкость: почему язычество не умерло бы, а развилось. Расширение священной географии: новые земли великой Руси. Предначертанность и свобода: парадокс, разрешённый философией. Волховские школы и система образования. Достаточно? Пожалуй, но звучит всё это весьма современно, отвечая эпохе, которая у нас перед глазами. Философия магии синтеза. Вышивка как национальный стиль. Три большие касты: волхвы, воины, производители.* Здесь наблюдается явный взлёт к проблемам современного дня, взлёт, дарующий полноценное видение.

Книга Д. Г. Плынова современна потому, что с уверенностью отвечает на вопросы, тревожащие наше время. *Политический расчёт: выбор или иной путь?* И здесь тоже просматривается позиция автора. *Почему история развилась именно так: размышления о выборе. Контрастный анализ: языческий и христианский путь.* Книга современна, потому что в её основе лежит образ автора — человека, изучившего всю историю и пришедшего к мысли об альтернативном пути развития России. Образ автора хорошо просматривается на протяжении всей работы. *Что мы потеряли и приобрели бы: итоговое размышление. Боевая магия: волхвы на поле боя. Философия урожая: что мы потеряли и что можем вернуть.* Авторская позиция охватывает всю структуру изложения, и эта позиция убедительна при всей её альтернативности.

Образ автора выстрадан по мере чтения литературы, размышлений над жизнью, анализа всевозможных ситуаций. Например: глава: *Циклическая редистрибутивная экономика: теоретическая модель.* Здесь говорится об экономических проблемах, но эти ситуации напрямую соотносятся с сегодняшним днём. А *«Женщины с мечом»* — это о воительницах в языческой Руси. *Балтика и Ятвягия: несостоявшийся крестовый поход.* Здесь экскурс в историю проблемы. Образ автора объединяет огромное пространство книги при всей его открытости и многомерности.

И всё-таки повторим наш вопрос: книга действительно современна? У нас сложилось такое отношение к современной книге: она должна быть читабельной, краткой (а здесь 500

страниц!), она должна быть понятной, приемлемой (а здесь просматривается сложная, весомая позиция автора), она должна соответствовать общему строю изложения (какое же соответствие, если само издание нацеливает на другой, альтернативный путь развития?) ... Получается, что это не современная книга. Но надо вспомнить высказывание учёных о том, что современность книги — это её явное соответствие глубинным идеям, отражающим важнейшие положения, которые лежат в основе её написания и которые составляют суть её изложения, её корпус, её альфу и омегу.

Обратимся ещё раз к формулировкам оглавления. *Священная география русского языческого государства. Сакральная логика расширения. Система дорожных святилищ: безопасность путешествий. Языческие мосты к тюркским каганатам. Знакомые формулировки или не очень? Философия трёх миров: Правь. Явь. Навь. Дом как космос. Политическое измерение: династия богов и династия людей. А дальше: Волховские академии: синтез науки, магии и образования. Странствующие учителя: университет на ногах.* Нет, мы выбрали лишь некоторые моменты, коих в книге множество, но и они говорят об альтернативном устройстве жизни — не такой, какая была у нас. Получается, что автор Д. Г. Плынов системно рассмотрел все возможные элементы устройства, определил их, обозначил и вывел формулы, адекватные своим чаяниям. Более того, в конце ряда глав и частей и в конце книги Д. Г. Плынов сформулировал своё понимание ситуации: *Почему история развилась именно так: размышление о выборе. Был ли иной путь? Три «да» и «нет». Как этот выбор живёт в нас сегодня?*

Книга энциклопедична. Она охватывает практически все стороны жизни: экономику и духовную жизнь, этику и мораль, практику мемориализации и медицину, архитектуру и письменность, литературу и политическое устройство, при этом охватывает на самом серьёзном уровне. Автору потребовалось здесь проявить себя во всей полноте, но работа того стоила. Мало у нас авторов, берущихся за такой труд, и есть ли они вообще?

Да, книга энциклопедична, однако в её основе лежат те самые «зародыши» язычества, коими преисполнена современная жизнь и которые мы не замечаем, отмечая, относя их к давней старине. Д. Г. Плынову потребовалось как знание литературы вопроса, о чём мы вели речь в начале предисловия, так и всеохватное знание нашей Руси с её парадоксами, причудами, приметами.

О том, что язычество живёт под христианской маской:

«Лешие в лесу, водяные в реках, русалки в омутах — весь мир был населён духами, и христианство не вытеснило их, а лишь объявило „нечистой силой“. Но народ продолжал с ними взаимодействовать, знал правила поведения, способы защиты и умилоствления»

О красном угле:

«Красный угол в избе, где стояли иконы, — это прямое продолжение священного угла, где в языческие времена стояли изображения богов и предков. Место осталось то же, функция та же связь с высшими силами. Только изображения сменились»

О праздниках:

«Каждый из этих праздников был привязан к сельскохозяйственному циклу, к природным явлениям, к жизни общины. Христианство дало им новые имена и новые легенды, но суть осталась прежней — это были праздники земли, солнца, урожая, жизни»

Работу интересно читать! Почему же? Из-за языка описания, анализа, убеждения. Язык открывает самое главное, существенное в работе, и он не позволяет оставить чтение, он приглашает к сотрудничеству, соцарствию для выражения идей. У нас сохраняются слова, принад-

лежащие профессору П. А. Ольхову: «Язык — это осанка ваша, вы становитесь кем-то через язык».

«Это наследие не исчезло полностью. Оно живет до сих пор, вплетенное в ткань русской культуры, замаскированное под христианскими формами, но сохраняющее свою сущность»

«Забава прижимает младенца крепче... ребёнок смотрит на огонь широко раскрытыми глазами»/«И в этот момент — ветер. Резкий, внезапный. Пламя костра дёргается, искры взлетают к небу»

«Дерево, которое могло вырасти из русской земли по своим законам, срубили — и на его месте посадили другое, растущее по правилам, принесённым со стороны»

Выше мы привели оглавление второй главы, а в нём «Князь — меч государства», «Вече — глас народа», «Испытание княжича: не просто воспитание, а отбор». Вот она, настоящая система правления, настоящий образец для совершенствования.

Спрашивается, зачем написана эта 500-страничная книга? Можем ли мы что-нибудь изменить в устройстве страны, в её устоявшихся парадоксах или это просто для чтения? Нет, многое из того, о чём пишет Д. Г. Плынов, просится в жизнь, заставляет задуматься, пересмотреть позицию. Книга не только о прошлом, которое не состоялось, но и о будущем, которое в наших руках и сердцах.

«Священные руны волхвов» — о создании второй письменности славян

Прежде чем представлять анализ рукописи, дадим СЛОВО АВТОРУ священной письменности, выделяя абзацы и отмечая полужирным шрифтом некоторые моменты анализа.

«Но я не хотел создавать фантасмагорию. Я хотел попытаться аргументировать весь процесс. Показать, как именно, шаг за шагом, могла бы возникнуть система письма, которая была бы одновременно функциональной и священной».

«Всё остальное — архитектура, одежда, обычаи — может меняться, заимствоваться, трансформироваться. А вот письменность остаётся следом народа на камне времени. Именно она формирует саму ткань сознания, саму структуру памяти.

Поэтому я подошёл к задаче максимально серьёзно — настолько, насколько позволяют жанр и мои исследовательские возможности. Собрал доступные открытые источники, адаптировал научные изыскания для удобного чтения, изучал популярную историю письменности, сравнивал алфавиты и материалы по фонетике славянских языков, погружался в космологию и числовую символику.

После нескольких месяцев работы я готов показать вам результат — волховский алфавит, который мог бы существовать в мире, где Русь осталась языческой».

Как возникла сама идея создания «второй письменности»? В своём трактате IX века «О письменах» боярин черноризец Храбр упомянул о древнем способе славянского письма: «чертами и резами». Горизонтальные черты, вертикальные резы — это был простой язык учёта, принадлежности, не нужный боярину, но необходимый крестьянину. «Слова складывались из божественных имён, и само письмо становилось молитвой, заклинанием, актом творения по образцу космического упорядочивания».

Получалось, что, наряду с глаголицей, существовала... «вторая письменность», в которой каждое событие «толковалось бы через призму движения богов, влияния планет и воли предков». Восхитительно, не правда ли? Каждый год записывался в едином формате: год, событие,

толкование волхва. Получались бы две системы; одна на всякий рядовой день, а вторая — о, это не просто летописный свод, а священный исторический текст, где каждое событие трактовалось через призму движения богов, влияния планет и воли предков. Письменность стала бы не просто способом записывать торговые сделки и княжеские указы. Она стала бы священным оружием в руках волхвов.

Перо окунается в чернила. Первая буква — Вол — крупная, нарядная, украшенная изящными завитками по бокам. Она выглядит как волна, как дыхание, как жест, вызывающий нечто из небытия... Получается, что всё происходящее отражает высшие законы. Получаются две системы. С одной стороны — **мир устного слова**, где люди говорят, договариваются, торгуют, ссорятся, мирятся. Всё это живое, текучее, изменчивое. Сказанное слово улетает, как птица. Его можно отрицать, переименовывать, забывать. С другой стороны — **мир письменного слова**, где волхвы фиксируют то, что должно остаться навсегда. Это мир твёрдый, неизменный, священный.

Почему письменность — это магия? Потому что она побеждает время. Письменность — это способ преодолеть главное проклятие человеческого существования: смертность и забвение. Написанное остаётся, когда всё остальное рассыпается в прах. Текст превращается в заклинание. Летопись — в магический акт.

Д. Г. Плынов разве одинок? В монографии 1963 года «1100 лет славянской азбуке» её автор **В. А. Истрин** отмечал, что письменные системы архаических обществ редко были лишь утилитарными инструментами фиксации речи: они выступали носителями сакрального знания, встроенного в саму структуру алфавита.

Как убедительно показал **О. В. Творогов** в статье «Велесова книга» (1990), эта концепция впервые появляется в тексте «Велесовой книги» — документа, признанного научным сообществом фальсификацией XX века. В подлинных источниках по славянской мифологии встречается только термин «навь» (мертвец, покойник), зафиксированный в словаре В. И. Даля.

Славянская кириллица, созданная в IX веке (по традиционной исторической версии святыми Кириллом и Мефодием), также содержит **встроенное философское измерение**. Названия букв кириллического алфавита образуют связный текст — на это указывают исследователи истории славянской письменности. Первые буквы складываются в фразы: «Азь буки веде» (я буквы знаю), «Глаголь добро есте» (слово — это достояние), «Живите зело, земля» (живите усердно, земляне), «Мыслите нашъ онъ покой» (постигайте наше мироздание).

«Всё, что я смог сделать, — собрать воедино открытия других учёных и попытаться увидеть в них общую картину. Я стоял на плечах гигантов: Виктора Истрина с его фундаментальными работами по истории письма, Бориса Рыбакова, реконструировавшего славянское язычество, Андрея Зализняка, показавшего, насколько сложна и развита была древнерусская письменная культура. Моя задача была скромнее — проанализировать их выводы и задать вопрос: а что, если?»

«Погружаясь в эту реконструкцию, я наткнулся на поразительное открытие. Письменность — это не просто способ записать звуки речи. Это код мышления. Это матрица, через которую человек структурирует саму реальность. Посмотрите на китайцев с их иероглифами — они мыслят образами, целостными картинками. Или на арабов с их вязью, где каждая буква перетекает в другую — их философия тоже о непрерывности, о единстве всего сущего. А европейцы с их латиницей? Прямолинейность, аналитичность, расчленение мира на отдельные элементы».

В заключении своего анализа опять дадим СЛОВО АВТОРУ, подытожившему накопленный уникальный опыт исследования эзотерического знания.

*«Я не утверждаю, что всё было именно так. Но если допустить альтернативную историю, где Русь осталась языческой, **логика развития культуры неизбежно привела бы к чему-то подобному**. Письменность стала бы не техническим навыком, а формой духовной власти. Грамотность означала бы жречество. А враг, не владеющий этой системой, оказался бы бессилён не только прочитать написанное, но и противостоять магии, заключённой в самой структуре алфавита.*

*Именно в этом, на мой взгляд, и состоит ключевое отличие альтернативной истории от реальной. В нашем мире христианство принесло универсальную письменность, доступную каждому. **В языческой Руси письмо осталось бы эзотерическим знанием — ключом к власти над миром через знание сакральных имён**. Это изменило бы всё: от структуры общества до самого способа мышления».*

Осталось ли всё это в разговорах людей, следы эзотерического знания? Я беседовала с сыном, и он мне сказал, что, во-первых, в 2002 году в поезде одна женщина ему долго рассказывала про «всесвятский алфавит», эзотерический в своей основе. Во-вторых, преподаватель Кунин в МГУ говорил о букве К, и тоже многое было сказано про эзотерику. В-третьих, знакомый сына Рамидин подробно объяснял, что все языки исходят из ахтынского языка. Это недавнее сообщение. Это всё, казалось бы, случайные факты, но весьма красноречивые.

*Вера Константиновна Харченко,
Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и русской литературы
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»*

Точка расхождения

Одно решение — к иной судьбе

История часто предстает перед нами как последовательность неизбежных событий. Мы читаем летописи, изучаем даты и причины — и они кажутся нам окончательными, словно высечены в камне навеки. Но каждый исторический момент таит в себе множество потенциальностей: скрытые пути, которые не были пройдены, возможности, которые остались нереализованными. Одно решение, принятое в моменте, становится историческим, или может развести две цивилизации по принципиально разным траекториям. Таким моментом в судьбе славянских народов стал 988 год — год крещения Киевской Руси.

Для современного читателя, воспитанного в христианской традиции, крещение Руси часто представляется благодеянием — свершением, когда молодое государство присоединилось к семье европейских народов, а свет веры озарил варварские земли. Но если посмотреть беспристрастно, оставив в стороне моральные суждения, мы увидим огромное духовное и культурное наследие, которое было отвергнуто, трансформировано или забыто в этот переломный момент. Самое поразительное — это наследие не исчезло полностью. Оно живет до сих пор, вплетенное в ткань русской культуры, замаскированное под христианскими формами, но сохраняющее свою сущность.

Чтобы понять масштаб того, что было утрачено — или, точнее, загнано в подполье, — стоит вернуться к тому моменту, когда выбор еще не был сделан. В конце X века Киевская Русь достигла значительного культурного и политического развития. Это было молодое, энергичное государство с собственной системой верований, развитыми торговыми связями и сформировавшейся элитой. В языческой Руси существовала иерархия богов, которая отражала структуру общества. Перун — бог войны и грома — возглавлял небесный пантеон и символизировал воинскую элиту. Велес охранял скот и богатство, олицетворяя хозяйственный достаток. Мокошь, богиня плодородия, защищала женщин и семью. У каждого божества были свои жрецы — волхвы, которые не только исполняли ритуальные функции, но и хранили знания, советовали князьям, вершили суд и лечили болезни.

К этому времени волхвы представляли собой устойчивую элиту. Они владели знаниями о небесных светилах, свойствах растений и целебных силах. Они вели летописи и хранили предания о происхождении рода и народа. Волхвы стали первыми философами русских земель, размышляя о природе мира и соотношении человека с космосом. Их школы действовали в крупных городах, а обучение требовало многих лет посвященного труда.

Князь Владимир, стоя перед выбором веры, принял решение в пользу христианства. История рассказывает нам о посольстве, о греческих миссионерах, о привлекательности богатства Константинополя. Но за этим решением скрывается более глубокая логика: христианство предлагало централизованную религиозную систему, иерархию, четкую структуру власти — всё то, что уже было отработано в Европе и могло служить образцом для молодого государства.

Однако этот выбор стоил Руси её уникальности. Русь получила веру, но веру чужеродную, привнесенную извне. Христианство пришло из Греции со всем греческим исповеданием — с его догматикой, с его системой управления через иерархию священства. Оно принесло с собой целую цивилизацию: сначала греческую, позже римскую, с их собственными ценностями и пониманием мира.

Что же было упущено? Прежде всего — развитие собственной системы знания. Волховская наука развивалась по своей логике, синтезируя магические практики с эмпирическими наблюдениями. Она продолжила бы развиваться, и нет оснований считать, что не могла бы при-

вести к собственному Возрождению, к собственной научной революции. История показывает, что развитие знания возможно в разных культурных контекстах — это произошло в исламском мире, в Китае, в Индии. Русь, сохранив традиции волхвов, могла бы пойти своим путем.

Во-вторых — была упущена возможность сохранить целостность языческого мировоззрения. Вместо этого произошло наложение новой веры на старую — процесс, известный историкам как «двоеверие». Народ не забыл своих богов. Он продолжал совершать обряды в честь Велеса, справлял Коляду и Купалу, верил в домовых и леших. Но эта вера ушла в подполье, стала полуправовой, вытесненной на периферию общественной жизни. Могущественные волхвы превратились в колдунов и чародеев. Священные знания, которые должны были передаваться открыто — от учителя к ученику в храмах и при дворцах — стали передаваться украдкой, в лесных общинах и деревенских избах.

В-третьих — была упущена возможность консолидации. К концу X века начался процесс объединения русских земель. Киев к тому времени стал центром, к которому тянулись нити влияния из Новгорода, Полоцка и других городов. Единая вера могла бы стать фактором, консолидирующим эти земли в единое государство. Не это ли произошло в действительности? Да, отчасти. Но консолидация происходила через присоединение к западной цивилизации, через принятие веры, которая принесла с собой западные ценности и западную модель политического устройства. Результатом стало то, что русская элита какое-то время смотрела на Запад, тяготела к католицизму, и только позже, с падением Константинополя, ориентация изменилась.

Останься вся Русь языческой, консолидация происходила бы на иных основах — на почве единой веры, единого понимания мира, единой системы ценностей, которые были бы собственно русскими, а не привнесенными извне. Это создало бы более прочный фундамент для единения.

Волхвы как альтернатива иерархии

Чтобы понять, как мог бы развиваться альтернативный путь, нужно взглянуть на роль волхвов в языческой России не предвзято, справедливо.

Историческая наука часто изображает волхвов примитивными магами, живущими лишь приметами и суевериями. Это отчасти справедливо для низшего уровня волховства — сельских жрецов и целителей. Но волхвы при княжеских дворах — те, кто имели статус Княжеских советников и вёл исторические летописи — были людьми совершенно иного калибра. Они составляли интеллектуальную элиту того общества.

Представим себе, что к концу X века волхвы осознали опасность и начали процесс систематической централизации своей власти. Они могли бы создать общегосударственный совет, подобно тому, как впоследствии развивалась иерархия православной церкви, но с совсем другой структурой. Совет волхвов не был бы авторитарным — волховство, в отличие от монотеистических религий, не требовало единого главы, единой непогрешимой истины. Волхвы могли бы развить систему советов, где знание передавалось бы от учителя к ученику, где старшие волхвы согласовывали бы важнейшие решения... Да, и уже в то время у нас было бы «Советское» государство, но об этом позже...

Такая система имела бы ряд преимуществ перед католической иерархией, а впоследствии и перед православной. Во-первых, она была бы органичной для славянской традиции — вспомним народные вече, собрание, которые сохранялись в северной части Руси и в Новгороде вплоть до позднего средневековья. Совет волхвов в такой модели был бы не отстраненной от народа иерархией, а органичной частью структуры власти, включающей князей, народное вече и волхвов. Это примерно, как сейчас: Президент, Государственная Дума и Совет Федерации с сенаторами.

Во-вторых, система Совета волхвов не требовала бы той степени централизации и контроля, которая была характерна для западной церкви. Волхвы могли бы позволить существование разных школ внутри единого движения, различных толкований одного и того же знания. Это не приводило бы к расколам и взаимным осуждениям, как происходило в христианстве, а просто порождало бы различные пути развития в рамках единой традиции.

Главное — Совет волхвов был бы совещательным органом при князе, а не структурой, претендующей на власть над всеми аспектами жизни. Волхвы выступали бы советниками, наставниками, хранителями знания, но не посягали бы на абсолютную власть над совестью и политикой. Князь оставался бы верховным правителем, который опирается на волховское знание, но принимает собственные решения. Такая система была бы динамичнее, лучше адаптировалась к изменениям и оставалась открытой к инновациям.

И самое важное — такая система имела бы историческое обоснование. Волхвы не стали бы чужеродным телом в организме государства, как впоследствии церковь, которая нередко вступала в противоречие с интересами светской власти. Волхвы были бы естественной частью государственной системы, выросшей из глубины славянской традиции.

Логика консолидации: от раздробленности к единству

Почему раздробленное русское государство конца X века вообще нуждалось в централизации? Ответ кроется в исторической логике того времени. Европа переживала формирование крупных монархических государств. Варяги, норманны, викинги, создавшие политические структуры в Восточной Европе, приносили с собой опыт организации из Скандинавии, где также шли процессы централизации. Княжествам, разбросанным по Волге, Днепру и побережью Северного моря, требовался объединяющий фактор.

Христианство, пришедшее в 988 году, выполнило именно эту роль. Оно дало единую веру, единую церковную иерархию, единый календарь обрядов. Через церковь стала возможна более тесная связь между разными княжествами. Монахи, епископы, священники — все они стали частью единой системы, через которую циркулировала информация, культурные влияния, политические идеи.

Но что если волхвы предвидели эту историческую необходимость? Что если они понимали: либо они сами создают систему централизации на основе общего религиозного учения, либо эту роль сыграет чужеродная религия. Что бы произошло тогда?

Прежде всего, произошла бы систематизация сакральных знаний волхвов. Разные школы волхвов, существовавшие независимо друг от друга в разных княжествах, начали бы вырабатывать единую доктрину. Не единую в смысле унификации — волховство всегда допускало региональные особенности в почитании богов — но единую в понимании базовых принципов космоса, этики и политической философии.

Далее, началась бы централизация обрядности. Каждое княжество, каждый город праздновал бы праздники волховского календаря в единые сроки. Это создавало бы ритмическую синхронизацию между разными землями. Когда на берегу Волги совершается обряд Купалы, в Киеве в то же время совершается тот же обряд, в Новгороде — тот же. Это рождает чувство единства, ощущение принадлежности к общему целому.

Затем началась бы система обмена волхвами между княжествами. Старший волхв из Киева приезжал бы в Новгород, обучал местных волхвов, делился знаниями. Так создавалась бы сеть личных связей, укрепляющая политическое единство. Волхвы становились бы послами не только своих княжеств, но и всей русской земли.

Наконец, произошла бы выработка единого «Закона волхвов» — свода правовых норм, основанных на древних обычаях, но кодифицированных и унифицированных. Этот закон применялся бы во всех княжествах, создавая единую правовую базу. Как известно из источников, такой процесс начинался при князе Ярославe с его «Русской Правдой», но там это были законы князя. В нашей альтернативной истории они стали бы законами и Совета волхвов, и князя одновременно, что придало бы им значительно больший авторитет.

Результатом стал бы постепенный переход от раздробленной федерации княжеств к единому государству — но не через насильственное завоевание одного княжества другим, а через органический процесс консолидации на религиозной и культурной основе.

Волхвы и политическая элита: иная модель власти

Один из самых интересных аспектов альтернативной истории — это то, как развивалась бы система управления государством, если бы волхвы оставались ключевым институтом.

В средневековой Европе, когда завоеватели принимали христианство, возникала любопытная динамика. Светская власть (короли, князья) и духовная власть (епископы, папа) вступали в сложные, часто конфликтные отношения. Король нуждался в авторитете церкви для легитимации своей власти, но церковь претендовала на независимость, а порой и на верховенство над светскими правителями. История полна примеров борьбы между королями и епископами, между мирским и духовным.

В языческой России всё сложилось бы иначе. Волхвы и князь развивались бы не в противостоянии, а в союзе. Волхвы нуждались в князе для реализации своей власти — без вооруженной силы и административного аппарата они не могли бы управлять государством. Князь, в свою очередь, нуждался в волхвах для божественного освящения своей власти, для получения советов и для регулирования нравственной жизни общества.

Система была бы триединой: князь как военный и административный лидер, волхвы как духовные и интеллектуальные лидеры, и вече — народное собрание — как выразитель воли народа. Каждая из этих сил нуждалась бы в двух других. Князь не мог бы удержать власть без поддержки волхвов и одобрения народа. Волхвы не могли бы воплотить свою программу в жизнь без помощи князя. Вече не могло бы превратить свои решения в реальную политику без авторитета князя и благословения волхвов.

Такая система была бы менее стабильной, чем абсолютная монархия, но и менее деспотичной. Она оставляла бы больше пространства для разных точек зрения, для компромиссов, для учета интересов различных групп. И самое главное — она была бы органична славянской традиции. Вече, которое существовало в Новгороде и Киеве, укрепились бы, а не было бы подавлено.

Волхвы в такой системе занимали бы положение интеллектуальной аристократии при дворе, но обладали бы куда большей властью, чем европейские ученые. Они совещались бы с князем по всем важнейшим вопросам, и их мнение нельзя было бы просто отмахнуться. Хотя окончательное решение оставалось бы за князем, игнорировать совет волхвов означало бы навлечь на себя опасность — и политическую, и духовную.

Культурная стойкость: почему язычество не умерло бы, а развилось

Здесь мы подходим к самому важному вопросу: почему язычество, если бы его не заменили христианством насильственно, не просто бы выжило, но развилось и модернизировалось?

Ответ кроется в исторической логике развития культур. Культура не умирает, пока служит внутренним потребностям общества. Язычество служило этим потребностям русского народа. Оно объясняло природные явления. Оно давало смысл жизни. Оно связывало человека с землей, историей, предками. Оно предоставляло календарь обрядов, которые структурировали жизнь общины. Человек в языческом обществе не был отчужден от космоса, истории, общины — он был их органичной частью.

Когда пришло христианство, оно не смогло полностью вытеснить эти глубокие потребности. Народ попытался вместить новую веру в старые формы. Коляда превратилась в праздник Рождества Христова. Купала стала днем Иоанна Крестителя. Семик — днем Святого Духа. Огонь, который прежде зажигали при совершении обрядов, теперь горел в церквях. Но суть осталась прежней.

Если бы нового вероучения не существовало, если бы учение волхвов продолжало развиваться естественным путем, оно адаптировалось бы к меняющимся условиям. Волхвы обладали достаточным интеллектом, чтобы понимать новые идеи, приходящие из Европы и Азии, и встраивать их в свое учение. Они сохранили бы основные принципы — веру в богов, почитание природы, уважение к предкам — но при этом развили бы сложные философские системы, способные объяснить новые явления и новые знания.

Как это происходило в других культурах? В исламском мире волхвы не были подавлены, а интегрированы в ислам. Суфизм сохранил множество элементов доисламских верований. В Индии, несмотря на появление буддизма, индуизм остался живой силой, адаптируясь и развиваясь. Буддизм, придя в Китай, впитал элементы местных верований и создал синтез. Нет причин полагать, что восточнославянское язычество повело бы себя иначе.

Волховская философия стала бы более сложной и разработанной. Волхвы развили бы глубокое учение о природе космоса и структуре мироздания. Они изучали бы греческую философию и исламские науки, но интерпретировали бы их через призму своих верований. Так они создали бы синтез — нечто совершенно оригинальное, специфически русское.

Обрядность развивалась бы, но сохранила бы свои корни. Праздники по-прежнему совершались бы в связи с сельскохозяйственным циклом, но обогащались бы новыми смыслами. Магия развивалась бы, впитывая элементы естественных наук, создавая новый синтез, который мы бы сегодня назвали ранней наукой.

Но самое интересное началось бы с расширением русских земель. Представьте: каждое новое присоединенное племя, каждый покоренный народ приносил бы с собой не только территорию и подданных, но и свой духовный мир. И волхвы, в отличие от христианских миссионеров с их стремлением искоренить «ересь», видели бы в этом не угрозу, а возможность обогащения.

Когда русские дружины продвигались на север и восток, они встречали финно-угорские племена — мерю, весь, мурому, мордву. У этих народов были свои духи леса и воды, свои шаманские практики, свое понимание связи между мирами. Волхвы не стали бы уничтожать эти верования. Напротив — они увидели бы в финно-угорских духах лесов родственников своих собственных леших и водяных. Шаманские техники вхождения в транс, практики общения с духами животных — всё это обогатило бы арсенал волховского знания.

Представьте волхва, который учится у мордовского жреца искусству общения с духом медведя, или перенимает у карельского нойды способы предсказания по полету птиц. Это

не было бы простым заимствованием — это был бы диалог, взаимное обогащение. Финно-угорские народы получали бы доступ к более развитой философской системе волхвов, к их письменности и накопленным знаниям. Волхвы же обретали бы новые практические техники, новые способы взаимодействия с природными силами.

Продвижение на юг и восток открывало бы еще более захватывающие перспективы. Тюркские народы степи — половцы, печенеги, позже татары — принесли бы с собой культ Тенгри, небесного бога-творца, и богатую традицию степного шаманизма. Здесь волхвы столкнулись бы с концепцией единого небесного божества, которая могла бы трансформировать их собственный пантеон. Возможно, Перун постепенно приобрел бы черты верховного небесного бога, подобного Тенгри, оставаясь при этом громовержцем и покровителем воинов.

Тюркские шаманы — камы — владели техниками экстатического путешествия в иные миры, которые были более разработаны, чем славянские аналоги. Их бубны, их песнопения, их способы общения с духами предков — всё это влилось бы в волховскую традицию. Более того, через тюркские народы волхвы получили бы доступ к еще более далеким традициям — к зороастризму Персии, к буддизму Центральной Азии, к древним учениям Китая.

Освоение Сибири открыло бы перед волхвами настоящую сокровищницу духовных практик. Сибирские шаманы — от якутских ойунов до чукотских кэлотов — обладали невероятно глубоким пониманием взаимодействия человека с суровой северной природой. Их космология, в которой мир делился на множество слоев, их детально разработанные представления о душе и ее путешествиях, их практики исцеления — всё это обогатило бы волховское учение невероятно.

Представьте себе Совет волхвов в Киеве или Новгороде, где заседают не только славянские жрецы, но и мордовский жрец, и тюркский кам, и якутский ойун. Они спорят, обмениваются знаниями, ищут общее в своих традициях. Постепенно вырабатывается общий язык, общая терминология, общее понимание устройства мира. Славянский Велес оказывается родственником финно-угорского Войпеля, оба они связаны с нижним миром и богатством. Перун находит параллели в Тенгри и в финском Укко. Мокошь сливается с мордовской Анге-Патяй, богиней-матерью.

Это не было бы механическим смешением — это был бы органический синтез, подобный тому, как буддизм, придя в Тибет, впитал местную религию бон и создал тибетский буддизм. Или как буддизм в Японии слился с синтоизмом, создав уникальную японскую духовную традицию. Или как римляне включали в свой пантеон богов покоренных народов, отождествляя их со своими божествами.

Но русский синтез был бы еще более впечатляющим, потому что охватывал бы невероятное разнообразие культур — от балтийских славян на западе до чукчей на востоке, от саамов на севере до народов Кавказа на юге. Каждый народ вносил бы свою нить в эту ткань, и постепенно возникла бы единая, но невероятно богатая и многослойная духовная традиция.

Эта традиция стала бы основой для объединения. Не насильственная христианизация, не подавление местных верований, а их включение в общую систему. Мордвин или якут, принимая волховское учение, не отказывался бы от своих богов и духов — он видел бы, как они находят свое место в общей картине мира. Это создавало бы гораздо более прочную основу для единства, чем любая навязанная сверху религия.

Более того, такая система была бы невероятно устойчивой к внешним влияниям. Когда бы ни пришли христианские или исламские миссионеры, они столкнулись бы не с разрозненными племенными культами, а с развитой, философски обоснованной, интеллектуально богатой традицией, которая уже доказала свою способность впитывать и переваривать чужие идеи, оставаясь при этом собой.

Самое главное — язычество развивалось бы как живой организм, не подвергаясь подавлению, не загнанное в подполье. Это позволило бы ему полностью раскрыть свой потенциал. И

кто знает — возможно, к нашему времени на территории от Балтики до Тихого океана существовала бы единая синкретическая вера, столь же сложная и развитая, как индуизм или буддизм, но совершенно уникальная, рожденная из слияния десятков традиций под эгидой волховской мудрости.

Языческие корни в христианских обрядах: живое наследие

Завершив этот краткий обзор того, что было упущено и что могло бы быть, стоит отметить одно поразительное обстоятельство: язычество не исчезло полностью даже после насильственной христианизации. Оно продолжало жить в народной культуре, в обрядах, которые официально считались христианскими, но в которых текла древняя кровь.

Особенно ярко это видно в святочных обрядах. Святки — период между Рождеством и Крещением — сохранили всю структуру древнего обряда Коляды. Колядование, когда молодёжь ходит по домам с песнями и получает угощение, — это прямое продолжение древнего ритуала возрождения солнца. Переодевание в маски и костюмы, изображение смерти и воскрешения — всё это восходит к древним магическим обрядам. Гадания на святки — от воска на воде до подслушивания под окнами — чистейшая магическая практика, которую церковь осуждала, но искоренить не смогла. Ряженные в медвежьих шкурах и козьих масках разыгрывали древнейшие мистерии плодородия, лишь формально приуроченные к христианскому празднику.

Масленица — ещё один показательный пример. Официально это неделя перед постом, подготовка к Пасхе. Но в действительности — древний обряд проводов зимы и встречи весны. Сожжение чучела Масленицы напрямую восходит к старинным ритуалам сожжения соломы для пробуждения плодородия земли. А блины, круглые, как солнце, символизируют светило, возрождающееся из зимней тьмы. Кулачные бои, взятие снежного городка, катание на санях с гор — всё это отголоски древних состязаний в честь пробуждающейся природы. Церковь пыталась придать Масленице христианский смысл, но народ упорно праздновал её по-своему, сохраняя языческую суть под тонким христианским покровом.

Купала, как уже было сказано выше, переименованный в день Иоанна Крестителя, сохранился практически без изменений. Костры в ночь на Ивана Купалу, прыжки через огонь, омовление в реках — всё это прямое наследие древнего обряда встречи летнего солнца. Поиск цветка папоротника, магические практики этой ночи — чистое язычество, лишь прикрытое христианским праздником. Девушки пускали венки по воде, гадая о суженом, собирали травы, которые в эту ночь обретали особую силу. Влюблённые прыгали через костёр, держась за руки — если не разомкнут рук, быть свадьбе. Всё это — магия плодородия, любви и огня, которой тысячи лет.

Даже в церковной обрядности язычество дышит под христианской личиной. Почитание святых часто соответствует почитанию древних богов, причём замещение происходило не случайно, а по принципу функционального сходства. Святой Георгий, победоносец, пронзающий копьём змея, часто ассоциируется с Перуном — оба громовержцы, оба воители, оба побеждают хтонических чудовищ. В народном сознании Егорий Храбрый стал покровителем воинов и скота, соединив в себе черты Перуна и Велеса.

Илья-пророк и вовсе прямо занял место Перуна. Он ездит по небу на огненной колеснице — точно как Перун на своей громовой повозке. Гром — это грохот его колёс, молния — его стрелы. День Ильи-пророка (2 августа) стал днём, когда нельзя купаться — вода становится холодной, потому что Илья бросил в неё свою стрелу. Это чистейшая трансформация мифа о Перуне, преследующем змея в водах. Крестьяне говорили: «Илья грозы держит», — и это было прямым продолжением культа громовержца.

Святой Власий (Влас) стал христианским двойником Велеса — «скотьего бога». День святого Власия (24 февраля) отмечался как праздник скотоводов. В этот день служили молебны о здравии скота, окропляли животных святой водой, кормили их особым хлебом. «Власий — коровий бог», — говорили в народе, даже не скрывая языческих корней этого

почитания. Велес был богом богатства, скота и потустороннего мира — и святой Власий унаследовал все эти функции.

Святая Богородица в многих слоях русского православия впитала черты древней Мокоши, богини плодородия и материнства. Мокошь была единственным женским божеством в пантеоне Владимира, она покровительствовала женским работам, прядению, ткачеству. И Богородица стала защитницей женщин, особенно рожениц и матерей. Праздник Покрова Богородицы (14 октября) совпал с окончанием полевых работ и началом женских зимних занятий — прядения и ткачества. В этот день девушки молились о замужестве, точно как когда-то молились Мокоши. Даже запрет прясть в определённые дни перешёл с Мокоши на Богородицу — в пятницу (день Мокоши) нельзя было прясть, иначе Параскева Пятница (ещё одна христианская ипостась Мокоши) накажет.

Святой Николай, помощник в беде и защитник путешественников, занял место Велеса в его функции покровителя путников и торговцев. Николай Угодник стал одним из самых почитаемых святых на Руси — именно потому, что он заместил древнего и любимого бога. Его призывали в дороге, ему молились о помощи в торговых делах, его считали защитником от всякой беды. «Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает», — говорили в народе.

Но замещение богов святыми — лишь верхушка айсберга. Гораздо глубже язычество проникло в саму структуру обрядов жизненного цикла.

Возьмём похоронные и поминальные обряды. Родительские субботы — дни особого поминовения усопших — прямое продолжение древнего культа предков. Тризна, языческий поминальный пир с обильной едой и питьём, превратилась в поминки, но сохранила всю свою структуру. Кутья — ритуальная каша из зёрен с мёдом — древнейшее жертвоприношение духам предков, символ вечной жизни через зерно, которое умирает в земле и возрождается колосом. На могилы приносили блины, яйца, пироги — оставляли «для покойника», точно, как язычники оставляли пищу для духов предков.

Радоница — день поминовения на кладбище после Пасхи — сохранила откровенно языческий характер. Люди приходили на могилы, ели, пили, разговаривали с умершими, как с живыми. Лили водку на могилу, крошили хлеб, оставляли крашеные яйца. Церковь пыталась бороться с этим обычаем, называя его «бесовским», но народ не отступал. Связь с предками была слишком важна, слишком глубока, чтобы её разорвать.

Даже плач по покойнику — причитания, которые исполняли специальные плакальщицы, — восходил к древнейшим магическим практикам. Плакальщица не просто выражала горе, она проводила душу в иной мир, помогала ей найти дорогу, договаривалась с силами потустороннего мира. Это была магия, облечённая в форму скорби.

Свадебные обряды — ещё одна сокровищница языческих пережитков. Плач невесты перед свадьбой — не выражение печали, а магический ритуал прощания с родом, с девичеством, с прежней жизнью. Невеста причитала, как по покойнику, потому что символически умирала в одном качестве, чтобы возродиться в другом. Это была инициация, переход через границу миров.

Каравай — свадебный хлеб, украшенный фигурками птиц, солнца, колосьев — древнейший символ плодородия и изобилия. Его пекли с особыми обрядами, с песнями и заговорами. Разламывание караваев над головами молодых, осыпание их зерном — магия плодородия в чистом виде. Зерно — символ жизни, продолжения рода, богатства.

Прыжки через метлу или веник, которые практиковались в некоторых областях, — символическое очищение, переход через границу. Обвязывание рук молодых рушником — магическое связывание их судеб. Выкуп невесты, похищение её из родительского дома — отголосок древнейших обрядов, когда невесту действительно похищали из другого рода.

Даже венчание в церкви не вытеснило языческих элементов. Молодые трижды обходили вокруг аналая — магический круг, защита от злых сил. Кольца — древнейший символ вечности и связи. Осыпание хмелем и зерном — опять же магия плодородия.

Народная медицина и заговоры — отдельная вселенная, где христианство и язычество сплелись в неразрывный узел. Знахари и знахарки лечили травами, заговорами, магическими действиями — и при этом призывали в своих заговорах христианских святых. Но логика заговора оставалась чисто языческой, магической.

«Встану я, раба Божья, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле. В чистом поле стоит престол, на престоле сидит Матерь Божья, держит иглу золотую, нитку шелковую, зашивает рану кровавую...» — типичный заговор от раны. Здесь Богородица действует как магическая сила, которую можно заставить помочь через правильное произнесение слов. Это не молитва, это заклинание.

Заговоры существовали на все случаи жизни: от болезни, от сглаза, от порчи, на любовь, на удачу в торговле, на урожай, на защиту скота. И во всех них христианские образы использовались как магические инструменты, встроенные в языческую картину мира.

Травы собирали в определённые дни, с определёнными словами, на определённых местах. Иван-да-марья, разрыв-травы, плакун-травы — каждая имела свою магическую силу. Знахарь знал, когда и как собирать, как сушить, как применять. Это было древнее знание, передававшееся из поколения в поколение, лишь слегка окрашенное христианскими формулами.

Почитание природных объектов тоже никуда не делось, только приобрело христианский камуфляж. Священные источники стали «святыми колодцами» и «святыми ключами». Над ними ставили часовенки, иконки, кресты — но люди приходили к ним точно так же, как их предки приходили к священным родникам. Умывались водой, пили её, брали с собой, приносили дары — монетки, ленточки, хлеб.

Священные деревья — дубы, берёзы, рябины — продолжали почитаться. Около них служили молебны, к ним привязывали ленточки, под ними оставляли подношения. Церковь пыталась бороться с этим, но часто шла на компромисс — ставила около почитаемого дерева крест или икону, христианизировав языческое место силы.

Целые рощи считались священными. В них нельзя было рубить деревья, ломать ветки, шуметь. Это были места обитания духов, места силы. И даже после христианизации эти рощи сохраняли свой статус — теперь их называли «божьими рощами» или ставили в них часовни, но суть оставалась той же.

Домашние духи — домовый, банник, овинник — спокойно уживались с православием. Домовой был хозяином дома, его нужно было уважать, кормить, задабривать. Переезжая в новый дом, домового приглашали с собой, используя специальные ритуалы. Банник был хозяином бани — опасным и своенравным, его нужно было умиловить перед тем, как париться. Овинник охранял овин, где сушили снопы.

Лешие в лесу, водяные в реках, русалки в омутах — весь мир был населён духами, и христианство не вытеснило их, а лишь объявило «нечистой силой». Но народ продолжал с ними взаимодействовать, знал правила поведения, способы защиты и умиловления. Идя в лес, кланялись лешему, просили разрешения. Переходя реку, кланялись водяному. На Русальной неделе остерегались ходить к воде, где русалки могли защекотать до смерти.

Даже церковная архитектура впитала языческие элементы. Ориентация храмов на восток — к восходящему солнцу — древнейшая традиция солнечного культа. Купола церквей, луковичные и золотые, символизируют небесный свод, космическое яйцо, из которого родился мир. Количество куполов имело символическое значение: один — единый Бог, но также и единое солнце; три — Троица, но также и три мира (небо, земля, подземный мир); пять — Христос и четыре евангелиста, но также и четыре стороны света с центром-осью мира.

Красный угол в избе, где стояли иконы, — это прямое продолжение священного угла, где в языческие времена стояли изображения богов и предков. Место осталось то же, функция та же связь с высшими силами. Только изображения сменились.

Календарные праздники — почти каждый из них имеет языческие корни. Сретение (15 февраля) — встреча зимы с летом, день, когда «зима с летом встретились». Благовещение (7 апреля) — день, когда «птица гнезда не вьёт, девица косы не плетёт», день весеннего равноденствия, когда земля просыпается. Егорьев день (6 мая) — выгон скота на пастбище, праздник пастухов и скотоводов. Троица — праздник зелени, когда дома и церкви украшали берёзовыми ветками, когда девушки плели венки и гадали на них. Спас — три праздника урожая: медовый, яблочный, ореховый. Покров (14 октября) — завершение полевых работ, начало зимы, свадебная пора.

Каждый из этих праздников был привязан к сельскохозяйственному циклу, к природным явлениям, к жизни общины. Христианство дало им новые имена и новые легенды, но суть осталась прежней — это были праздники земли, солнца, урожая, жизни.

Даже крестное знамение само может быть прочитано как отголосок древних жестов, связанных с ограждением себя от нечистых сил. Крест — символ четырёх сторон света, четырёх ветров, защитный знак, который использовался задолго до христианства. Осенять себя крестом — значит создавать вокруг себя защитный круг, магический барьер.

Свечи в церквях — это трансформация священного огня волховских обрядов. Огонь всегда был священным элементом, посредником между мирами, очистительной силой. Ставить свечу перед иконой — значит приносить жертву огнём, устанавливать связь с высшими силами через пламя.

Святая вода — это трансформация священного источника, к которому обращались предки. Вода — другой священный элемент, символ жизни, очищения, перехода. Окропление святой водой, питье её, омовение — всё это древнейшие магические практики, облечённые в христианскую форму.

Даже хлеб и вино причастия имеют прямые параллели в древних жертвоприношениях. Хлеб — тело земли, плод её, символ жизни и изобилия. Вино — кровь земли, символ жизненной силы. Вкушение их — магический акт соединения с божественным, с силами природы, с космосом.

Все это показывает, что язычество слишком глубоко вросло в народную психологию, чтобы его можно было вырвать с корнем. Оно приспособилось, надело христианскую маску, но осталось живым — продолжало работать, продолжало отвечать тем же психологическим и социальным потребностям, что и до христианизации.

Для нашей альтернативной истории этот факт имеет огромное значение. Если бы язычество не подавили, если бы оно развивалось открыто, во всей полноте, без необходимости прятаться и подстраиваться под чужую систему верований — только представьте, каких высот оно могло бы достичь.

Русь начальная — Россия иная

Итак, мы приходим к главному тезису этого исследования: 988 год стал развилкой, где был выбран один из возможных путей развития, но далеко не единственный. Если бы волхвам удалось укрепить свою власть, если бы они выстроили целостную систему управления на языческой основе, Русь пошла бы совершенно другим путём.

Не в этом ли и заключается самая болезненная потеря русской истории? Не в том, что приняли чужой закон, а в том, что забыли собственное прошлое, оборвали свою линию развития. Дерево, которое могло вырасти из русской земли по своим законам, срубили — и на его месте посадили другое, растущее по правилам, принесённым со стороны.

И все же, как мы видели, это древо не погибло полностью. Его корни остались живыми, его соки продолжают циркулировать в национальной культуре, оно дает новые ростки там, где его не видят и не преследуют. Возможно, исследуя эту воображаемую альтернативную Россию, мы поймем, что означает быть русским за пределами навязанной нам истории. Возможно, мы услышим голоса тех волхвов, которых никогда не слышали, и узнаем, что они могли бы нам сказать.

Перейдем же в мир, где эта точка альтернативного расхождения — не конец, а начало. Где 988 год не стал роковым поворотом, а был моментом, когда Русь выбрала остаться верной себе.

ЧАСТЬ I. ОСНОВЫ ЯЗЫЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1. Территориальное и административное устройство

1.1. Священная география русского языческого государства

Чтобы понять, как была бы организована Русь, оставшись верна древней вере, необходимо отбросить привычное современное представление о государстве как о геометрически четком, строго очерченном объекте на географической карте с ясно прочерченными линиями границ. Средневековое государство — особенно языческое — никогда не было таким. Границы размывались, растворялись в лесах и болотах, уходили в туман неопределенности, где власть одного князя постепенно сменялась влиянием другого. Это было пространство переходов, а не жестких разделений. Но была совсем другая География — священная география, живая и наполненная смыслом, воплощающая в себе космологию народа, его представления о строении мира и месте человека в нем.

Русская земля в этой альтернативной истории делилась бы не по административному принципу, знакомому нам по позднейшим временам, а по принципу сакральному, освященному преданиями и волей богов. Каждая земля соответствовала бы определенному космическому принципу, определенной сфере влияния богов, их покровительству и их силе. И число это было бы священным — число девять, священное число триады, умноженной на саму себя: три земли земные, где живут люди и совершаются их дела; три земли небесные, где обитают светлые боги и откуда нисходят благословения; три земли подземные, где властвуют темные силы и куда уходят души предков, отражающие известное нам из древних памятников и былин разделение мироздания на три уровня: Правь — мир богов и законов, Явь — мир людей и видимой реальности, и Навь — мир духов, предков и потустороннего.

Девять священных земель Руси

Первая — **Новгородская земля**, на севере, где река Волхов несет свои воды к морю. Это земля Волоса (Велеса), божества водной стихии, торговли и богатства. Новгород — город на воде с развитыми торговыми связями и вечевым правлением — стал естественным центром этой земли. Волхвы предвидели: Новгород будет расти и процветать именно благодаря географической и духовной связи с Волосом, богом-покровителем торговцев и мореходов.

Вторая — **Киевская земля**, в самом сердце, на Днепре. Это была бы земля Перуна и Дажьбога, земля княжеской власти и воинской доблести. Киев остался бы центром государства не просто по политическим соображениям, а по космическому предназначению. Киевское святилище Перуна с его грозным богом войны стало бы главной святыней державы — местом, где совершались бы важнейшие ритуалы.

Третья — **Смоленская земля**, расположенная западнее, на пути к Польше и Западной Европе. Это была бы земля Сварога, бога огня и ремесла, божества, которое обучает людей мастерству. Смоленск, стоящий на месте пересечения лесных троп и водных путей, стал бы центром торговой активности — местом, где рождаются новые идеи и создаются новые товары.

Четвертая — **Полоцкая земля**, на северо-западе, где Западная Двина пробивается сквозь балтийские земли. Это была бы земля Мокоши, богини земли, плодородия и женского начала. Полоцк, древний центр славянской культуры, прославившийся развитием грамотности и искусств, естественно, соответствовал бы богине, которая оберегает дома и семьи.

Пятая — **Псковская земля**, на самом северо-западе, в болотистых краях, где границы России переходили в балтийские земли. Это была бы земля духов и предков, земля Нави — место, где мир живых и мир мёртвых соприкасаются теснее всего. Псков с его суровым, «полусредневековым» обликом, крепостями и неустанной боеготовностью стал бы естественным центром этой земли. Он охранял бы не только физические рубежи государства, но и границы между мирами.

Шестая — **Рязанская земля**, на юго-востоке, на границе со степью. Это земля Макоши и Велеса, земля плодородия и скотоводства. Рязань, расположенная на верхней Оке, стала центром сельскохозяйственного благосостояния — отсюда вывозили зерно, мед, меха и все прочие дары земли.

Седьмая — **Владимирская земля**, в самом центре, на верхней Волге, где древняя славянская культура соприкасается с финно-угорским миром. Это была бы земля Рода, верховного божества, создателя и устроителя всего сущего. Владимир, позже ставший центром княжества, естественным образом возвышался бы как средоточие духовного единства.

Восьмая — **Тверская земля**, между Волгой и верхней Окой. Это земля Ярилы, бога весны, молодости и возрождения. Тверь — молодой город, полный энергии и стремящийся к расширению — идеально воплощала бы этого бога и его качества.

Девятая — **Суздальская земля**, расположенная в восточной части, где славянская культура соприкасается с финно-угорской. Это была бы земля Симаргла, крылатого божества-защитника, охраняющего от зла и стерегущего границы и переходы. Суздаль, с его монастырями и крепостями (которые в альтернативной истории стали бы волховскими святилищами), служил бы центром защиты восточных рубежей.

Однако священное разделение Руси не ограничивалось просто девятью землями. Каждая земля в свою очередь делилась бы по тройственному принципу: центральная часть, земляная часть и водяная часть, отражая триединство Прави, Яви и Нави. Получалась бы сложная, многослойная система, которая, с первого взгляда, казалась бы запутанной, но на самом деле была необычайно логичной и органичной для народа, живущего в согласии с принципами древней космогонии.

Расширение священной географии: новые земли великой Руси

Но девять земель — это лишь начало истории. Языческая Русь, не скованная догматами единобожия, обладала бы удивительной способностью к органическому росту. Каждое новое присоединение территорий не было бы простым завоеванием или административным расширением — это становилось бы священным актом, включением новой земли в космический порядок, признанием её божественного покровителя и интеграцией местных традиций в общерусское волховское учение.

Представьте: Совет волхвов не просто благословлял военные походы. Перед каждым значительным расширением волхвы изучали новые земли, их духов, их традиции. Они искали соответствия между местными божествами и русским пантеоном, находили точки соприкосновения, выстраивали мосты между культурами. Это не было насилием над чужой верой — это было признание многообразия божественного, включение нового в уже существующее, обогащение общей традиции.

Так, по мере того как Русь росла, к изначальным девяти землям добавлялись новые священные территории, каждая со своим божественным покровителем, каждая со своими особенностями, но все — части единого целого.

Уральская земля: кузница богов

Первым великим расширением стало бы продвижение на восток, к Уральским горам — хребту, разделяющему Европу и Азию, мир известный и мир неведомый. Это произошло бы не через военную экспансию, а благодаря естественному движению торговцев и рудознатцев, искавших железо, медь и серебро в горных недрах.

Покровителем Уральской земли стал бы **Сварог** — великий небесный кузнец, бог-творец, выковавший мир на своей божественной наковальне. Выбор этот не был бы случайным. Урал — горы, полные металлов. В недрах земли скрыты богатства, которые можно извлечь лишь огнём и молотом. Местные племена — манси, ханты, башкиры — издревле знали секреты металлургии, умели находить руду и плавить её. Их кузнецы пользовались особым почётом и считались людьми, близкими к духам.

Придя на Урал, волхвы увидели бы в этом прямое подтверждение своих космогонических представлений. Согласно славянским преданиям, Сварог — не просто бог-кузнец, а творец материального мира, тот, кто придал форму бесформенному хаосу. А что есть работа кузнеца, как не превращение бесформенной руды в совершенный инструмент? Урал становился земным отражением небесной кузницы — местом, где Сварог особенно близок к людям.

Волховское учение впитало бы местные традиции почитания горных духов — хозяев рудников и пещер. Мансийский культ Мир-Сусне-Хума, священного покровителя, который наблюдает за миром с вершины горы, органично слился бы с образом Сварога, взирающего с небес на свою кузницу. Башкирские предания о батырах и священных горах обогатили бы русский эпос новыми сюжетами — историями о героях, получающих волшебное оружие из рук горных духов.

В Уральской земле возникли бы особые волховские школы, где изучали бы металлургию и горное дело. Здесь постигали бы не только технику плавки иковки, но и священные аспекты работы с металлом: как правильно обращаться к духу руды, какие жертвы приносить перед началом работ, как освящать готовое изделие. Уральские волхвы-кузнецы стали бы знамениты по всей Руси, а оружие, выкованное в священных кузницах у подножия Уральских гор, считалось бы наделённым особой силой.

Сибирская земля: царство вечной зимы и шаманских тайн

Но за Уралом простирались земли ещё более обширные и загадочные — бескрайняя Сибирь, край вечных снегов, тёмной тайги и великих рек. Освоение Сибири языческой Русью шло бы медленнее, чем в нашей истории, зато глубже и органичнее. Это не было бы стремительным казачьим завоеванием — скорее постепенное проникновение через торговлю, смешение народов, взаимное обогащение культур.

Сибирь стала бы землёй **Морозко** (или **Студенца**, **Зимника** — имена варьировались в разных традициях) — божества зимы, холода и севера. В южных землях Руси Морозко воспринимался скорее как сезонное божество, приходящее и уходящее. Но в Сибири, где зима длится большую часть года, где мороз убивает за считанные часы, где холод — не временное неудобство, а постоянная реальность, Морозко становился одним из главных богов, требующим неустанного почитания и уважения.

Здесь волховское учение столкнулось бы с мощнейшей шаманской традицией местных народов — эвенков, якутов, бурятов, тунгусов. Но это столкновение стало бы не конфликтом, а синтезом. Шаманизм и славянское язычество имели множество точек соприкосновения: оба признавали множественность миров, оба практиковали путешествия духа, оба почитали духов природы и предков.

Сибирские шаманы с их бубнами, экстатическими практиками и способностью входить в транс произвели бы огромное впечатление на русских волхвов. Техники камлания — ритуального путешествия в иные миры — обогатили бы волховскую практику новыми методами и глубиной. Представление о трёх мирах (верхнем, среднем и нижнем), центральное для сибирского шаманизма, идеально соответствовало славянской космологии Прави, Яви и Нави.

Возникла бы особая школа сибирских волхвов-шаманов, практикующих синтетическую традицию. Они использовали бы славянские и сибирские техники одновременно, носили одежды, сочетающие элементы обеих культур, проводили ритуалы, где славянские заклинания переплетались с горловым пением тувинцев и бурят.

Сибирские земли были бы огромны — возможно, их разделили бы на несколько областей: Западно-Сибирскую (от Урала до Енисея), Восточно-Сибирскую (от Енисея до Лены) и Дальневосточную (до самого океана). Но все они объединялись бы общим покровительством Морозко и единой шаманско-волховской традицией.

Именно из Сибири в общерусскую культуру пришли бы практики работы с духами животных. Тотемизм, который у славян существовал в зачаточной форме, здесь расцвёл бы в полную силу. Медведь, волк, олень, орёл — каждое животное становилось не просто символом, но духовным союзником, с которым волхв мог устанавливать прямую связь.

Волжская земля: там, где встречаются солнце и степь

Продвижение на юго-восток, в Поволжье, к землям бывшей Волжской Булгарии и будущего Казанского ханства, открыло бы перед Русью совершенно иной мир — мир тюркских народов, бескрайних степей и великой реки, где переплетались оседлая и кочевая культуры.

Своим покровителем Волжская земля получила бы **Дажьбога** — бога солнца, света, тепла и изобилия. Дажьбог (чьё имя означает «дающий бог») был одним из центральных божеств славянского пантеона, но в Поволжье его культ приобрёл бы особые черты. Здесь, на границе леса и степи, солнце имело исключительное значение: для земледельцев оно было источником урожая, для кочевников — ориентиром в бескрайней степи.

Тюркские народы Поволжья — татары, башкиры, чуваша — развили богатый культ небесных светил. Тенгри, верховное небесное божество тюрков, во многом перекликался с солярными богами славян. Волхвы увидели бы в этом не противоречие, а доказательство универсальности божественного порядка: разные народы просто по-разному называют одни и те же космические силы.

Волжская земля превратилась бы в место особенно насыщенного культурного обмена. Здесь славянские волхвы встретились бы с тюркскими камами (шаманами), мусульманскими суфиями (если ислам всё же проник в регион, но не стал доминирующим) и остатками зороастрийских традиций. Возник бы уникальный синкретизм, где славянские, тюркские и иранские элементы сплелись бы в единое целое.

Представьте волховское святилище в Казани или Булгаре: в центре — изображение Дажьбога в виде солнечного диска с лучами, выполненное в тюркском стиле с орнаментами степных народов. Вокруг — символы четырёх сторон света, отражающие тюркскую космологию. Ритуалы ведутся на славянском языке, но вбирают элементы тюркских камланий: горловое пение, особый бубен характерной формы.

Волжская земля превратилась бы в торговый центр огромного значения. Великий Волжский путь связывал север и юг, Балтику и Каспий. Здесь встречались купцы со всего света — обменивались не только товарами, но и идеями, знаниями, верованиями. Волховские школы Поволжья специализировались бы на астрономии и навигации — знаниях, необходимых для земледелия, торговли и степных кочевий.

Таврическая земля: где ветер встречается с морем

Продвижение на юг, к Чёрному морю, Крыму и северному Причерноморью, открыло бы перед Русью земли с древнейшей историей. Здесь когда-то стояли греческие колонии, правили скифы и сарматы, смешивались десятки народов и культур.

Таврическая земля (от древнего названия Крыма — Таврида) получила бы покровителем **Стрибога** — бога ветров, воздушных стихий и небесных просторов. Этот выбор глубоко обоснован географией и климатом региона. Крым и причерноморские степи — земли ветров. Здесь дуют постоянные степные ветры, морские бризы сменяют друг друга, а ветер становится не просто погодным явлением, но силой, определяющей саму жизнь.

Для мореплавателей чьи корабли бороздили Чёрное море, ветер был божеством, от которого зависела сама жизнь. Попутный ветер — благословение, встречный — проклятие, штиль — смертельная ловушка. Для степных кочевников, веками населявших эти земли, ветер становился вестником: приносил запахи, звуки, предупреждал об опасности.

В Таврической земле Стрибога почитали бы с особым благоговением. На высоких мысах, обращённых к морю, возникли бы святилища, где волхвы совершали ритуалы — призывали попутный ветер для кораблей или умирляли бурю. Морские волхвы Тавриды прославились бы умением предсказывать погоду, читать знаки в облаках и в поведении птиц.

Но Таврическая земля была бы важна не только своим божественным покровителем. Здесь, в Крыму, сохранились остатки античной культуры — греческие храмы, римские крепости, византийские монастыри. Языческая Русь не стала бы разрушать эти памятники, а включила бы их в свою традицию. Древнегреческие святилища переосмыслили бы как места силы, где тонка грань между мирами.

Волхвы изучали бы здесь остатки античной философии и науки. Греческие тексты из крымских библиотек переводились бы на славянский, обрастали комментариями, входили в волховское учение. Так возник бы уникальный синтез славянского язычества и эллинистической мудрости — нечто подобное тому, что произошло в раннем христианстве, только в языческом ключе.

Таврическая земля стала бы центром виноделия и садоводства. Культ Диониса, греческого бога вина, слился бы здесь со славянскими представлениями о божествах плодородия. Праздники сбора винограда превратились бы в масштабные ритуалы благодарения земле и солнцу.

Кавказская земля: огненные горы и гордые народы

Ещё дальше на юг, к Кавказским горам — земле, где смешались десятки народов, где каждое ущелье говорит на своём языке, где традиции уходят в глубину тысячелетий. Кавказ никогда не был бы полностью подчинён Руси — это противоречило бы самой природе этих гор и этих народов. Но между ними установились бы союзнические отношения, взаимное уважение и культурный обмен.

Покровителем Кавказской земли стал бы **Симаргл** — загадочное божество, которое в разных источниках описывается то как священный крылатый пёс, то как огненная птица, то как дракон. Симаргл — посредник между небом и землей, защитник от тёмных сил и хранитель священного огня.

Выбор Симаргла для Кавказа был бы глубоко символичен. Кавказ — это горы, устремлённые к небу, земля, где огонь имеет особое значение. Здесь, в Азербайджане, горит вечный огонь, выходящий из-под земли — природный газ, который местные жители издревле почи-

тали как священный. Здесь же, в Грузии и Армении, древние традиции огнепоклонства переплелись с христианством, но так и не исчезли полностью.

Симаргл, как огненное существо, идеально соответствует духу этих мест. Более того, образ крылатого пса или дракона перекликается с кавказской мифологией — грузинскими преданиями о вешапах (драконах), армянскими легендами о вишапах, осетинским эпосом о Нартах с его фантастическими существами.

Волхвы, пришедшие на Кавказ, столкнулись бы с невероятным разнообразием традиций. Каждый народ — грузины, армяне, осетины, черкесы, дагестанцы, чеченцы — имел свою богатую мифологию, свои ритуалы, своих жрецов. Языческая Русь не стала бы навязывать свою веру силой. Вместо этого волхвы установили бы связи с местными жрецами и начали обмен знаниями.

Особенно плодотворным стало бы взаимодействие с осетинами — потомками алан и скифов, чей эпос о Нартах хранил множество параллелей со славянской мифологией. Осетинские жрецы, хранители древних иранских традиций, нашли бы общий язык с русскими волхвами. Культ священного огня, центральный для иранских народов, обогатил бы славянские огненные ритуалы новыми смыслами и практиками.

Кавказская земля стала бы центром изучения боевых искусств и воинских традиций. Кавказские народы издавна славились своей воинственностью, строгим кодексом чести и непревзойденным мастерством владения оружием. Молодые русские воины приезжали бы сюда постигать искусство боя, а кавказские юноши отправлялись бы в русские земли служить в княжеских дружинах.

Поморская земля: там, где правит вечная ночь

Но Русь расширялась бы не только на юг и восток. На крайнем севере, за полярным кругом, где солнце не восходит зимой и не заходит летом, где море замерзает, а земля покрыта вечной мерзлотой, лежала Поморская земля — край, который в нашей истории осваивали русские поморы, отважные мореходы и промысловики.

Покровительницей Поморской земли стала бы **Морана** (или **Морена, Мара**) — богиня смерти, зимы, холода и тьмы. В южных землях к Моране относились с опаской, даже со страхом — это была тёмная богиня, связанная с концом, увяданием и переходом в Навь. Но на крайнем севере, где смерть всегда рядом, где зима длится большую часть года, где тьма полярной ночи окутывает землю на месяцы, Морана превращалась не во врага, а в суровую, но справедливую владычицу, которую следовало уважать и почитать.

Поморы — русские жители севера — были особым народом. Они научились выживать в условиях, которые казались невыносимыми: ходили в море на небольших лодках, охотились на тюленей и моржей, ловили рыбу подо льдом. Их жизнь была постоянной борьбой со стихией, и эта борьба выковала особый характер — стойкий, суровый, но не жестокий.

Волховская традиция на севере естественным образом впитала элементы саамской (лопарской) культуры. Саамы — коренной народ этих земель — обладали развитой шаманской традицией, глубоким знанием природы и умением выживать в арктических условиях. Их нойды (шаманы) практиковали особую магию, связанную с духами северных животных — оленя, медведя, кита.

Северные волхвы стали бы специалистами в предсказании погоды — жизненно важном умении для тех, кто выходит в море. Они изучали бы поведение животных, движение льдов, знаки в небе. Полярное сияние воспринималось бы как проявление Мораны, как её танец в небесах. Волхвы учились бы читать в этих переливах света предзнаменования: приближение бури, удачу в промысле, предостережения об опасности.

Поморская земля стала бы центром особого культа предков. На севере, где жизнь так хрупка, связь с ушедшими ощущалась особенно остро. Духи предков, как верили поморы, помогают живым выжить — предупреждают об опасностях, направляют корабли сквозь туман и бурю, указывают путь домой. Волхвы проводили бы регулярные ритуалы общения с предками: у священных камней на берегу, в дни зимнего солнцестояния, перед выходом в море. Они просили покровительства и защиты, оставляли дары — рыбу, мёд, шерсть — чтобы духи не забывали своих потомков.

Сакральная логика расширения

Все эти новые земли не были случайными приобретениями. Каждое расширение следовало священной логике, которую определял Совет волхвов в Москве. Прежде чем включить новую территорию в состав Руси, волхвы изучали её духовную географию — определяли, какое божество должно стать её покровителем и как местные традиции впишутся в общерусскую систему.

Так возникала постоянно растущая, но при этом органичная и целостная структура. Русь не была империей в привычном понимании — конгломератом завоёванных территорий, удерживаемых силой. Это была священная федерация земель, объединённых общим волховским учением, но сохраняющих свою уникальность, свои традиции, своих богов.

Каждая новая земля обогащала общую традицию. Шаманские практики Сибири углубляли понимание путешествий между мирами. Тюркская астрономия Поволжья совершенствовала календарные расчёты. Кавказские воинские традиции укрепляли дружины. Северное мореходство расширяло географические знания. Уральская металлургия поднимала ремесло на новый уровень.

Так волховское учение становилось всё более сложным, многослойным, универсальным. Оно впитывало мудрость десятков народов, но при этом сохраняло свою славянскую основу — изначальную космологию Прави, Яви и Нави. Это был живой, дышащий организм, а не застывшая догма.

И самое главное — это расширение закладывало фундамент для настоящего единства. Не единства, навязанного силой или идеологией, а единства, рождённого из взаимного уважения, из признания ценности каждой традиции, из понимания, что все народы — части единого космического порядка, что все боги — лишь разные лики единых божественных сил.

Со временем это могло бы привести к формированию действительно универсальной веры — не в смысле единообразия, а в смысле способности вмещать любую традицию, находить в ней божественное начало, органично включать её в общую систему. Нечто подобное тому, что случилось с индуизмом, сумевшим вобрать бесчисленное множество местных культов, или с тибетским буддизмом, синтезировавшим индийскую философию и местный шаманизм бон.

Русь могла бы стать центром такой универсальной языческой традиции — не отрицающей другие веры, а вбирающей их в себя, находящей в них отражение единой истины. И это единство стало бы не слабостью, а величайшей силой — способной объединить народы не через подавление различий, а через их признание и органичное включение.

Но это было бы, или будет, а может уже стало, но в нашей книге — потом. А сейчас мы говорим о девяти исконных землях — оплоте Руси святой.

Управление и власть в священных землях

Каждой землей управлял бы **Родович** — титул, восходящий к древнему понятию о роде как единстве кровных родственников и их духовной связи. Родович не был бы просто князем, администратором или начальником. Это было бы куда более глубокое понятие. Родович

воплощал бы единство земли — человек, рожденный из местной знати, прошедший волховское посвящение и признанный волхвами духовно достойным управлять землей.

В отличие от князей, которых мог назначить один правитель или которые приходили к власти в результате войны, Родович должен был происходить из местного рода. Это был фундаментальный принцип. Родович не мог быть чужаком или посланцем центральной власти. Он был органичной частью земли, которой управлял. Его кровь смешивалась с кровью местного народа, его боги были богами этой земли, его история — историей этого места.

Родовича избирал волховский совет земли в согласии с местной знатью и с одобрения верховного волховского совета, находившегося в Киеве. Волхвы тщательно проверяли кандидата, совершали гадания, всматривались в небо и в огонь, чтобы убедиться: этот человек действительно избран богами для своей роли. Это не было простой формальностью — волхвы искренне верили, что каждое назначение должно быть согласовано с высшими силами. Если бы совет волхвов счел кандидата неподходящим, его бы отклонили, независимо от знатного происхождения.

У Родовича была бы своя дружина — боевые товарищи, связанные с ним личной верностью. Но это не означало абсолютной власти. Родович советовался бы с вече земли — собранием старейшин, знатных людей, богатых купцов, уважаемых волхвов. Важные решения принимались бы сообща. Войну можно было объявить только с согласия вече. Новый закон вводился только после обсуждения. Налоги устанавливались не по воле Родовича, а по согласованию с вече, которое имело право отклонить предложение, если оно казалось несправедливым.

По сути, каждая земля представляла бы собой небольшое государство в государстве, но все земли объединяли бы общая вера, языческое мировоззрение и признание авторитета верховного волховского совета и верховного князя в Киеве, а может в последствии и в Москве.

Система священных столиц

Но из девяти земель изначальных выделялось бы три главных центра — три священные столицы, соответствующие трем мирам, трем уровням космоса.

Киев стал бы столицей мира Яви — земного, материального мира. Это была бы резиденция верховного князя, центр политической и военной власти. Здесь располагалось бы главное святилище Перуна, откуда начинались бы все великие войны и где праздновались бы все великие победы. Киев стал бы городом действия, энергии, войны и решительности. Сюда съезжались бы послы из других земель, приезжали бы купцы с товарами. Киев был бы быющим сердцем государства, пульсирующим центром жизни.

Новгород стал бы столицей мира Прави — мира божественного, небесного. Это была бы резиденция верховного волхва, центр духовной власти. Здесь располагалось бы святилище Волоса — место, откуда велись наблюдения за звездами и создавались великие произведения искусства и литературы. Новгород был бы городом мудрости, созерцания и магии. Здесь работали бы лучшие волхвы и обучались молодые адепты. Это был бы город книг и знаний, куда приходили за советом и просвещением.

Кострома (или другой центральный город, если историческая логика потребовала бы его возвышения) стала бы столицей мира Нави — мира духов, памяти и предков. Здесь размещалась бы резиденция, где велись летописи, хранились архивы волховского знания и совершались ритуалы общения с душами умерших. Это был бы город тишины и созерцания, который не манил бы толпы, но служил средоточием духовной памяти народа.

Эти три столицы связывали бы ритуальные маршруты, которые волховская традиция называла «энергетическими магистралями» или «путями богов». Дорога от Киева к Новгороду становилась бы артерией ежегодных торжественных процессий. Вдоль неё стояли бы

святилища, где путешественники совершали ритуалы и получали благословение волхвов. То же самое — между другими столицами.

По этим дорогам циркулировали бы знания и культурные влияния. Волхв из Новгорода отправлялся бы в Киев на великий совет. Киевский князь совершал бы паломничество в Новгород за мудростью. Костромской летописец ездил бы по всем землям, собирая предания и записывая историю.

Москва: город-пуп земли русской

Но была бы еще одна столица — более скрытая, более сакральная. **Москва**: небольшой город на Москве-реке, который в 988 году еще не имел никакого политического значения. И всё же именно на Москву обратили бы взор волхвы.

Почему? Потому что географически Москва находится почти идеально в центре всех девяти земель. Проведите линии от краев русского государства — от Новгорода на северо-западе до Рязани на юго-востоке, от Полоцка на западе до Суздаля на востоке — и все они пересекутся около Москвы. Волхвы рассчитали бы это, наблюдая за звездами и вычерчивая геометрические линии. И они объявили бы Москву **«Пупом земли русской»** — центром, откуда исходит вся жизнь, вся энергия государства.

Москва не стала бы столицей в привычном понимании. Она превратилась бы в священный центр, место паломничества. Раз в девять лет, в год великого совета, сюда съезжались бы все Родовичи, главные волхвы и князья русских земель. Здесь, в самом сердце страны, они решали бы судьбу государства, гадали о будущем и проводили великие ритуалы.

В Москве построили бы главное святилище волховской религии — не просто огромный храм, какими станут позже соборы, а место силы, отражающее структуру самого космоса. Его возвели бы так, чтобы в определённые дни года солнце, луна и звёзды освещали его в строгом порядке, создавая живое представление о ходе времени и циклах природы. Наблюдая за этим, волхвы получали бы знаки для своих гаданий и пророчеств.

Границы и пограничные святилища

Но что находилось бы на границах между девятью землями? Границы в средневековом государстве были размыты и нечетки. Но в языческой России они отмечались бы особым образом — через систему **пограничных святилищ**.

На каждой границе между двумя землями стояло бы святилище, посвященное богу-хранителю границы. Это было бы священное место, куда не имели доступа воины с оружием. Здесь люди из разных земель могли встретиться, не опасаясь нападения. Здесь велась торговля, разрешались конфликты, заключались договоры.

Волхвы, охраняющие пограничное святилище, были бы нейтральными судьями. Если спорили купцы из двух земель, спор разрешался здесь, под надзором волхвов. Если два Родовича готовились к войне, они встречались здесь и пытались найти мирное решение. Святилище было неприкосновенным — нарушить его, совершить там акт насилия означало святотатство, кощунство, за которое следовала суровая кара.

Сеть пограничных святилищ служила бы не только административной системой, но и механизмом безопасности, гарантирующим мирное сосуществование между землями. Войны, конечно, случались бы — история не может обойтись без конфликтов. Но в саму структуру государства были бы встроены механизмы для их предотвращения и разрешения.

Такова была бы священная география языческой России — система, которая на первый взгляд казалась бы сложной и даже хаотичной, но на деле оказывалась бы гениально простой и логичной. Каждая земля имела бы свой характер, свои ценности, своих богов. Каждая земля

была бы независима в локальных вопросах, но все объединялись бы верховной властью и верховным волховским советом. Границы не были бы линиями на карте, а сакральными пространствами, отражающими структуру космоса и понимание русским народом своего места в мироздании.

И в центре всего этого, как пуп, соединяющий все части единого тела, стояла бы Москва — город, о котором в 988 году никто не думал, что он когда-нибудь станет чем-то большим, чем небольшое поселение на реке. Но волховская геополитика видела дальше. Волхвы знали, что история еще не написана, и что центр тяжести в русском государстве будет медленно смещаться из Киева через Владимир в Москву. Они не могли предсказать, когда это произойдет, но знали, что это неизбежно. И они готовили для этого место — священное место, которое когда-нибудь станет центром новой России.

1.2. Территориальные единицы: от лесов до городов

Когда речь заходит об административном устройстве средневекового государства, искушенный читатель часто представляет карту, разделенную аккуратными линиями на четкие границы со столицами и провинциями. Однако средневековый мир редко соответствовал такому порядку. Границы были размыты, власть разливалась, как вода, заполняя низины и огибая препятствия. В языческой России логика организации пространства была бы иной — не геометрической, а органической, коренящейся в самой природе и в понимании человеком своего места в мироздании.

В представлении волхов земля делилась бы не на провинции и округа, а на **священные территориальные единицы**, каждая из которых воплощала бы определенный аспект космоса. Эта система отражала бы триединую структуру мироздания — Правь, Явь и Навь — применяя её к каждому клочку русской земли.

Леса — святилища богов

Представьте себе, что вы путешествуете по русским землям в этой альтернативной истории. Вы едете по лесной дороге, и вдруг видите: деревья становятся выше, их стволы толще, ветви переплетаются так густо, что в полдень здесь почти темно. Это граница **священного леса** — дубравы, которая принадлежит не человеку, а богам.

Священные леса остаются неприкосновенными территориями, запретными для хозяйственной деятельности. Здесь нельзя рубить деревья, нельзя охотиться, нельзя даже разводить огонь без специального разрешения волхов. Эти леса — святилища под открытым небом, места, где боги воплощаются в природе наиболее явно.

Почему именно леса выбирались как священные места? Ответ прост: в восприятии язычников лес был местом, где человек сталкивался лицом к лицу с иным миром. Здесь обитали духи, здесь звучали голоса предков, здесь действовали законы, отличные от законов городов и полей. Лес служил входом в царство Нави, в мир иной реальности. Волхвы понимали, что сохранение лесов в первозданном виде — это не только забота об экологии (хотя волховская мудрость была достаточно практичной, чтобы понимать ценность лесов), но прежде всего сохранение портала между мирами.

Каждый священный лес посвящался определенному божеству или духу. **Дубрава Перуна** на западе Киевской земли была местом, где совершались военные обряды, где молодые воины проходили испытания, где волхвы гадали о исходе предстоящих войн. **Лес Мокоши** на Смоленской земле был местом, куда приходили женщины, чтобы просить плодородия и здоровья для своих детей. **Лесничество Велеса** на Рязанской земле служило хранилищем знаний о травах и целебных растениях — местом, где волховские целители собирали свои снадобья.

Охрану этих лесов взял бы на себя специальный орден волхвов — **Стражи Лесные**, люди, посвятившие жизнь защите священных дубрав. Они жили бы в небольших хижинах на опушках и выносили бы приговоры всем нарушителям святости леса. За рубку священного дерева полагалось бы суровое наказание — вплоть до смертной казни за тяжкие преступления. Меньшие провинности карались бы трудом: виновный должен был бы посадить столько же молодых деревьев, сколько срубил, и еще столько же в качестве возмещения ущерба.

При этом священные леса не были бы полностью закрыты для людей. Волхвы и избранные могли бы входить туда для совершения обрядов. В определенные дни леса открывались бы для паломников. Во время Купалы, например, молодежь совершала бы ночное путешествие через священную чащу, испытывая свою смелость и связь с божественным. А во время сбора урожая волхвы торжественно обходили бы леса, благодаря богов за щедрость.

Из летописных записей волхва Сергея Киевского, XI век:

«В лесе Перуновом близ Киева установлены три камня-алтаря. На восточном камне совершаются обряды благодарения богу войны перед началом весны. На камне западном — жертвоприношения в честь павших воинов. На камне северном волхвы гадают о судьбах грядущего лета. Ни один топор не смеет коснуться ни единого дерева в пределах трех верст от этих камней, под страхом смерти и проклятия рода.»

Водные святилища: артерии жизни государства

Но если священные леса были бы легкими государства, дышащими жизнью, то водные артерии стали бы его кровеносной системой. **Волга, Днепр, Северная Двина** — эти великие реки протекали бы через все девять земель, связывая их в единое целое.

Вдоль каждой реки располагалась бы сеть **водных святилищ** — священных мест, где боги воды и течения совершали бы свои чудеса. Эти святилища не были бы величественными храмами — архитектура волховского святилища отличалась бы скромностью. Это были бы открытые площадки на берегу, окруженные камнями, с алтарем посередине, украшенным деревянными идолами и резными символами.

На Волге святилища Велеса встречались бы каждые несколько верст. Торговцы, плывущие по реке, останавливались бы здесь, чтобы совершить обряд благодарения богу торговли и попросить благополучного плавания. Они оставляли бы подношения — хлеб, мед, монеты, ткани. Волхвы, живущие при святилищах, принимали бы эти дары и использовали их для содержания храма и помощи нуждающимся.

На Днепре, главной артерии государства, святилища были бы более величественными. Главное святилище Днепра располагалось бы у порогов, где вода шумит и бурлит. Здесь совершались бы великие обряды в честь Днепра-батюшки, как называли бы его люди. Раз в год, во время весеннего половодья, волхвы совершали бы торжественный обход всех порогов, проводя ритуалы, чтобы вода не вышла из берегов и не затопила поля.

Северная Двина, текущая на север, к морю, была бы святилищем совсем иного характера. Это была бы граница между миром человека и миром дикой природы, между Явью и Навью. Святилища на Двине были бы местами мистическими, куда приходили только волхвы и те, кто искал особого знания. Говорили бы, что здесь можно встретить духов умерших предков, что здесь открывается видение будущего.

Важное значение имела бы система **речных светофоров** — мест, где волхвы подавали бы сигналы друг другу, используя дым, огонь, звуки барабанов. Когда волхв одного святилища видел бы врага, приближающегося к реке, он подавал бы сигнал соседнему святилищу, и информация со скоростью молнии передавалась бы вверх и вниз по течению. Таким обра-

зом, вся система святилищ работала бы как единый организм, защищая реки и тех, кто по ним плывет.

Города как центры Яви: полис и капище

Каждый город в языческой Руси был бы не просто скоплением домов и лавок, а **центром Яви** — воплощением материального мира, местом, где человеческая власть проявлялась наиболее ярко. И у каждого города был бы свой **божественный покровитель**.

Киев стал бы городом Перуна — бога войны, света, громовержца. Главным святилищем Киева было бы капище Перуна с его деревянным идолом высотой в несколько человеческих ростов, украшенным золотом и серебром. В дни Перунова праздника город загорался бы огнями, проводились бы боевые игры, а молодые люди состязались бы в силе и доблести.

Новгород стал бы городом Велеса — покровителя богатства, торговли и мудрости. Его святилище превратилось бы в центр не только духовной, но и культурной жизни. Здесь создавались бы рукописи, обучались молодые волхвы, велись летописи. Рядом со святилищем располагалась бы библиотека — настоящая сокровищница знаний.

Смоленск стал бы городом Сварога — бога огня, ремесла и творчества. В святилище Сварога обучались бы ремесленники и совершались обряды в честь огня и труда.

Каждый город имел бы собственный календарь праздников, связанный с божеством-покровителем. В Киеве дважды в год отмечалась бы **Перунова ночь** — ночь грозы и огня, когда молодежь в боевых доспехах устраивала ритуальные поединки. В Новгороде праздновалась бы **Велесова неделя** — время больших ярмарок, когда торговцы со всей Руси съезжались сюда, чтобы обменяться товарами и новостями. В Смоленске отмечалась бы **Неделя Сварога** — время, когда ремесленники демонстрировали лучшие работы, а ученики получали звание мастеров.

Триединство в организации территорий

Но наиболее характерной чертой волховской географии было бы воплощение в ней священной триады — **триединства трех миров**.

Каждый относительно крупный административный округ был бы организован так, чтобы иметь в себе все три уровня: **Явь** (материальный мир), **Правь** (мир божественный) и **Навь** (мир духов и предков).

Явь воплощала бы себя в городах и деревнях, в местах, где люди жили бы и работали. Здесь располагались бы дома, лавки, амбары, мастерские. Здесь велась бы активная хозяйственная жизнь.

Правь воплощала бы себя в святилищах — капищах, возвышенностях, священных местах, где совершались бы ритуалы, где волхвы общались бы с божественным. Правь была бы выше, она парила бы над Явью, как небо над землей.

Навь воплощала бы себя в подземных местах — пещерах, катакомбах, могильниках, местах захоронения. Под каждым поселением, согласно волховской традиции, находился бы специальный архив, место, где хранили бы мощи предков, где велись бы летописи рода, где совершались бы ритуалы общения с умершими.

Прекрасным примером такой триединой организации была бы структура **вокруг Киева**. В самом Киеве располагались бы княжеский двор и святилище Перуна — центры Яви и Прави. На окружающих Киев холмах находились бы святилища других богов. А под холмами, в сложной системе подземелий, располагались бы хранилища предков — Навь.

Человек, чья жизнь протекала бы в таком организованном пространстве, постоянно ощущал бы свою связь со всеми тремя мирами. Просыпаясь в своем доме (Явь), он смотрел бы из

окна на возвышенность со святилищем (Правь). Направляясь в храм предков (Навь), он спускался бы под землю, ощущая холод подземелья и слыша эхо, словно голоса умерших.

Система дорожных святилищ: безопасность путешествий

Но самой практичной была бы система **дорожных святилищ и капищ**, которые протягивались бы цепочкой вдоль основных торговых путей.

Средневековое путешествие было делом опасным. На больших дорогах обитали разбойники, в лесах подстерегали дикие звери, в болотах можно было бы утонуть. Волхвы понимали эту опасность и создали бы систему защиты.

Каждые несколько верст (примерно 5—10 километров) на главных дорогах устанавливались бы небольшие святилища — капища. Это были бы простые постройки, часто состоящие из деревянной часовни-избушки и открытого алтаря. При каждом капище жили бы один или два волхва, являющихся одновременно жрецами, странноприимцами и путеводителями.

Путник, приближаясь к святилищу, знал бы, что здесь он может отдохнуть, найти воду, получить информацию о дороге. Волхв при святилище встречал бы путников, расспрашивал бы их о дороге позади, предупреждал бы об опасностях впереди. Если где-то разбойничали, волхв знал бы об этом и предупреждал бы путников. Если бы река вышла из берегов, волхв знал бы о переправе или объезде.

Москва — столица триединства

Но если Киев был бы первой столицей, воплотившей принцип триединства, то **Москва** стала бы его совершенным выражением — городом, где сама природа словно создала идеальную модель волховской космологии. Возвышение Москвы в нашей альтернативной истории произошло бы не случайно. К XIII веку Киев, расположенный на южных рубежах, всё чаще подвергался бы набегам степняков. Торговые пути смещались на север, к Балтике и Волге. Москва, скрытая в глубине лесов, защищённая реками и болотами, становилась бы естественным центром притяжения. Но главное — её география была настолько совершенным воплощением триединства Прави-Яви-Нави, что волхвы увидели в этом знак богов.

Представьте себе Москву XII — XIII веков глазами волхва, впервые прибывшего сюда из Киева. Прежде всего он увидел бы **Боровицкий холм** — высокую гору, поросшую священным бором (сосновым лесом), возвышающуюся над слиянием двух рек. Само название «Боровицкий» происходит от слова «бор» — и это не случайность. Сосновый лес в славянской традиции считался особо священным: сосна — дерево вечности, не сбрасывающее хвою, символ бессмертия и связи с небесами. Холм, поросший таким лесом, был естественным местом для **Прави** — мира богов. Здесь, на вершине Боровицкого холма, располагалось бы главное святилище Москвы — храм Перуна, окружённый капищами других богов. Отсюда, с высоты, открывался бы вид на все московские земли — символ того, что боги видят всё происходящее в мире людей.

Но уникальность Москвы заключалась не только в холме. У подножия Боровицкого холма сливались две реки — **Москва-река и Неглинная**. В славянской мифологии слияние рек — это одно из самых мощных сакральных мест, **межа между мирами**. Вода сама по себе — граница между Явью и Навью, а место, где две реки становятся одной, — это портал, врата, через которые души предков могут возвращаться в мир живых, а живые — общаться с мёртвыми. Именно здесь, в подземельях под Боровицким холмом, в пещерах, вымытых подземными водами, располагались бы **хранилища предков** — Навь московская. Волхвы спускались бы туда по узким каменным лестницам, слыша шум подземных вод, ощущая холод, идущий из глубины земли. Здесь хранились бы останки великих князей, волхвов и героев.

Здесь совершались бы обряды общения с предками, здесь молодые волхвы проходили бы инициацию, проводя ночь в темноте, слушая голоса мёртвых в шуме подземной реки.

А между Правью на холме и Навью под землёй раскинулась бы **Явь** — мир живых людей. Посады, ремесленные слободы, торговые ряды располагались бы кольцами вокруг священного холма, спускаясь к берегам Москвы-реки. Кузнецы селились бы ближе к воде — там, где можно было закалять металл. Гончары — на глинистых берегах Неглинной. Купцы — у пристаней, где причаливали ладьи с товарами. Каждая слобода имела бы своё малое святилище, посвящённое покровителю ремесла. Но все они были бы обращены к центру — к Боровицкому холму, к Праву. Человек, живущий в Москве, каждый день видел бы этот холм, возвышающийся над городом. Утром, просыпаясь, он смотрел бы на восток, где над холмом восходило солнце. Вечером — на запад, где оно садилось за храмы богов. Его жизнь была бы постоянным движением между тремя мирами: работа в Яви, молитва в Праву, поминовение предков в Нави.

Но Москва обладала ещё одной уникальной особенностью, которая делала её идеальной столицей волховской Руси — **семь холмов**. Подобно Риму, Москва стояла на семи возвышенностях: Боровицкий, Сретенский, Тверской, Таганский, Швивая горка, Лефортовский и Воробьёвы горы. Для волхвов это было знаком космического порядка. Семь — священное число, число полноты и завершённости. Семь дней недели, семь планет древности, семь уровней мироздания в славянской космологии. Каждый из семи холмов Москвы посвящался бы одному из великих божеств или одному из уровней бытия. Боровицкий — Перуну и высшей Праву. Воробьёвы горы, самые высокие, откуда видна вся Москва, — Сварогу, творцу мира. Таганский холм, где селились кузнецы, — Сварожичу, богу огня и кузнечного дела. И так далее. Москва становилась бы **городом-мандалой**, священной схемой мироздания, воплощённой в камне, дереве и земле.

Житель Москвы ощущал бы эту структуру не умозрительно, а физически, телом. Поднимаясь на Боровицкий холм для молитвы, он чувствовал бы, как земля уходит из-под ног, как он приближается к небу, к Праву. Спускаясь в подземелья для поминовения предков, он ощущал бы тяжесть земли над головой, холод и тьму Нави. А возвращаясь в свой дом, к очагу, к семье, к работе, он возвращался бы в Явь — в мир, который существует между небом и преисподней, между богами и мёртвыми, в мир живых людей, которые каждый день совершают свой труд, рожают детей, пахут землю, коуют железо.

В этом заключалось отличие Москвы от Киева. Киев был создан людьми — там триединство было **построено**: святилища на холмах, подземелья вырыты, город распланирован. Москва же была **найдена** — здесь сама природа создала идеальную модель. Холм, поросший священным бором. Слияние рек. Подземные пещеры. Семь возвышенностей. Волхвы не создавали здесь триединство — они его **открыли, прочитали** в ландшафте, как читают священный текст. И потому Москва воспринималась бы не просто как столица, построенная по воле князя, но как **священный город**, указанный самими богами, место, где небо касается земли, а земля — преисподней, где все три мира сходятся в одной точке.

Когда в XIII веке власть окончательно переместилась бы из Киева в Москву, это воспринималось бы не как политическое решение, но как **исполнение воли богов**. Киев был первым — городом, где люди научились воплощать триединство. Москва стала вторым — городом, где триединство существовало изначально, от сотворения мира. И потому именно Москва стала бы сердцем языческой Руси, местом, куда стекались бы паломники со всех земель, чтобы увидеть совершенное воплощение волховской космологии, чтобы пройти путь от Яви через Праву к Нави и обратно, чтобы ощутить на себе структуру мироздания.

Но священная география языческой Руси не ограничивалась бы величественными столицами — она пронизывала бы всю повседневную жизнь, от великого до малого. Путник, направляющийся в Москву, проходил бы через десятки малых святилищ, каждое из которых служило не только местом молитвы, но и выполняло вполне земные, практические функции. Каждое

святилище было бы также **местом правосудия**. Если на дороге случалась бы драка между путниками, они могли бы обратиться к волхву за справедливым разбирательством. Волхв слушал бы обе стороны и выносил бы решение. Нарушить святилище, совершить там насилие или кражу, было бы особо тяжким преступлением, которое карается беспощадно.

Ночью святилище становилось бы **местом убежища**. Путник, заставший в пути ночь, мог бы спрятаться в святилище, и никакой разбойник не смел бы напасть на него здесь. Стены святилища были бы считаны неприкосновенными. Согласно волховскому закону, нападающий на человека в святилище наказывался бы смертью.

Вдоль главных дорог протянулась бы целая цепь таких святилищ, превращаясь фактически в линию обороны против бандитизма и обеспечивая безопасность торговли. Волхвы при этих святилищах держали бы в памяти карты дорог, отмечали бы опасные места, записывали бы сведения о крупных переправах и постоянных дворах.

Авторское отступление: смысл такой организации

Здесь я хочу остановиться и задать себе — и вам — вопрос, который неизбежно возникает, когда представляешь себе эту систему: почему волхвы организовали бы пространство именно таким образом? Что стояло за этой логикой?

Когда я размышляю об этом, меня поражает одна фундаментальная особенность волховской системы управления. Она была бы основана не на страхе и силе, как большинство средневековых государств, а на понимании того, что сакральное и практическое неразделимы. Это не просто красивая философская идея — это принцип, который пронизывал бы каждый аспект жизни.

Посмотрите: святилище — это не только место богослужения, но и место, где осуществляется реальная защита людей. Священная роща — это не только место, где жрецы общаются с богами, но и место, где сохраняется природа, которая кормит людей. Река — это не просто водный путь, но и божество, требующее почитания. В этом я вижу глубокую мудрость: когда священное выполняет практическую функцию, а практическое наполнено священным смыслом, возникает система, которая работает на всех уровнях одновременно.

Сравните это с тем, как организовывало пространство христианство. Церковь в средневековой Европе тоже строила монастыри вдоль дорог, тоже предоставляла убежище путникам. Но там была четкая граница между священным и мирским. Монастырь — это место молитвы, отделенное от мира. Дорога — это мирское пространство, где действуют светские законы. Волховская система, которую я пытаюсь здесь реконструировать, не знала бы такого разделения. Каждый участок дороги между святилищами был бы священным, потому что находился под покровительством богов. Каждое святилище было бы практичным, потому что служило реальным нуждам людей.

Я думаю, волхвы понимали нечто важное о человеческой психологии. Если люди верят, что боги их защищают, они чувствуют себя в большей безопасности. А когда они чувствуют себя в безопасности, они спокойнее работают, честнее торгуют, с большей охотой платят налоги и поддерживают порядок. Но — и это критически важно — система святилищ не была бы манипуляцией. Это был бы симбиоз: волхвы действительно верили в своих богов и в их покровительство, и люди находили в этом не иллюзию, а реальную поддержку и помощь.

Когда я представляю себе волхва, сидящего в придорожном святилище, я вижу не просто жреца, совершающего ритуалы. Я вижу человека, который одновременно является судьей, разрешающим споры между путниками; целителем, лечащим раны и болезни; учителем, передающим знания; хранителем информации о дорогах и опасностях; и, да, священником, совершающим обряды. Это разительно отличается от средневековой Европы, где эти функции были

разделены между разными институтами: церковь занималась душами, суд — правосудием, лекари — телами, учителя — знаниями.

В этом, мне кажется, заключается ключевое отличие языческой России от христианской Европы. В Европе церковь часто служила инструментом повиновения и контроля. Священник не обязательно помогал простому люду — он прежде всего представлял интересы церковной иерархии и, через неё, светской власти. В языческой России волхв был бы человеком, который реально присутствовал в жизни людей и решал их проблемы. Его авторитет основывался бы не на страхе перед наказанием, а на реальной пользе, которую он приносил.

Меня также поражает экологическая мудрость этой системы. Когда лес священен, его не вырубают бездумно. Когда река — божество, её не загрязняют. Когда земля организована как живой организм, где каждый элемент имеет свое место и роль, люди учатся жить в гармонии с природой не из страха перед законом, а потому что это часть их мировоззрения.

Я часто думаю о том, что мы могли бы извлечь из этой альтернативной модели сегодня. В нашем мире, где священное и практическое разделены почти абсолютно, где религия часто воспринимается как нечто оторванное от повседневной жизни, а практические дела лишены всякого духовного измерения, волховская модель предлагает иной путь. Путь, где каждое действие имеет смысл, где человек не чувствует себя изолированным атомом в бездушной машине, а ощущает себя частью живого целого.

Представьте себе человека, рождающегося в такой организованной земле. Он не был бы изолированным индивидом, брошенным в равнодушный мир. Он был бы частью великого целого, частью мироздания, которое простирается от земли под ногами до звезд над головой и вглубь земли, где покоятся его предки. Каждый лесок, каждая река, каждый город имели бы свое место и свою роль. И в этом ощущении единства со всем окружающим миром, мне кажется, содержалась бы основа совершенно иной цивилизации — цивилизации, которая развивалась бы по законам органического роста, а не механической экспансии.

Конечно, я не идеализирую эту систему. У неё были бы свои проблемы, свои противоречия, свои темные стороны. Но когда я пытаюсь представить себе альтернативный путь развития России, я вижу в волховской организации пространства не просто административную структуру, а целостное мировоззрение, которое могло бы породить совершенно иной тип цивилизации.

1.3. Геополитическое расширение языческой России

Представьте себе карту Восточной Европы X—XVI веков. Не ту, что висит в школьном кабинете истории, с аккуратными границами и датами, а живую карту — где реки текут не просто голубыми линиями, а торговыми артериями, где горы — это не просто рельеф, а естественные крепости и границы миров. И еще есть линии невидимые, но не менее реальные: линии напряжения, зоны столкновения имперских амбиций, торговых интересов, религиозных проектов.

Вот Волга — великая дорога, по которой идут купцы с мехами и медом, воины с мечами, послы с дарами. Вот Днепр — путь «из варяг в греки», где каждый порог имеет имя и легенду. Вот степь — бескрайняя, опасная, манящая. Вот Балтика — холодная, туманная, полная чужих богов и чужих языков.

В нашей реальности Русь постепенно подчиняла Поволжье, вышла к Уралу, вошла в соприкосновение с Кавказом, Балтикой, степью. Но все это происходило уже в логике христианского государства — государства, которое знало, что есть «правильная» вера и «неправильная», что есть «свои» (православные) и «чужие» (мусульмане, католики, язычники). Русь вступала в конкуренцию с мусульманскими ханствами и католическими орденами, и эта кон-

курения была не только политической, но и религиозной. Каждое завоевание сопровождалось крещением, каждый новый город получал церковь раньше, чем рынок.

Но в языческой России внешняя политика и экспансия выглядели бы совершенно иначе.

Здесь не было бы главного вопроса христианской дипломатии: «В какого бога ты веришь?» Вместо этого был бы другой вопрос: «Как твои боги соотносятся с нашими? Где они живут в общем космосе? Какие обряды их радуют?»

Главным вектором стало бы не «крестить» и «обращать», а **встраивать** — вплетать соседние народы в общую ткань многоязычной, «многобожной» цивилизации. Цивилизации, где богов много, обычаи различны, но космическая картина мира во многом едина: есть небо и земля, есть предки и духи, есть священные места и запретные дни, есть жертвы и праздники.

Это не означало бы отсутствие конфликтов — напротив, войны были бы, и жестокие. Но логика этих войн была бы другой. Не «мы несем истинную веру», а «мы защищаем свои земли и своих богов». Не «обрати их в нашу веру», а «пусть их боги признают силу наших богов». Не монолог, а диалог. Не монотеизм, а полифония.

Поволжье и Казань: интеграция, а не завоевание

В нашей истории Казань к XV—XVI векам превратилась в крупный политический и торговый центр Среднего Поволжья. Она унаследовала традиции Волжской Булгарии и Золотой Орды, стала домом для многонационального населения и процветала благодаря интенсивной торговле. Но в альтернативной языческой Руси судьба Поволжья сложилась бы совершенно иначе.

Здесь, вдоль великой Волги, испокон веков жили финно-угорские племена — меря, мордва, мари, удмурты, предки современных чувашей. Они почитали леса, воды и камни, имели свои священные рощи и хранили мифы о духах-хозяевах. Поразительно, насколько их мировоззрение перекликалось со славянским: те же почитаемые деревья, те же духи-стражи, те же жертвы у святых камней и источников. Для христианского государства эти различия в вере становились проблемой. Для языческой Руси они оборачивались преимуществом.

Вместо крестовых походов на «неверных», как это происходило в нашей истории с Казанским ханством, языческая Русь превратила бы Поволжье в лабораторию **культурной интеграции**. Волхвы шли бы вверх по Волге не разрушителями чужих святилищ, а гостями — чтобы договориться об **общих обрядах**, общих праздниках, о взаимном признании богов.

Где-то Велес и финно-угорский дух воды слились бы в единого покровителя рек. Где-то Мокошь стала бы старшей сестрой местной богини земли. Волхвы не отменяли бы местные культы, а выстраивали над ними общую «надстройку» — пантеон Руси, в который включались местные боги как члены единой божественной семьи.

Как могло бы выглядеть «взятие Казани» в таком мире?

Не в виде кровавой осады 1552 года, а как **великий собор рек** — когда князь Руси и Родович Поволжья собирались бы на волжском холме, окруженные представителями всех народов: славянами, булгарами, мари, мордвой, чувашами, татарами. Вместо разрушения стен — договор о совместном управлении торговыми путями. Вместо сожжения мечетей — святилища, построенные рядом с ними, где волхвы и местные жрецы вместе приносили бы жертвы богам реки и торговли.

Казань в этом случае стала бы не символом покоренного ханства, а **второй столицей Волги** — городом-посредником между степью, Востоком и славянским миром. Русь не «крестила» бы Поволжье силой, а **втягивала** его в свою орбиту через торговлю, междинастические браки и создание общих воинских союзов против кочевников, угрожавших берегам Волги.

А финно-угорский компонент, который и в реальной истории глубоко вошёл в этногенез русских, здесь сохранялся бы осознанно: в праве, в обрядах, в языке, в общем пантеоне. Русь

превращалась бы не в моноэтническое «русское» государство, а в **славяно-финно-угорскую цивилизацию** — объединённую не кровью, а общим представлением о священности лесов, вод и духов.

Кавказ и степь: символы веры вместо рубежей войны

На юго-востоке и юге языческая Русь неизбежно сталкивалась бы с огромным миром степи и Кавказа. В нашей истории этот контакт часто выливался в набеги, ответные походы, постепенное подчинение черкесов, осетин, народов Дагестана и включение их в орбиту уже христианской империи.

Но в языческой версии события развивались бы иначе. Волхвы прекрасно понимали: кочевой мир степи и гор — это мир **своих язычников**. Тюркские и иранские племена, хазары, половцы, ранние татары, а также кавказские горцы жили по тем же принципам — со своими пантеонами, святилищами и культами предков. Здесь снова действовал принцип не уничтожения, а **узнавания**.

На стыке степи и лесостепи, где в нашей реальности строились крепостные линии, в языческой Руси появились бы **священные рубежи**: пограничные святилища, где вместо фортификаций возводились курганы с каменными идолами, объединяющими символику славянских, тюркских и кавказских богов.

В хронике волхва Яромира из конца XII века (которую мы, разумеется, лишь моделируем) можно было бы прочесть такую запись:

«Мы пришли к подножию гор, где живут люди, носящие меч изогнутый и плащи, расшитые серебром. Они называют бога не нашим именем, но мы узнаем его в грозе и ветре. Мы воздвигли столп между нами — на одной стороне начертали знаки Перуна, на другой — их знаки громовержца. И договорились: кто перейдет этот столп с мечом, тот предаст своих богов».

Такие столпы становились бы одновременно **общими символами веры**, политическими договорами и духовными контрактами. Русские князья и степные ханы собирались бы у этих святилищ, клялись на своих богах, обменивались заложниками и устанавливали правила кочевий и торговли.

Кавказ же превращался бы в **пояс особых земель** — туда волхвы Руси отправлялись бы как в университеты и монастыри одновременно. Они учились бы у местных жрецов искусству предсказания по звездам, врачеванию, горным культам. Взамен привозили бы свою письменность, элементы кодифицированного права, опыт управления большими территориями.

Степь оставалась бы опасной — никакая общность веры не отменяет набегов и борьбы за пастбища. Но война велась бы не как «священная» против неверных, а как борьба соседей, которые признают богов друг друга и потому всегда оставляют пространство для мира.

Балтика и Ятвягия: несостоявшийся крестовый поход

На северо-западе лежал еще один мир — **балтийские язычники**: пруссы, ятвяги, племенная литва. В реальной истории им не повезло: в XIII веке на них обрушился Тевтонский орден — настоящий крестовый поход, который не оставлял места их богам и святилищам. Пруссков в буквальном смысле стерли с лица земли: ассимилировали, уничтожили их язык и культуру.

В языческой конфигурации Европы у балтов появился бы могущественный союзник — **языческая Русь**. Не случайный попутчик, а союзник по мировоззрению. Русские волхвы видели бы в пруссах и литве не «чужих варваров», а **братьев по вере**, пусть и говорящих на других языках.

На побережьях Балтики вместо немецких рыцарских замков в этой версии истории возникали бы **общие балто-славянские святилища**: рощи, где под одним небом стояли бы идолы Перуна и балтийского Перкунаса, славянской Мокоши и балтийской богини Лаймы. Языческая Русь активно поддерживала бы местных князей — оружием, мастерами, военной технологией — и одновременно выступала бы политическим посредником.

Представим себе...

Весна 997 года. Священная дубовая роща на берегу Вислинского залива, где прусское племя самбов хоронило своих вождей и приносило жертвы богу грома Перкунсу. Деревья здесь стояли так плотно, что даже в полдень свет пробивался лишь отдельными струйками-столпами, превращая пространство под кронами в подобие природного храма. На стволах — древние знаки, вырезанные поколениями жрецов. У корней старейшего дуба — жертвенный камень, потемневший от крови столетий.

Сюда, в самое сердце прусской святыни, пришел епископ Адальберт Пражский — аристократ из рода Славниковичей, бывший наставник императора Оттона III, человек, мечтавший стать мучеником за веру. Он уже пытался крестить венгров, уже бежал из Праги, где его реформаторский пыл встретил сопротивление. Теперь, в сорок три года, он шел к пруссам с крестом в руках и твердым намерением: обратить язычников или умереть.

Его сопровождали два монаха и переводчик из крещеных поляков. Но встретили их не только прусские жрецы с копьями.

У края рощи стояла небольшая группа всадников — славяне, судя по одеждам и оружию, но не поляки. Их кони были украшены амулетами из кости и бронзы, на плащах — вышитые символы, которые Адальберт не мог прочесть, но чувствовал их древность. Во главе группы — мужчина лет пятидесяти, с седой бородой, заплетенной в косу, в длинном кафтане темно-синего цвета, расшитом серебряными нитями. На поясе — не меч, а посох с навершием в виде переплетенных змей.

— Я Доброгост, — сказал он по-славянски, и переводчик заторопился. — Посланник Совета волхвов Новгородских и Киевских земель. Мы пришли сюда раньше тебя, епископ, потому что слышали о твоём намерении.

Адальберт выпрямился. Он ожидал сопротивления от пруссов, но не от... кого? Русских язычников? Он слышал, что где-то на востоке остались земли, не принявшие крещения, но считал это слухами, преувеличениями.

— Я несу слово Христа, — ответил Адальберт твердо. — И никакие посланники языческих земель не остановят волю Божию.

Доброгост медленно кивнул, словно ожидал именно такого ответа.

— Ты идешь, не спрашивая духов этого леса, — сказал он негромко, но его голос разнесся под сводами дубов, словно сама роща говорила его устами. — Ты ставишь свой крест, не спросив у тех, кто жил здесь до тебя. Видишь эти деревья? Они помнят сотни зим. Видишь этот камень? На нем клялись вожди, когда твоего Рима еще не было на картах мира.

— Рим вечен, — возразил Адальберт, — а ваши боги — лишь бесы, вводящие в заблуждение.

— Бесы? — Доброгост усмехнулся, но без злобы. — Мы, люди Руси, знаем цену лесу и богам. Мы знаем, что происходит, когда чужак приходит с мечом и крестом в земли, где у каждого ручья есть имя, у каждой рощи — хранитель. Ты видел, что случилось с саксами, когда Карл Великий крестил их огнем? Ты слышал о резне в Вердене, где четыре с половиной тысячи язычников были обезглавлены за один день за отказ креститься?

Адальберт побледнел. Он знал эту историю — и она всегда была для него источником мучительных сомнений.

— Это было... это было необходимо для спасения их душ, — проговорил он, но голос дрогнул.

— Необходимо? — Доброгост сделал шаг вперед. — Епископ, я не пришел тебя убивать. Я пришел предупредить. Не наступай на те корни, которые тебе не принадлежат. Прусы — наши братья по вере. Их Перкунс и наш Перун — одно чело грома. Их Лайма и наша Мокошь — одна ткань судьбы. Мы не позволим, чтобы здесь повторилось то, что случилось в Саксонии.

За спиной Доброгоста прусские жрецы молча наблюдали. Их лица были непроницаемы, но копья держали наготове. Старший из них, жрец с лицом, изрезанным шрамами ритуальных надрезов, произнес что-то на прусском языке.

Переводчик Адальберта заколебался, но перевел:

— Он говорит... он говорит, что если ты войдешь в рощу с крестом, ты не выйдешь из нее живым. Но если ты уйдешь сейчас, тебе сохранят жизнь — из уважения к тому, что ты пришел без войска.

Адальберт стоял на распутье. В его голове боролись гордость, вера и страх. Он приехал сюда, чтобы стать мучеником. Но что, если мученичество здесь — не подвиг, а просто глупость? Что, если его смерть ничего не изменит, только прольет кровь?

— Я не могу отступить, — прошептал он. — Я дал обет.

— Обет кому? — спросил Доброгост. — Богу, который, как ты говоришь, есть любовь? Или своей горделивостью, епископ? Подумай: если твой бог так велик, зачем ему нужна твоя смерть в этом лесу? Разве он не может найти другой путь?

Это был удар в самое сердце сомнений Адальберта. Он всю жизнь боролся с собственной гордыней, со стремлением к славе мученика. И вот теперь языческий волхв задавал ему вопрос, который он сам себе задавал в бессонные ночи.

Но он уже сделал шаг вперед. И прусские копья поднялись.

В нашей реальности Адальберт Пражский был убит в этой роще 23 апреля 997 года. Его тело выкупил польский князь Болеслав Храбрый за вес золота, и епископ был канонизирован. Его смерть стала символом христианской миссии среди язычников — и оправданием будущих крестовых походов против пруссов.

Но в альтернативной истории, где языческая Русь стояла за спиной балтийских племен, события могли развернуться иначе.

Представим: Доброгост делает знак, и один из его спутников достает свиток — договор, написанный на латыни и славянской глаголицей.

Предложение: Адальберт может проповедовать в приграничных землях, где люди сами выбирают веру, но не в священных рощах, не там, где боги уже имеют имена и алтари. Взамен — гарантии безопасности, право основать монастырь на нейтральной территории, возможность диспута с волхвами перед лицом народа.

Адальберт колеблется. Но его спутник-монах шепчет:

«Святой отец, живой миссионер обратит больше душ, чем мертвый мученик».

И епископ отступает. Не в позоре — в раздумье.

Последствия такого решения были бы огромны. Вместо мученичества и последующей канонизации — долгие годы сложной дипломатии. Вместо крестовых походов против пруссов — постепенное формирование **буферной зоны религиозного плюрализма** на Балтике, где христианские миссии и языческие святилища существовали бы рядом, в напряженном, но не кровавом противостоянии.

Русь в этом сценарии становилась бы **защитником балтийского язычества** — не из альтруизма, а из геополитического расчета. Сильные, независимые прусские и литовские княжества служили бы буфером против немецкой экспансии. А Новгород и Киев получали бы союзников, говорящих на языке общих богов и общих обрядов.

Доброгост, вернувшись в Новгород, докладывал бы Совету волхвов:

«Христиане идут. Но они идут не как завоеватели — пока. Мы выиграли время. Теперь нужно укреплять союз с балтами, строить общие святилища, обучать их жрецов нашим знаниям о травах, звездах и договорах с духами. Пока мы едины — нас не сломить».

И на картах Европы появлялась бы новая сила: не христианская, не мусульманская, а **языческая конфедерация** от Новгорода до Балтийского моря — последний оплот древних богов перед лицом наступающего Средневековья.

Вместо крещеной Прибалтики появился бы **Балто-славянский языческий союз** — конфедерация свободных княжеств, связанных торговлей через Балтийское море и Новгород, совместной обороной от рыцарских орденов и общими соборами волхвов с жрецами. Это стал бы альтернативный центр Европы — не католический, не православный, а языческий и самодостаточный.

Норманнские пути — северные ворота Руси

Еще один важный вектор — **норманнские торговые пути**. Викинги — норманны, варяги — играли в нашей истории разные роли: были и торговцами, и наемниками, и грабителями. Их путь «из варяг в греки» через Ладогу, Новгород и Днепр заложил основу для формирования раннего государства на Руси.

В языческой версии Руси норманны не стали бы врагами по вере — их боги населяли схожий пантеон: громовержец Тор соседствовал с Перуном, Один — с Родом. Это открывало широкие возможности для **языческого международного права**: вместо договоров о «крещении» могли бы появиться соглашения о совместной защите морских путей.

В таком случае Новгород превратился бы в **главный северный портал** — место, где сходились скандинавы, балты, финно-угры и славяне. Волхвы Новгорода устраивали бы общие жертвоприношения на берегах Ильменя и Ладоги, где рунические камни стояли бы рядом со славянскими идолами.

Там могла бы существовать даже особая должность — **«волхв-переводчик богов»**: жрец, который объяснял бы, что Тор и Перун — не враги, а два имени одной силы, и что клятва на Торе равноценна клятве на Перуне.

Контролируя норманнские пути, Русь получала бы не только прибыль от торговли мехами, медью и серебром, но и **политический ресурс**. Она стала бы посредником между Скандинавией и внутренними регионами Евразии, а значит, могла бы диктовать условия не только в экономике, но и в вопросах войны и мира.

Альтернативный Восток: языческие мосты к тюркским каганатам

Наконец, самый глубокий вектор — на Восток. В нашей истории, столкнувшись с Золотой Ордой и наследниками тюркских каганатов, Русь оказалась христианским княжеством под властью мусульманских правителей. Религиозное различие лишь усиливало зависимость.

В языческой реальности всё сложилось бы иначе. Тюркские каганаты — до принятия ислама — были такими же языческими, как и Русь. Они верили в Небо-Тенгри, в духов степи, в предков. При такой конфигурации **первый контакт** прошёл бы не как столкновение религий, а как встреча двух языческих империй.

Представьте себе раннюю осень 1050-х годов. Где-то на границе леса и степи, там, где Дон делает широкий изгиб к югу, разбит временный лагерь. Это не военный стан — здесь нет частокола, нет дозорных башен. Только круг кибиток с одной стороны и несколько славянских шатров с другой. Между ними, на нейтральной земле, горит большой костер. Дым поднимается

прямо вверх — степное небо безветренно и чисто, словно само Тенгри склонилось послушать, о чем будут говорить люди.

С восточной стороны сидит Кара-Бёке, шаман из рода кипчаков, чьи кочевья простираются от Яика до Итиля. На нем длинный халат из выделанной кожи, украшенный костяными подвесками — каждая кость от священного животного, каждая несет в себе частицу духа. Его лицо изборождено шрамами от солнца и ветра, а глаза — узкие, внимательные — смотрят не на собеседника, а куда-то сквозь него, туда, где видны только шаманам невидимые нити мира.

С западной стороны — Всеслав, волхв из Чернигова, посланный князем Святославом для переговоров о торговых путях и границах выпаса. Его борода заплетена в косы, на шее — гривна с изображением Велеса, а в руках — посох из ясеня, на котором вырезаны руны и знаки всех главных богов. Между ними сидит переводчик — старый купец по имени Ибрагим, хазарский еврей, который торговал и с русами, и с кипчаками, и знал оба языка так, словно родился дважды.

Кара-Бёке первым нарушает молчание. Он говорит медленно, давая переводчику время:
— Ты пришел из леса. Лес — это твой отец?

Всеслав качает головой:

— Лес — это дом духов, но не отец. Отец всего — Род. Он был до богов, до людей, до земли и неба. Из него вышли Сварог-кузнец, что выковал мир, и Перун-громовержец, и Велес, что ходит между мирами.

Кара-Бёке кивает, словно узнает что-то знакомое:

— Мы называем его Тенгри. Вечное Небо. Оно было до всего. Оно породило Землю-Умай, мать всех живых. Из их союза родились духи гор, рек, ветров. А еще — духи предков, что ведут нас в битве и на охоте.

Всеслав наклоняется вперед, и в его глазах загорается интерес:

— Умай — это мать-земля?

— Да. Она рождает траву для коней, воду для людей, зверей для охоты. Без нее Тенгри — только пустое небо.

— Мы зовем ее Мать-Сыра-Земля, — говорит Всеслав. — Мы клянемся на ней, когда даем самую крепкую клятву. Мы целуем землю перед битвой и благодарим ее после жатвы.

Кара-Бёке улыбается — редкая, едва заметная улыбка:

— Значит, мы молимся одному. Только ты называешь это Родом, а я — Тенгри.

— Не совсем одному, — возражает Всеслав, но без спора, скорее уточняя. — Род — это исток. Но из него вышли боги, и у каждого своя сила. Перун — это гром и война. Велес — это мудрость, скот, торговля, путь между мирами. Дажьбог — это солнце. Мокошь — это судьба, нить жизни. Они не равны Роду, но они — его дети, его лики.

Кара-Бёке задумывается. Потом достает из-за пазухи небольшой камень — гладкий, черный, с белой жилкой посередине:

— Это камень с горы Алтай. Там живет дух Ульгень — он правит верхним миром, миром света. А под землей — Эрлик, владыка мертвых. Между ними — мы, люди, и духи, что помогают нам. Ты говоришь, что Велес ходит между мирами?

— Да. Он — проводник. Он знает путь в Навь, царство мертвых, и возвращается оттуда. Он — бог границ.

— Тогда он похож на наших духов-посредников, — говорит Кара-Бёке. — Тех, кто помогает шаману подняться к Тенгри или спуститься к Эрлику. Мы не называем их богами. Но мы их чтим.

Всеслав медленно кивает:

— Может быть, мы спорим только о словах. Ты говоришь «дух», я говорю «бог». Но суть одна: есть силы, что больше человека. Есть верхний мир, средний и нижний. Есть те, кто связывает их.

Переводчик Ибрагим, до этого молчавший, вдруг вмешивается:

— Я видел, как христиане спорят с мусульманами. Они говорят: «Твой бог — ложь, мой — истина». Они готовы убивать за это. Вы же сидите у одного огня и ищете, в чем вы похожи. Почему?

Кара-Бёке смотрит на него с удивлением, словно вопрос странный:

— Потому что небо одно. Земля одна. Духи — разные, но мир — один. Если его бог защищает лес, а мой — степь, значит, мы оба нужны миру.

Всеслав добавляет:

— Христиане говорят: есть один бог, и все остальное — ложь. Но мы знаем: богов много, и каждый — истина в своем месте. Перун не отменяет Тенгри. Велес не спорит с Умай. Они — как ветви одного дерева.

Эта встреча — не беспочвенная выдумка. В реальной истории печенег, половцы, торки — все эти тюркские народы — были язычниками до X—XII веков. Они верили в Тенгри, в духов предков, в священные горы и реки. Их шаманы камлали, входили в транс, общались с духами — точно так же, как славянские волхвы. И когда они сталкивались с Русью, религиозного барьера не было. Барьер возник позже — когда Русь приняла христианство, а степь — ислам.

Но в языческой России этого барьера не возникло бы вовсе.

Из таких встреч у костра рождались бы **договоры нового типа**. Не христианско-мусульманские перемирия, где каждая сторона втайне мечтает обратить другую, а **языческие пакты**, скрепленные клятвами на общих символах. Князь и хан могли бы поклясться вместе: один — на Перуне и земле, другой — на Тенгри и небе. И обе клятвы имели бы равный вес, потому что обе взывали к космическому порядку.

Представьте себе церемонию заключения такого договора. Степь на границе леса, большой курган — древнее святилище, которому тысячи лет. Русский князь и кипчакский хан поднимаются на вершину кургана. Волхв режет белого коня — жертву Перуну. Шаман режет барана — жертву Тенгри. Кровь смешивается на камне. Князь и хан пьют кумыс и мед из одной чаши. Их дружины внизу бьют в бубны и гусли, и звук сливается в один ритм.

— Пока небо над нами, — говорит хан, — этот договор не будет нарушен.

— Пока земля под нами, — отвечает князь, — наши народы будут братьями.

Это не романтическая фантазия. Это логика языческой дипломатии, где **космос важнее конфессии**. В реальной истории половцы и русские князья рождались через браки — несмотря на религиозную разницу. Но эти браки всегда были компромиссом, источником напряжения. В языческой же реальности они были бы естественны: ведь боги не запрещают, а благословляют союз, если он укрепляет порядок мира.

Более того: такие союзы имели бы **конкретные экономические и военные последствия**. Торговые караваны шли бы по степи под защитой и русских дружин, и тюркских всадников. Города вроде Тмутаракани, Саркела, Итиля становились бы не пограничными крепостями, а **узлами языческой ойкумены** — местами, где волхвы и шаманы обменивались знаниями, где купцы торговали не только шелком и мехами, но и обрядами, историями, песнями.

А когда в XIII веке с востока пришли бы монголы — тоже язычники, тоже почитатели Тенгри, — встреча была бы иной. Не «христианская Русь против языческой Орды», а «две языческие империи ищут общий язык». Возможно, и ига бы не было — или оно выглядело бы не как порабощение, а как **включение в более широкую языческую конфедерацию**, где Русь сохраняла бы автономию в обмен на признание космического порядка, установленного Чингисханом.

Всеслав и Кара-Бёке сидят у костра до глубокой ночи. Они говорят о богах, о духах, о том, как правильно приносить жертвы, как читать знаки в полете птиц, как лечить болезни травами и заклинаниями. Под конец Кара-Бёке говорит:

— Если бы все люди говорили так, как мы сегодня, войн было бы меньше.

Всеслав качает головой:

— Войны будут всегда. Но они будут из-за земли, из-за чести, из-за обиды. Не из-за богов. Боги не воюют друг с другом. Воюют только те, кто думает, что бог один.

И это — ключевое различие. В христианско-мусульманском мире религия становилась **причиной войны**. В языческом мире она могла стать **основой мира**. Не потому, что язычники добрее или мудрее, а потому, что их картина мира допускала множественность. Тенгри и Род могли сосуществовать. Перун и Умай могли быть союзниками. А значит, и народы, что им поклонялись, могли найти общий язык — не через обращение, а через **взаимное признание**.

Из таких разговоров рождались бы не просто торговые пакты, а **языческие харты** — договоры, где прописывались не только границы и пошлины, но и общие праздники, совместные жертвоприношения, взаимная поддержка в неурожай или мор. Эти соглашения открывали бы свободный путь караванам, объединяли силы против третьих врагов (например, против христианских крестоносцев или мусульманских халифатов), регулировали обмен пленными, скрепляли династические браки, где детей растили бы в почтении к богам обоих народов.

Из таких разговоров рождаются **дипломатические союзы**, а не войны. Русские князья и тюркские ханы заключают **языческие харты** — договоры, где клянутся не на священных книгах, а на степном небе и лесной земле. Эти соглашения открывают свободный путь караванам, объединяют силы против общих врагов, регулируют обмен пленными, обеспечивают взаимную поддержку в засуху или голод.

Когда часть тюркского мира позже приняла бы ислам, мосты языческой юности не исчезли бы полностью. Языческая память оставалась бы как скрытый фундамент, позволяющий находить общий язык. Русь, оставшаяся языческой, относилась бы к исламу как к **новой одежде старого соседа**: у него изменились молитвы и посты, но память о Небе-Тенгри, о степных духах продолжала жить в фольклоре, обрядах, привычках.

Это создавало бы совершенно иную конфигурацию сил в Евразии. Вместо жесткого противостояния «православной Москвы» и «мусульманской Орды» формировалась бы **сеть языческих и постъязыческих союзов**, где религия становилась не причиной войны, а основанием для поиска общего.

Геополитическое расширение языческой России — это не просто продвижение границ на восток, юг и запад. Это **распространение цивилизационной модели**, где центральным было не навязывание одного бога и одного обряда, а выстраивание **иерархии пантеонов**, признание множества богов в рамках единого Космоса.

В результате на пространстве от Балтики до Урала, от Белого моря до Кавказа вырастала бы не империя одного народа и одной веры, а **система перекрывающихся кругов**: славянских, финно-угорских, балтийских, тюркских, кавказских. Над всеми ними — язык Руси как *lingua franca* (лингва франка — язык-посредник, общий язык для общения между людьми, говорящими на разных родных языках) и пантеон Руси как общий небесный парламент богов.

Глава 2. Политическое устройство и система власти

2.1. Триединная власть: Князь, Волхв, Вече

Представьте две крайности власти, между которыми металась средневековая Европа. С одной стороны — византийский василевс, который мог ослепить родного брата, задушить племянника и объявить себя тринадцатым апостолом. Его воля и есть закон. С другой — афинская демократия, где народное собрание в порыве гнева приговорило Сократа к смерти, а потом, протрезвев, горько жалело об этом. Или взять Новгород: на вечевой площади толпа могла сегодня призвать князя, а завтра выгнать его вон, швыряя камни вслед.

Обе модели — и единоличная власть монарха, и прямая демократия толпы — страдали одной болезнью: **концентрацией власти в одной точке**. Неважно, эта точка — один человек или тысяча глоток на площади. Когда решение принимает кто-то один, он неизбежно ошибается: человек слаб, корыстолюбив, подвержен страстям. Когда решает толпа — она превращается в стихию, сметающую всё на своём пути, не разбирая правых и виноватых.

История знает десятки таких примеров. Иван Грозный в припадке ярости убивает собственного сына — и некому его остановить, ведь царь — помазанник Божий. Римский плебс требует «хлеба и зрелищ» — и сенат вынужден подчиняться, даже если это разоряет казну. Французская революция начинается с благородных идей свободы — а заканчивается гильотиной, которая пожирает собственных детей.

Языческая Русь могла бы предложить третий путь — не компромисс между монархией и демократией, а **органический синтез**, основанный на древней мудрости: власть должна быть подобна треноге. Уберите одну ножку — и всё рухнет. Удлините одну за счёт других — и равновесие нарушится.

Представьте весы с тремя чашами, где каждая уравнивает две другие. **Князь** — это меч, сила, способность действовать быстро и решительно. **Волхв** — это совесть, память предков, голос богов и традиций. **Вече** — это воля народа, здравый смысл тех, кто пашет землю, торгует на рынке и стоит в ополчении.

Князь может собрать войско и повести его в поход, но если волхвы скажут, что боги против этой войны, дружина дрогнет. Волхв может объявить волю богов, но если народ на вече не согласится, его слова повиснут в воздухе. Вече может потребовать снизить подати, но если князь докажет, что без этих денег границы не защитить, требование придётся пересмотреть.

Это не просто политическая система — это **священная геометрия власти**, где каждая сторона треугольника сдерживает две другие, не позволяя им перерасти в тиранию. В основе этой геометрии лежал простой, почти очевидный принцип: человек несовершенен. Любой человек. Поэтому власть нельзя доверять никому одному — ни мудрецу, ни воину, ни народу. Только триединство удерживает каждую силу в границах, превращая слабость человеческой природы в силу государственного устройства.

Князь — меч государства

Князь в языческой России оставался бы **верховным военным лидером и символом государства**. Это было бы логично: в мире, где племена граничат с племенами, где разбойничьи дружины и враждебные кочевники угрожают с границ, защита государства требует решительного полководца — человека, который может мобилизовать воинов и принять быстрое решение в момент опасности.

Князь наследовал бы титул в старшей линии, но с оговоркой: он был бы **рожден для власти, но не гарантирован в ней**. На каждое вступление нового князя требовалось бы **двойное утверждение**: одобрение вече и благословение волховского совета. Если бы молодой князь, придя к власти, вдруг обнаруживал склонность к тирании или проявлял неуважение к богам, ничто не помешало бы вече и волхвам отвергнуть его, объявить царствование несчастливым предзнаменованием и выбрать более достойного члена княжеского дома.

Реальный пример такого механизма существовал в истории: новгородское вече неоднократно изгоняло неугодных князей, просто объявляя их «черными», несчастливыми для города. В языческой Руси эта практика была бы формализована и приобрела **сакральный характер**. Голосование вече против князя выражало бы не просто политическую волю — оно становилось бы манифестацией воли народа и богов одновременно.

Власть князя в мирное время была бы значительной, но не абсолютной. Представьте себе князя, который решил издать новый указ — скажем, об изменении порядка наследования земель или о новых правилах торговли на городском рынке. Он мог бы созвать своих бояр, продиктовать текст указа писцу, приложить свою печать. Но прежде чем указ вступил бы в силу, его должны были проверить волхвы — хранители древних законов и летописей.

Волхв разворачивал бы старинные свитки, сверял новое веление с тем, что было установлено предками. И если он находил противоречие — если предложенный князем порядок нарушал старинное право, записанное еще при прадедах, — он имел право сказать: «Князь, это противоречит старине. Твои предки установили иное». И князю приходилось бы пересматривать свое решение, искать компромисс между новым и древним.

То же самое касалось налогов и податей. Князь мог собирать дань с подвластных земель, содержать дружину, строить укрепления — но размер этих сборов определялся не его единоличной волей. Каждый год, обычно весной, когда сходил снег и открывались дороги, князь, представители волховского совета и выборные от вече собирались бы вместе, чтобы обсудить нужды государства и возможности народа. Сколько нужно на содержание дружины? Сколько на ремонт стен? Сколько на жертвоприношения богам в главных святилищах?

Если князь пытался бы увеличить налоги произвольно — скажем, чтобы построить себе новый терем или одарить любимых дружинников, — вече могло отказать ему в сборе, объявив его требование несправедливым. И тогда князь оставался бы без средств, потому что собирать подати против воли народа означало бы превратить свободных людей в рабов, а это противоречило бы самой основе языческого мировоззрения.

Но самым важным ограничением княжеской власти было право объявлять войну. Да, князь был военным вождем, он командовал дружиной в походе, он принимал решения на поле боя. Но начать большую войну — войну, которая потребует мобилизации ополчения, опустошит казну и может привести к гибели тысяч людей, — князь не мог единолично.

Представьте: князь получает известие, что соседнее княжество нарушило границу, или что степняки готовят набег, или что открывается возможность выгодного похода на богатый город. Его первый порыв — собрать дружину и выступить немедленно. Но прежде он должен созвать совет. Волхвы проводят гадания: бросают кости, читают знаки в полете птиц, смотрят на внутренности жертвенных животных. Если предзнаменования плохие — если боги молчат или посылают дурные знаки, — волхвы имеют право сказать: «Не время. Боги против этой войны». И даже самый могущественный князь не посмеет идти против воли богов.

А если война уже началась, но идет неудачно? Если дружина терпит поражения, если враг подступает к стенам города, если народ видит, что князь ведет войну по гордыне или неразумию? Тогда вече могло собраться прямо в осажденном городе и потребовать отречения князя. Это не было бунтом — это было признанием того, что князь потерял благословение богов и удачу, а значит, больше не может быть мечом государства.

Почему бы князю не восстать против этих ограничений? Во-первых, потому что у него не было бы собственной вооруженной силы, достаточной для захвата полной власти. Дружина князя была бы сильна в поле, но в городе ее окружала бы городская милиция, связанная с вече. Волхвы не командовали бы войсками, но они влияли на умы воинов через идеологию и ритуалы. Восстать против вече и волхвов — значило бы потерять поддержку даже собственной дружины.

Во-вторых, потому что сам князь был бы **воспитан в этой системе** с детства. Он рос бы не в убеждении, что его воля — свята, а в убеждении, что его долг — **исполнять волю богов**, которую выражают вече и волхвы. Система воспитания королевского сына в древних культурах всегда включала философское воспитание — обучение смирению и ответственности наравне с боевым искусством.

В волховской школе, где воспитывался бы молодой князь, ему рассказывали бы истории о князьях, которые нарушили закон и были свергнуты. Его учили бы гадать и понимать предзнаменования, чтобы он сам чувствовал необходимость согласовывать свои решения с волей богов. Его обучали бы красноречию, чтобы он мог убеждать вече, а не приказывать ему. И главное — его учили бы **страху перед гневом народа и магией волхвов**, который был бы намного сильнее, чем любой закон.

Верховный волхв: голос богов и духовный отец

На другом полюсе власти стоял бы **Верховный волхв** — глава Совета волхвов и духовный лидер государства. В отличие от князя, его власть не передавалась по наследству, а была **полностью выборной**. Совет главных волхвов со всех девяти земель собирался бы раз в семь лет, чтобы избрать нового Верховного волхва из своих рядов.

Выбор представлял бы собой тщательный, многоэтапный процесс. Кандидаты должны были бы продемонстрировать **глубокое знание древних текстов**, способности к гаданию и предсказанию, мудрость и справедливость в судебных решениях. Отбор сопровождался бы священными ритуалами: накануне голосования кандидаты проводили ночь в святилище Перуна, где получали видения, которые затем описывали собранию. Остальные волхвы толковали эти видения, ища в них знаки божественного благоволения.

Власть Верховного волхва опиралась бы не на силу, а на **авторитет и влияние** — но влияние это было бы огромным, пронизывающим все уровни государственной жизни.

Пофантазируем вновь. Весна 1134 года. Князь Всеволод, вдохновленный успехами в недавней войне с половцами, издает указ о новом налоге на торговцев — деньги нужны для строительства новых крепостей на южной границе. Указ уже написан, печать готова. Но прежде чем он вступит в силу, свиток доставляют в Перунов двор, где его должен прочесть Верховный волхв Радомысл.

Старый волхв разворачивает свиток, читает молча, затем поднимает глаза на княжеского посланника.

«Скажи своему господину, — произносит он негромко, но так, что слышат все присутствующие, — что боги недовольны. Этот налог ляжет на плечи тех, кто кормит города хлебом и солью. Перун не одобряет, когда сильный давит слабого ради собственной славы».

Посланник бледнеет — он знает, что означают эти слова. Указ не будет издан. Князь может спорить, может гневаться, но идти против прямого вето Верховного волхва — значит объявить себя врагом богов. И действительно, через три дня Всеволод созывает новый совет, где налог пересматривается и значительно уменьшается.

Вето волхва не требовало обоснования через вече, не нуждалось в юридических формулировках. Достаточно было одной фразы: «Боги недовольны». Эта власть могла показаться

абсолютной, но она держалась на тончайшей нити — на вере в то, что волхв действительно слышит голос богов.

Не менее значительным было право волхва вмешиваться в судебные процессы, особенно когда речь шла о вопросах морали и священного права. Летом того же года в Киеве судили купца Ратибора, обвиненного в том, что он обманул вдову, продав ей гнилое зерно. Князь уже готов был вынести приговор — штраф и публичное покаяние, — когда в судебную палату вошел волхв Доброгост, один из старших членов совета.

«Князь, — сказал он, — ты судишь по закону людей. Но этот человек согрешил не только перед вдовой. Он продал ей зерно накануне Купальской ночи, зная, что она готовит ритуальный хлеб для жертвоприношения. Гнилое зерно осквернило священный обряд. Это преступление против богов, и судить его должны мы».

Князь не мог возразить. Дело было передано волховскому суду, где Ратибор получил куда более суровое наказание — год изгнания и очистительные обряды.

Так волхвы держали в своих руках невидимую, но прочную нить, связывающую земное правосудие с божественным порядком.

Особенно ярко власть Верховного волхва проявлялась в моменты избрания нового князя. Формально князя выбирало вече — собрание свободных людей, где каждый голос имел вес. Но, прежде чем новый князь мог взойти на престол, он должен был получить одобрение волхвов. Это не было простой формальностью.

Осенью 1146 года, после смерти князя Мстислава, вече выдвинуло кандидатуру его старшего сына Изяслава — воина храброго, но известного своим крутым нравом и склонностью к жестокости. Представители вече пришли в Перунов двор, где Верховный волхв Радомысл и весь совет уже ждали их. Началась церемония гадания.

Волхвы разложили на священном камне кости жертвенного барана, бросили их трижды, читая узоры. Затем Радомысл долго смотрел в огонь, где горели ветви дуба и ясеня. Наконец он поднялся и обратился к представителям вече:

«Изяслав силен, как молодой бык, и храбр, как волк. Но боги видят в его сердце тьму. Перун показывает мне кровь, пролитую без нужды. Велес шепчет о жадности, что съест его изнутри. Мы не можем одобрить этого человека».

Вече было потрясено — Изяслав казался очевидным выбором. Но слова волхвов нельзя было игнорировать. После долгих споров был выдвинут младший брат, Ростислав, человек более мягкий и справедливый. Волхвы провели новое гадание, и на этот раз знаки были благоприятными.

«Этого человека боги одобряют, — сказал Радомысл. — Пусть он правит с мудростью и милосердием».

Но власть Верховного волхва простиралась еще дальше — он мог издавать моральные предписания, которые становились священным законом для всего общества. Зимой 1151 года, после серии неурожаев и эпидемий, Радомысл объявил год великого очищения. Он созвал народ на площади перед главным святилищем и произнес:

«Боги гневаются на нас за то, что мы забыли о священном. Слишком много роскоши в домах богатых, слишком мало жертв в святилищах. В этом году каждый десятый сноп с полей должен идти богам. Каждый, кто имеет золото, должен пожертвовать часть его на возрождение ветхих капищ. И

пусть никто не устраивает пиров и развлечений до весеннего равноденствия — год этот должен быть годом смирения и молитвы».

Эти слова стали законом. Князь не мог отменить их, вече не могло проголосовать против. Священное предписание волхва обладало силой, превосходящей любую земную власть.

И все же — почему Верховный волхв не становился абсолютным диктатором? Почему эта огромная власть не превращалась в тиранию?

Ответ лежал в самой природе его авторитета. Власть волхва держалась не на мече и не на золоте, а на **доверии** — доверии народа, доверии вече, доверии самих богов. И это доверие нужно было подтверждать каждый день, каждым пророчеством, каждым решением.

Если бы Верховный волхв начал злоупотреблять своей властью, если бы его решения стали явно несправедливыми или корыстными, вече имело право потребовать его переизбрания. Это случалось редко, но прецеденты были. В 1089 году Верховный волхв Всеслав был смещен после того, как выяснилось, что он принимал дары от одного из князей в обмен на благоприятные пророчества. Вече собралось, обвинения были озвучены публично, и волховский совет, не желая терять доверие народа, сам отстранил Всеслава от должности.

Но еще более важным был другой механизм контроля — **проверка через пророчества**. В языческой России верили, что если волхв согрешит, если он потеряет связь с богами, его дар гадания иссякнет. Пророчества перестанут сбываться, советы начнут приводить к бедам.

И вот — весна 1163 года. Верховный волхв Святобор, занимавший свою должность уже двенадцать лет, начал терять точность. Сначала это были мелочи — он предсказал хороший урожай, но лето выдалось засушливым. Затем он одобрил военный поход против литовцев, заверив князя в победе, но поход закончился поражением. Потом его гадание о новом князе оказалось ошибочным — человек, которого он одобрил, правил всего год и был свергнут за жестокость.

Волхвы начали гадать друг о друге — это была постоянная практика, способ взаимной проверки. Младшие волхвы бросали кости, читали знаки, и все чаще знаки указывали на одно: Святобор потерял благословение богов. Возможно, он согрешил тайно. Возможно, просто состарился и утратил ясность духа. Причина была не так важна — важен был результат.

Наконец старейшины волховского совета пришли к Святобору и сказали ему прямо:

«Твои пророчества больше не сбываются. Боги отвернулись от тебя. Ты должен отречься».

И Святобор, зная, что спорить бесполезно, что его власть держится только на вере в его связь с богами, сложил с себя полномочия. Через месяц был избран новый Верховный волхв.

Так система сама себя очищала. Жрец, потерявший благословение богов, терял всякую власть — эта мудрость была известна многим древним культурам, от египетских фараонов до кельтских друидов. В языческой России этот механизм был встроен в саму структуру власти: волхвы постоянно проверяли друг друга, гадали друг о друге, следили за точностью пророчеств. Верховный волхв, чья связь с богами ослабла, обнаруживался быстро — через несколько месяцев неточных предсказаний и неудачных советов.

Это делало власть волхвов огромной, но не абсолютной. Это делало ее священной, но не бесконтрольной. И это, возможно, было самым гениальным элементом всей системы — власть, которая держится на вере, не может стать тиранией, потому что вера требует постоянного подтверждения.

Вече — глас народа, как закон

Третий полюс власти — **народное вече**, собрание свободных людей государства. Это был бы не просто совещательный орган, а **полноценный законодательный институт** с реальными полномочиями.

В языческой России вече функционировало бы на двух уровнях: **местные вече** в каждом городе и округе, и **верховное государственное вече**, собирающееся в Киеве раз в год — обычно во время главного праздника, такого как день летнего солнцестояния.

На местном уровне вече собиралось бы чаще — возможно, раз в месяц. На главной площади города, под открытым небом (когда позволяла погода) или в крытом помещении (при необходимости), собирались бы **все свободные люди** — землевладельцы, купцы, ремесленники, зажиточные крестьяне, волхвы. Рабы и крепостные не участвовали бы, хотя их интересы могли представлять их хозяева-благотетели.

Каждый участник вече имел бы право высказаться. Процесс выглядел бы так: **начальник вече** (обычно боярин, назначенный князем) открывал бы собрание, объявляя его цели. Затем по очереди выступали бы все желающие. Они говорили бы публично, стоя так, чтобы все могли их видеть и слышать. Толпа реагировала бы криками одобрения или неодобрения — это был бы механизм, позволяющий людям выражать согласие или несогласие без формального голосования.

На вопросы большой важности проводилось бы формальное голосование. Люди делились бы на два лагеря, занимая две части площади. Затем считали количество людей в каждой стороне. Побеждало большинство. Решение закреплялось символически: волхв совершал ритуал, призывая богов подтвердить справедливость выбора народа.

Но какую именно власть имело бы вече? Чтобы понять это, нужно не перечислять абстрактные полномочия, а увидеть, как эта власть работала на практике — в конкретных спорах, конфликтах, решениях.

Весна 1128 года. Новгород. Спор о налогах

Вечевая площадь гудела, словно растревоженный улей. Князь Всеволод Мстиславич стоял на возвышении в окружении своей дружины — двадцать воинов в кольчугах держали руки на рукоятках мечей. Рядом с ним стоял посадник Мирослав, человек князя, и тысяцкий Ставр — его народ уважал, но сегодня побаивался.

Князь требовал увеличить налог на торговлю пушниной — с одной десятой до одной седьмой части выручки. Причины были весомые: казне нужны деньги на укрепление стен, содержание дружины и строительство нового святилища Перуну. Всеволод говорил убедительно:

«Братья новгородцы! Вы знаете, что немцы укрепляют свои города на Балтике. Вы знаете, что чудь беспокойна на севере. Если мы не укрепим стены сейчас, завтра придется защищать пепелище. Одна седьмая — это справедливая цена за вашу безопасность».

Но толпа молчала. Не одобрительно, не враждебно — настороженно. Тогда вперед вышел купец Гостята, человек пожилой, с седой бородой до пояса. Сорок лет он торговал пушниной и знал каждую тропу от Новгорода до Волжской Булгарии.

«Князь говорит о стенах, — начал Гостята, и площадь затихла. — Но я спрашиваю: где деньги, которые мы уже дали? Три года назад мы платили особый налог на ремонт укреплений. Два года назад — на содержание

дружины. В прошлом году — на святилище. И каждый раз князь говорил: „Это последний раз, братья“. А теперь снова? Одна седьмая — это значит, что каждый из нас, торговцев, потеряет треть прибыли. Это значит, что многие из нас разорятся. Это значит, что Новгород станет беднее, а не богаче».

Толпа загудела — одобрительно. Князь нахмурился. Его рука легла на рукоять меча — не угрожающе, но заметно.

Тогда вперед вышел волхв Добрыня, старший из новгородских волхвов. Он не был Верховным волхвом всей Руси, но в Новгороде его слово значило многое.

«Князь прав в том, что стены нужны, — сказал Добрыня медленно. — Но Гостиата прав в том, что народ устал от налогов. Я предлагаю: пусть вече решит, сколько дать. Не князь назначает налог, а народ предлагает, что может дать без разорения».

Это был компромисс, и все это понимали. Князь мог настаивать на своем, мог даже попытаться собрать налог силой — но тогда рисковал потерять доверие народа, а с ним и саму власть. Вече могло отказать полностью — но тогда город остался бы без защиты.

Три часа спорили на площади. Предлагали разные варианты: одну десятую, как раньше, но на два года вместо одного. Одну восьмую, но только с крупных торговцев. Одну девятую, но с обязательством князя отчитываться перед вече о каждой потраченной гривне.

В конце концов сошлись на таком: одна восьмая на три года, с ежегодным отчетом перед вече о расходах. Князь согласился неохотно, но согласился. Волхв Добрыня совершил обряд, призывая богов засвидетельствовать справедливость решения. Так вече утвердило налог — не тот, что хотел князь, но тот, на который согласился народ.

Лето 1142 года. Смоленск. Выборы тысяцкого

Тысяцкий — это не просто военный чин. Это человек, который командует городским ополчением, организует оборону в случае войны и следит за порядком на улицах. В мирное время он вторая по важности фигура после князя. В 1142 году перед Смоленском встал вопрос: кого выбрать новым тысяцким после смерти старого Ратибора?

Князь Ростислав выдвинул своего кандидата — Святослава, молодого боярина из княжеской дружины. Храбрый воин, участник трех походов против половцев. Святослав был хорош собой и красноречив, и князь явно видел в нем будущего союзника.

Но вече предложило другого — Вышату, сына купца, человека незнатного, но умного и справедливого. Вышата никогда не командовал войском, зато он организовал оборону торгового каравана от разбойников и спас двадцать человек, не потеряв ни одного. Народ его уважал.

На вечевой площади оба кандидата должны были выступить. Первым говорил Святослав:

«Братья смоляне! Я служу князю десять лет. Я бился с половцами на Суле, с литвой на севере, с ятвягами на западе. Я знаю, как строить войско, как держать щитовую стену, как вести людей в бой. Если враг придет к нашим стенам, вы хотите, чтобы вас вел купеческий сын, который никогда не держал меч в настоящей битве? Или воин, который знает войну?»

Толпа зашумела — одни одобрительно, другие неуверенно. Святослав был убедителен.

Тогда вышел Вышата. Он был ниже ростом, одет проще, говорил тише — но его слова были точны, как стрелы:

«Святослав прав: он знает войну. Но тысяцкий — это не только война. Это справедливость на улицах. Это защита слабого от сильного. Это

человек, который должен быть ближе к народу, чем к князю. Святослав — хороший воин, но он служит князю. Я служу городу. Когда разбойники напали на наш караван, я не побежал за помощью к князю — я собрал людей, вооружил их, организовал оборону. Мы победили не потому, что я великий воин, а потому, что люди мне доверяли. Тысяцкий должен быть тем, кому доверяет народ, а не тем, кого назначает князь».

Толпа загудела еще громче. Князь Ростислав нахмурился — было ясно, что народ склоняется к Вышате. Он мог настоять на своем кандидате, но это грозило конфликтом с вече и риском потерять поддержку народа.

Волхв Велимир, наблюдавший за спором, поднял руку:

«Пусть решает вече. Пусть те, кто за Святослава, встанут справа. Те, кто за Вышату — слева».

Площадь разделилась. Справа — меньшинство: в основном дружинники и бояре. Слева — большинство, простой народ. Вышата одержал победу.

Князь Ростислав принял решение с явным недовольством, но всё же принял. Вышата стал тысяцким. Так вече выбрало должностное лицо — не того, кого желал князь, а того, кому доверял народ.

Осень 1156 года. Полоцк. Закон о рыбной ловле

Полоцк стоял на Двине, и рыба составляла важную часть городской экономики. Но в 1156 году разгорелся конфликт: богатые купцы начали скупать лучшие места для ловли, устанавливая там свои сети и нанимать работников. Простые рыбаки оказались вытеснены — они не могли конкурировать с купеческими артелями.

Вече собралось, чтобы разрешить спор. Купцы утверждали, что имеют право покупать землю и распоряжаться ею по своему усмотрению — это их собственность. Рыбаки возражали: река — общее достояние, и никто не вправе монополизировать ее ресурсы.

Спор был долгим и ожесточенным. Наконец старейшина вече, Борис Всеславич, предложил компромисс:

«Пусть будет так: каждый имеет право ловить рыбу на Двине, но никто не имеет права занимать больше ста саженей берега. Если купец хочет ловить больше — пусть нанимает людей, но не может запретить другим ставить сети рядом. Река принадлежит всем, а не тем, у кого больше денег».

Вече одобрило этот закон. Он не противоречил общегосударственным законам о собственности, а развивал их с учетом местных условий. Волхв Всеслав освятил решение, и оно обрело силу закона Полоцкой земли. Так вече принимало местные законы — не отменяя общих принципов, но приспособляя их к нуждам конкретного города.

Зима 1167 года. Чернигов. Суд над князем

Это была одна из самых драматичных сцен в истории языческой Руси — момент, когда вече судило самого князя.

Князь Святослав Ольгович правил Черниговом пятнадцать лет. Он был храбрым воином и умелым администратором, но со временем его окружение становилось всё более коррумпированным. Его бояре брали взятки, его посадники вершили суд не, по справедливости, а по размеру мешка с серебром. Народ роптал, но князь не слушал.

Наконец произошло событие, переполнившее чашу терпения. Боярин Ратмир, близкий к князю человек, обвинил купца Добрыню в краже и потребовал конфисковать его имущество.

Доказательств не было — только слово боярина против слова купца. Князь поддержал боярина. Имущество Добрыни конфисковали, а самого его бросили в темницу.

Но у Добрыни были друзья. Они собрали вече и потребовали справедливого суда. Вече постановило: дело должно быть пересмотрено, и если выяснится, что Добрыня невиновен, князь ответит за несправедливость.

Волхв Богдан, старший в Чернигове, провел расследование. Он допросил свидетелей и изучил обстоятельства дела. Выяснилось, что Ратмир сам задолжал Добрыне крупную сумму и обвинил его в краже, чтобы не возвращать долг. Князь знал об этом, но покрыл своего боярина.

Вече собралось снова — на этот раз в полном составе, несколько тысяч человек. Князь Святослав стоял перед народом бледный, но гордый. Волхв Богдан зачитал результаты расследования. Толпа роптала — гневно и требовательно.

Старейшина вече, Мстислав Иванович, обратился к князю:

«Святослав Ольгович, ты нарушил священный закон справедливости. Ты покрыл вора и обвинил невиновного. Ты предал доверие народа. Вече постановляет: ты должен вернуть Добрыне все конфискованное имущество, выплатить ему компенсацию в двойном размере, и публично извиниться перед ним и перед народом. Если ты откажешься — вече лишит тебя княжения».

Князь молчал. Дружина стояла рядом, но что она могла поделать против нескольких тысяч разгневанных людей? Он мог попытаться удержать власть силой — но это означало бы гражданскую войну, и волхвы прокляли бы его.

Святослав склонил голову:

«Я согрешил перед народом и перед богами. Я верну Добрыне его имущество и выплачу компенсацию. Я прошу прощения».

Вече приняло его извинения. Князь остался на престоле, но его власть была сломлена. Год спустя он добровольно отрекся, осознав, что утратил доверие народа. Так вече вынесло свой приговор князю — не свергнув его сразу, а заставив ответить за несправедливость.

Весна 1173 года. Киев. Верховное государственное вече

Раз в три года в Киеве собиралось Верховное вече — съезд представителей от всех земель Руси. Это было грандиозное событие, к которому готовились месяцами.

Весной 1173 года в Киев съехались представители от Новгорода, Смоленска, Полоцка, Чернигова, Переяславля, Владимира, Галича и Рязани. От каждого города прибыло по три-пять выборных — люди уважаемые, опытные в делах управления. Всего собралось около ста пятидесяти человек.

Вместе с ними прибыли князья — не все, но главные: великий князь Киевский Мстислав, князь Новгородский Святослав, князь Владимирский Андрей. Явились и волхвы: Верховный волхв Всеслав и главные волхвы от каждой земли.

Вече собралось на Подоле, на большой площади у Днепра. Для выступающих построили деревянные помосты, для представителей расставили скамьи. Толпа киевлян окружила площадь — они не голосовали, но имели право слушать.

Повестка была серьезной: половцы усилили набеги на южные границы. Нужно было решить — объявлять большую войну или попытаться заключить мир. Этот вопрос затрагивал все государство, и потому требовал одобрения Верховного вече.

Великий князь Мстислав выступил первым:

«Братья! Половцы не дают нам покоя. Каждый год они жгут наши села, уводят людей в плен, грабят купеческие караваны. Я предлагаю собрать общее

войско от всех земель и нанести им решающий удар. Если мы объединимся, они не устоят».

Его поддержали князья южных земель — Переяславля, Чернигова. Но представители северных городов возражали. Новгородский посол Гостята говорил:

«Война стоит дорого. Каждая земля должна будет дать воинов, коней, припасы. Новгород торгует с Балтикой, нам война с половцами не нужна. Мы готовы помочь, но не готовы нести основное бремя».

Спор растянулся на два дня. Представители разных земель отстаивали свои позиции, торговались, нащупывали компромиссы. Волхвы молча наблюдали — их задача была не решать политические вопросы, а следить, чтобы процесс оставался справедливым.

Наконец Верховный волхв Всеслав поднялся:

«Я совершу гадание. Пусть боги скажут, благословляют ли они эту войну».

Он бросил священные кости, изучил их расположение, взгляделся в огонь жертвенника. Долгое молчание. Затем:

«Боги говорят: война будет трудной, но справедливой. Если Русь объединится, победа возможна. Но если земли будут действовать разрозненно, каждая сама по себе — поражение неизбежно. Решайте сами, готовы ли вы к единству».

Это был не приказ, а совет. Вече продолжило обсуждение. В итоге договорились: южные земли выставляют основное войско, северные — вспомогательное, и они же обеспечивают снабжение. Войну одобрили, но не как авантюру одного князя, а как общее решение всех земель.

Так работало Верховное вече — не как диктатура большинства, а как место, где разные интересы находили баланс.

Лето 1149 года. Ростов. Выборы представителя на Верховное вече

Чтобы понять, как работала система представительства, нужно увидеть, как община выбирала своих послов.

Летом 1149 года в Ростове собралось местное вече, чтобы выбрать трех человек для поездки в Киев на Верховное вече. Это было важное решение — представители должны были говорить от имени всего города, защищать его интересы и участвовать в общегосударственных решениях.

Кандидатов было пятеро. Первый — боярин Иван Ратмирович, человек знатный, близкий к князю. Второй — купец Добрыня, богатый торговец, который знал экономику города. Третий — ремесленник Микула, мастер-кузнец, уважаемый в народе. Четвертый — волхв Велимир, хотя волхвы редко ездили как представители вече. Пятый — старейшина Всеслав, пожилой и мудрый человек, участник многих вечевых собраний.

Каждый кандидат выступил, объясняя, почему именно ему следует представлять Ростов. Иван говорил о своих связях с князем и другими боярами — он мог бы лоббировать интересы Ростова на высшем уровне. Добрыня упирал на свое знание торговли и экономики — он защитил бы торговые интересы города. Микула говорил о том, что он — человек из народа и будет отстаивать интересы простых людей, а не бояр. Велимир отказался от кандидатуры, заявив, что волхвам не место в политике. Всеслав же говорил о своем опыте и мудрости.

Вече голосовало трижды — выбирая по одному представителю за раз. Первым избрали Всеслава — его мудрость и опыт не вызывали сомнений. Вторым — Добрыню, ведь торговля была важна для Ростова. Третьим — Микулу, потому что народ хотел, чтобы хотя бы один представитель вышел из простых людей.

Так община выбирала своих представителей — не по знатности, не по богатству, но по тому, кому доверяла и кто мог защитить ее интересы.

Осень 1161 года. Псков. Вето волхва против несправедливого решения

Это была одна из тех редких ситуаций, когда волхв был обязан наложить вето на решение вече — и именно она показывает, как работала защита от тирании большинства.

В Пскове вспыхнул конфликт между большинством горожан и небольшой общиной варягов-наёмников, проживавших в городе уже двадцать лет. Варяги были искусными воинами и участвовали в обороне города, но держались особняком, сохраняли свои обычаи и поклонялись своим богам.

Однажды между варягом Олафом и псковским купцом Ратибором вспыхнула драка. Ратибор утверждал, что Олаф первым его оскорбил и ударил. Олаф говорил обратное. Свидетелей не было — только слово против слова.

Вече собралось, чтобы рассудить спор. Но атмосфера накалялась — многие псковичи давно недолюбливали варягов, считали их чужаками. Когда дошло до голосования, большинство встало на сторону Ратибора. Вече постановило: Олаф виновен, он должен выплатить крупную компенсацию и покинуть город. А заодно пусть и остальные варяги уходят, раз не хотят жить по местным обычаям.

Это было несправедливо, и все это понимали — но большинство держало сторону своих, а не чужаков.

Тогда вперед вышел волхв Богдан, старший в Пскове. Он поднял руку, требуя тишины:

«Вече приняло решение, но я, волхв, объявляю это решение оскорблением богов. Вы судите человека без доказательств, только потому, что он варяг. Вы изгоняете людей, которые двадцать лет защищали этот город, только потому, что они не такие, как вы. Это не справедливость — это месть. Боги не одобряют мести, выдаваемой за правосудие. Я накладываю вето на это решение».

Возмущение и гнев народный рос. Кто-то кричал, что волхв превышает свои полномочия, что вече имеет право решать. Но волхв стоял твердо:

«Вече имеет право решать, но не имеет права творить несправедливость. Если вы хотите изгнать варягов — найдите доказательства их вины. Если вы хотите наказать Олафа — докажите, что он виновен. Но пока у вас нет доказательств, только предубеждение, я не позволю вам совершить грех».

Спор длился долго. Наконец старейшина вече, Мстислав, предложил компромисс:

«Пусть будет так: мы проведем новое расследование. Пусть волхв Богдан сам допросит свидетелей, изучит обстоятельства. И пусть он скажет, кто прав. Если он скажет, что Олаф виновен — мы накажем его. Если скажет, что Ратибор лжёт — мы накажем Ратибора».

Вече согласилось. Богдан провел расследование и выяснил, что виноваты оба — драка началась из-за пустяка, и удары наносили друг другу оба. Он постановил, что каждый дол-

жен выплатить другому небольшую компенсацию и публично помириться. Варяги остались в Пскове.

Так волхв наложил вето на несправедливое решение вече — не отменяя власть народа, но защищая меньшинство от тирании большинства.

Вот как работала власть вече в языческой Руси — не как абстрактная демократия, а как живая система, где каждое решение рождалось в споре, компромиссе и балансе интересов. Вече утверждало налоги, но не могло разорить народ. Вече избирало должностных лиц, но не могло навязать князю совершенно неприемлемого кандидата. Вече принимало местные законы, но не могло противоречить общегосударственным принципам. Вече судило князей и волхвов, но не могло творить произвол.

Самое важное — вече не превращалось в тиранию большинства, потому что волхвы обладали правом вето в случаях явной несправедливости. Это право использовалось редко, но само его существование сдерживало народ и напоминало: справедливость выше воли большинства.

Система триглавных советов на местах

Триединство князя, волхва и вече повторялось бы на каждом уровне управления. На местах, в каждой земле, существовал бы **триглавный совет**, состоящий из:

— **Родовича** — местного князя, который выполнял бы роль военного и административного лидера земли.

— **Главного волхва земли** — старшего из волхвов на территории. Он обладал бы теми же полномочиями вета и морального руководства, но на местном уровне.

— **Вече земли** — собрания представителей всех городов и крупных поселений земли с теми же законодательными полномочиями на местном уровне.

Эта система обеспечивала бы **вертикальную интеграцию** всего государства без централизации. Решения, принятые верховным вече в Киеве, спускались бы вниз через местные триглавные советы. Эти советы имели бы право адаптировать решения к местным условиям, но не могли бы полностью их отвергать.

Механизмы равновесия и взаимного контроля

Ключ к выживанию такой системы — **взаимный контроль и баланс**. Это достигалось бы несколькими механизмами:

1. Отсутствие у кого-либо личной армии

Князь командовал бы дружиной и мог бы собрать ополчение, но дружина состояла бы из людей с собственными землями, семьями и связями в городском патрициате. Если бы князь попытался выступить против вече, его дружина могла бы ему отказать. Волхвы же не имели бы никакой вооруженной силы, полагаясь исключительно на идеологический авторитет.

2. Публичность и открытость решений

Все важные решения принимались бы публично, на глазах у народа, способного заметить подвох или несправедливость. В такой системе ни один заговор не мог бы длиться долго.

3. Ротация власти

Князья наследовали бы власть, но каждый новый князь должен был бы проходить переутверждение. Верховные волхвы переизбирались бы раз в семь лет. Представители вече менялись бы ежегодно. Эта ротация предотвращала бы олигархизацию власти.

4. Морально-идеологическое обоснование

И это самое главное. Система была бы **встроена в мировоззрение**. Люди верили бы, что триединство отражает триединство мироздания (Правь, Явь, Навь), что каждая из трех сил соответствует определенному аспекту божественного порядка. Нарушить систему значило бы

оскорбить богов и навлечь несчастье на себя и свой род. Это был бы не просто политический договор, а **священный завет**.

Исторический пример: совет 1097 года

Чтобы лучше понять, как такая система могла бы работать, нашу выдумку положим на исторический момент. В реальной истории в 1097 году князья собрались в Любечском замке, чтобы разделить русские земли и положить конец междоусобицам. Съезд постановил: каждый князь правит в своем уделе, а старший в роде — в Киеве. Но договор не был строго соблюден, и спустя несколько десятилетий Русь снова погрузилась в распри.

В языческой России такой съезд принял бы иную форму, с большей вероятностью лучшего исхода:

Сцена: Киев, святилище Перуна, 1097 год. Собрались князья со всех русских земель, главные волхвы, представители вече крупных городов.

Верховный волхв начинает собрание не с политических претензий, а с ритуала. Он совершает омовение в священной воде, призывая Рода помочь выбрать справедливое решение. Затем говорит:

«Мы собрались не как враги и конкуренты, а как дети одного дома. Рассечение дома — это грех перед богами и перед народом. Каждый из вас хочет править, но правление без справедливости — это служение не богам, а бесам. Слушайте, что предлагаю вам.»

Затем главные волхвы, заранее согласовав решение между собой, предлагают систему: каждая земля получит своего Родовича (обычно старшего сына правящего князя), который будет управлять совместно с местным вече и местным волховским советом. Верховным князем в Киеве станет старший в роду, но с условием: каждые семь лет все земли соберут вече, чтобы проверить его справедливость. Если большинство земель скажет, что старший князь недостоин, выберут другого.

Вече от городов голосуют за эту систему, потому что видят в ней защиту своих интересов. Князья соглашались, потому что каждый получает собственную землю и власть в ней, и даже младшие члены рода не остаются обездоленными. Волхвы освящают решение ритуалом — совершают жертвоприношение богам, призывая их судить справедливо и карать тех, кто нарушит договор.

По словам летописца этого времени:

«И клялись князья при святилище Перуна, что будут справедливы в суде, что не будут присваивать чужие земли, что будут слушать голос вече. И волхвы произнесли проклятие на того, кто нарушит клятву: „Да погубит его мо род, да разрушится его дом, да посрамит его память потомков“. И все князья, видя суровость волховского проклятия, содрогнулись и подтвердили клятву трижды.»

Конечно, в такой системе войны между княжествами все равно случались бы — люди остаются людьми. Но механизм контроля и взаимного сдерживания работал бы. Если бы один князь несправедливо напал на соседей, вече пострадавшей земли обратилось бы к верховному вече с жалобой. Волхвы совершили бы гадание, чтобы определить правого. Верховный князь получил бы право вмешаться военной силой и восстановить справедливость.

Из всего сказанного и написанного, делаю вывод о том, что политическое устройство языческой России опиралось бы на один фундаментальный принцип: **никакая власть не может быть абсолютной, потому что абсолютная власть в руках несовершенного человека всегда превращается в тиранию**. Только разделение власти между тремя центрами силы

— военной (князь), духовной (волхвы) и народной (вече) — обеспечивает справедливость и порядок. И хотя такая система была бы менее эффективна в кризисные моменты, чем абсолютная монархия, она оказалась бы неизмеримо более справедливой и устойчивой в долгосрочной перспективе.

2.2. Волховское государство: инновационная система управления

Если триединая власть князя, волхва и вече представляла собой основную структуру государственного управления, то его нервной системой, его скрытым организующим началом была бы **волховская иерархия** — структурированная система жреческого управления, которая одновременно функционировала бы как религиозный институт, научная академия и судебная инстанция.

Волхвы в языческой России — это не просто люди, совершающие ритуалы в святилищах. Это была бы **управленческая элита**, сопоставимая по влиянию с церковной иерархией средневековой Европы, но с принципиально иной структурой и функциями. И если бы кто-то захотел понять, как на самом деле функционировала бы языческая Русь при всех торжественных декларациях о триединстве, он должен был бы изучить именно волховскую систему.

Совет девяти волхвов: высший суд и религиозный синод

На вершине волховской пирамиды стоял бы **Совет девяти волхвов** — орган, совмещающий функции высшего суда, синода, академии и кабинета министров. Число девять выбрано неслучайно: оно отражает священную структуру мироздания (трижды по три), что придавало бы самому существованию совета **сакральный характер**.

Эти девять человек выбирались бы не голосованием толпы, а сложным механизмом, сочетающим наследственный элемент, выборность и проверку гаданием. Каждая из девяти земель имела бы право предложить одного кандидата, но это право не было бы автоматическим. Восемь действующих членов совета должны были бы утвердить кандидата, проверив его знания, способности к гаданию, нравственность и «чистоту» помыслов.

Как проверялась бы «чистота помыслов»? Через сложный многодневный ритуал. Кандидат проводил бы ночь в святилище Перуна, молясь и медитируя. Утром опытные волхвы расспрашивали бы его о видениях и снах. Интерпретируя эти символы, они определяли бы, готов ли человек к столь высокой должности. По сути, это была бы **психологическая оценка**, скрытая под религиозной формой.

Члены Совета девяти служили бы пожизненно, но с одним условием: каждые семь лет их способности переоценивались бы заново. Старый волхв, потерявший ясность ума или способность к гаданию, мог бы быть почтительно, но твердо отправлен в почетную отставку. Он удалялся бы в один из крупных монастырей-капищ, где проводил остаток жизни, обучая молодых адептов.

Функции этого совета были бы всеобъемлющи:

1. Высший судебный орган

Если местный волховский суд не мог разрешить спор, дело передавалось в Совет девяти. Это касалось прежде всего дел, затрагивавших интересы нескольких земель, обвинений в святотатстве и нарушений волховского права со стороны знати.

Суд опирался не только на логические аргументы, но и на **магические техники**. Обе стороны давали клятву перед идолом Велеса — бога правды. Волхвы совершали гадания по звездам, внутренностям животных, движению воды в священной чаше. Решение выносилось на основе сочетания логического анализа и магических знаков.

Современному читателю это может показаться суеверием, но в действительности такая система работала не хуже многих средневековых судебных практик. Люди, верящие, что боги следят за ними через волхвов, склонны к честности больше, чем те, кто просто надеется на удачу в обмане. А волхвы, проводя тщательные расследования, часто определяли виновного не столько магией, сколько наблюдательностью и логикой — магия лишь делала этот процесс убедительнее для народа.

2. Религиозный синод

Совет определял бы **официальную доктрину** язычества, интерпретировал предания и издавал декреты о проведении обрядов. Например, если в одной земле Купалу начинали праздновать иначе, чем в другой, Совет девяти мог издать декрет, унифицирующий обрядность.

Но в отличие от христианской церкви, такие декреты не были бы догматичными. Языческая вера допускала множество интерпретаций. Волхвы спорили бы между собой, как христианские богословы, но их споры были бы менее жестокими. Еретика не сжигали бы на костре за неправильное понимание природы Велеса — его просто отправляли бы учиться дальше.

3. Научный парламент

Совет девяти работал бы и как **академия**, где велись бы дебаты о природе Вселенной, о правильных методах целебного ремесла, о расчетах положения звезд. Ежегодно волхвы со всех земель присылали бы в Совет отчеты о своих открытиях: какие новые растения с целебными свойствами обнаружены, какие астрономические явления наблюдались, какие усовершенствования в технологии магического ремесла удалось достичь.

Совет анализировал бы эти отчеты и проверял бы достоверность открытий через собственные наблюдения и экспериментальное воспроизведение. Если новое растение, предложенное волхвом из Рязани, действительно помогало лечить ранения, это признавалось бы официально и распространялось по всем землям. Если пророчества волхва из Новгорода несколько раз сбывались точно, его методику гадания изучали бы и преподавали в волховских школах.

Система наставничества: триединая передача знаний

Но как обеспечивалась бы преемственность волховского знания? Здесь вступала в действие система наставничества — одна из самых гениальных особенностей волховского устройства.

Каждый волхв, достигший определенного уровня мастерства (примерно в возрасте 30—40 лет, когда он уже накопил знания, но еще полон энергии), принимал бы на обучение **трех адептов**. Это число выбрано неслучайно. Три ученика представляли бы триединство: первый, умный и способный, становился бы интеллектуальным наследником учителя; второй, более мистически настроенный, развивал бы практику магии и гадания; третий, практичный и деловой, осваивал бы рецепты, методы лечения и технологические секреты.

Каждый ученик учился бы у своего учителя минимум семь лет. Это был бы не просто формальный срок, а **священный контракт** между учителем и учеником, скрепленный клятвой перед богами. Нарушить такой контракт означало бы нарушить клятву и навлечь на себя проклятие.

Система была бы структурирована так:

Первые три года — обучение основам. Ученик изучает азы: как читать руны, как распознавать травы, как совершать простые ритуалы, как медитировать и входить в транс. Это период «ремесленного» обучения, когда ученик запоминает формулы и методики.

Следующие два года — специализация. В зависимости от способностей, ученик все больше времени уделяет либо магической теории, либо целебному ремеслу, либо астрономии. Учитель раскрывает глубинные причины того, **почему** работают методики, которые ученик освоил на первом этапе.

Последние два года — самостоятельное исследование. Ученик получает задание — найти новое растение с целебными свойствами, усовершенствовать метод гадания или раскрыть какую-то неясность в древних текстах. Он работает под наблюдением учителя, но в значительной степени самостоятельно.

По окончании семилетия ученик сдавал бы **экзамены** перед Советом волхвов (или перед местным волховским советом в своей земле). Он должен был бы продемонстрировать знание всех основных текстов, способность к гаданию и практические навыки в целебном ремесле. Только после этого ему присваивался бы ранг волхва, и он получал бы право открыть собственную школу.

Эта система была бы необычайно эффективна для передачи знаний, потому что комбинировала бы несколько методов обучения: **логическое** (через лекции и объяснения), **практическое** (через совершение обрядов и приготовление лекарств), **мистическое** (через медитации и видения) и **исследовательское** (через самостоятельные поиски).

И главное — она создавала бы глубокую **эмоциональную и иерархическую связь** между учителем и учеником. Ученик не просто получал бы знания — он становился бы частью духовной семьи учителя, продолжателем его дела. Знание передавалось бы не как сухая информация, а как **живая традиция**, со всей её тонкостью и глубиной.

Волхвы и назначение князей: проверка родословной благочестивости

Один из самых действенных механизмов влияния волхвов на государственную власть закреплялся в процедуре избрания и утверждения князя. Когда новый князь вступал на престол, он должен был пройти через **волховское испытание** — церемонию, которая выглядела как религиозный обряд, но была в действительности строгой политической и нравственной проверкой.

Процедура выглядела бы примерно так:

Новый князь — обычно сын умершего правителя, хотя не всегда (вече могло выбрать другого члена княжеского рода) — приходил в главное святилище Киева. Там его встречали девять волхвов в полном облачении, с символами власти: посохами, обвитыми змеями (знак мудрости), и нагрудниками из золота и серебра.

Первое испытание — **испытание знаниями**. Волхвы задавали молодому князю вопросы:

- Назови порядок богов в нашем пантеоне.
- Объясни, что такое триединство Прави, Яви и Нави.
- Расскажи историю сотворения мира согласно нашим преданиям.
- Какие главные праздники в году? Почему они важны?

Это не была бы университетская проверка знаний. Волхвы не требовали бы от князя стать ученым. Но они хотели бы убедиться, что будущий правитель не полный невежда в вопросах веры, что он соблюдает обряды не механически, а понимая их смысл.

Второе испытание — **испытание в боевом мастерстве**. Молодой князь должен был бы сразиться с избранным волхвами чемпионом — обычно это опытный воин из княжеской дружины, авторитетный и справедливый. Это не смертельный поединок, а демонстрация боевого мастерства. Волхвы смотрели бы не только на физическую силу, но и на честность в бою, на соблюдение кодекса воинской чести.

Если бы молодой князь дрался грязно, нарушал правила, волхвы сразу заметили бы это и сделали бы соответствующие выводы о его характере.

Третье испытание — **испытание в медитации и видениях**. Молодой князь проводил бы ночь один в святилище перед идолом Перуна. Волхвы не вмешивались бы, но наутро рас-

спрашивали бы его о снах и видениях. Опытный волхв мог бы многое понять о личности князя из его рассказа: честен ли он, смел ли, в здравом ли уме, не лицемер ли.

Четвертое испытание — **испытание в справедливости**. Волхвы давали бы молодому князю несколько сложных случаев для разрешения. Часто это были бы **вымышленные случаи**, но поданные так, чтобы звучали правдоподобно:

«Два купца спорят о цене товара. Один говорит, что они договорились на сто рублей, другой — что на двести. Свидетелей нет, контракта не было. Как ты будешь судить?»

Волхвы слушали бы, как молодой князь рассуждает. Ищет ли он справедливости или пытается угодить? Понимает ли сложность ситуации или выносит поспешное решение?

После прохождения всех испытаний Верховный волхв совершал бы **итоговый ритуал**. Он возлагал бы на голову молодого князя венец, произнося слова примерно такого содержания:

«Боги признают тебя достойным носить венец княжеской власти. Но помни: власть дана тебе не для личного обогащения, не для угнетения народа, а для служения общему благу. Если ты забудешь об этом, если ты станешь тираном, боги и люди свергнут тебя, и имя твое будет поругано».

Все это выглядело бы как религиозная церемония. В действительности это была бы **политическая аккредитация**, где волхвы, опираясь на свой авторитет и знание человеческой природы, определяли, достоин ли претендент власти.

Волхвы как научная элита

Но волхвы были бы не только жрецами и судьями. Они стали бы **главной научной и технологической элитой** государства. Вся наука древней Руси сосредоточилась бы в руках волховского совета и волховских школ.

Волхвы были бы **хранителями знаний о небе**. Они наблюдали бы за звездами, составляли бы астрономические таблицы, предсказывали бы затмения. Почему это важно? Знание движения небесных тел позволяло бы создавать точные календари — а для сельского хозяйства это жизненно необходимо. Крестьянин, который точно знает, когда начнется весна (по предсказанному волхвами моменту равноденствия), засеет поле вовремя. Ошибка в календаре всего на неделю — и урожай потерян, а за ним приходит голод.

В каждом крупном капище существовала бы **обсерватория** — специальная площадка, где волхвы-звездочеты проводили ночи, наблюдая за небесными светилами. Представьте деревянную башню на холме с открытой площадкой наверху. Волхв сидит там от заката до рассвета, записывая положение звезд, фазы луны, появление комет. Эти наблюдения накапливались десятилетиями, позволяя предсказывать астрономические события с поразительной точностью. Когда волхв объявлял: «Через три дня луна закроет солнце» — и это действительно происходило, его авторитет становился непоколебимым. За этой «магией» стояла кропотливая работа поколений наблюдателей, которые вели записи и выявляли закономерности в движении небесных тел.

Знание неба естественным образом переходило в знание земли. Волхвы становились **хранителями агрономических знаний**: они изучали свойства почв, разрабатывали методы повышения урожайности, совершенствовали технологии строительства. Представьте волхва, который путешествует по деревням и записывает, какие сорта пшеницы дают лучший урожай на глинистых почвах, а какие — на песчаных. Он беседует со старыми крестьянами, выведывает их секреты, проверяет их на экспериментальных полях при капище, а затем передает проверенные знания в волховские школы. Так формировалась бы настоящая **агрономическая наука**, основанная не на догмах, а на практическом опыте. Волховские агрономы эксперимен-

тировали бы с различными культурами, определяли бы, какие растения лучше растут в разных регионах, собирали бы сведения от крестьян по всей земле и распространяли бы лучшие практики. Это не было бы абстрактным знанием — это была бы живая система обмена опытом, где каждое наблюдение проверяется делом.

Не менее важными были бы **целебные знания**. Волхвы-целители знали бы сотни растений: какие помогают от лихорадки, какие останавливают кровь, какие успокаивают боль. Они собирали и изучали травы, готовили лекарства, передавали секреты целительства молодому поколению. В каждом крупном городе действовала бы **волховская аптека** — особое учреждение, где волхвы изготавливали лекарства и продавали их всем желающим, опираясь на древние рецепты и собственные опыты. Волхв умел бы накладывать повязки, вправлять вывихи, лечить раны. Конечно, их медицина была бы далека от современной, но по меркам средневековья — удивительно эффективной, потому что основывалась на многовековом опыте, тщательно записанном и систематизированном. Пока монах в средневековом монастыре лечил молитвой и святой водой, волхв использовал бы настой ивовой коры (природный аспирин) и знал бы, что рану нужно промыть и перевязать чистой тканью. Разница была бы существенной.

Наконец, волхвы были бы **хранителями технологических знаний**. Они знали, как изготавливать железные орудия, работать с медью и серебром, делать керамику и стекло. Не все волхвы сами занимались ремеслом, но они служили советниками для мастеров, помогали совершенствовать технологии и внедрять новшества. Волхв-металлург знал секреты закалки стали, понимал, при какой температуре плавится медь, какие добавки делают бронзу прочнее. Волхв-строитель разбирался в свойствах различных пород дерева, знал, как рассчитать нагрузку на балки, как построить мост через реку. Это знание не было магическим — оно было **инженерным**, но в глазах простого народа граница между мастерством и волшебством часто стиралась. Когда волхв объяснял кузнецу, как изменить состав руды для получения более прочного железа, крестьянин видел в этом колдовство. На самом деле это была металлургия — практическое знание, основанное на многолетних наблюдениях и опыте.

Волховские учебники: кодификация знания

Всё это знание накапливалось бы в **волховских архивах** — великих хранилищах, которые располагались бы в самом сердце крупнейших капищ. Представьте себе массивное деревянное здание, построенное из вековых дубов, с толстыми стенами и маленькими окнами, пропускающими лишь узкие полосы света. Внутри — прохладно даже в летний зной, воздух пропитан запахом старого пергамента, дубовой коры, воска и трав, которыми обрабатывали кожаные переплеты для защиты от влаги и насекомых. Пол устлан войлоком, чтобы шаги не нарушали священную тишину. Вдоль стен — ряды деревянных стеллажей, уходящих в полумрак под сводчатым потолком, где на каждой полке лежат свитки и книги, некоторые — столетней давности, их края потемнели от времени.

Здесь работали бы **волховские писцы** — особая каста внутри жреческого сословия. Это были люди с исключительным терпением и каллиграфическим мастерством, способные месяцами переписывать один-единственный том, не допуская ни единой ошибки. Молодой писец начинал свое обучение с того, что годами тренировался выводить буквы на восковых дощечках, пока его рука не обретала абсолютную твердость. Только после этого ему доверяли настоящий пергамент — дорогой материал, который изготавливали из телячьей кожи, вымачивая её в извести, растягивая на рамах, выскабливая и полируя пемзой до тех пор, пока поверхность не становилась гладкой, как шелк.

Процесс создания одной книги мог занимать год или больше. Сначала писец размечал страницы тонкими линиями, используя свинцовый грифель и линейку. Затем начиналась работа чернилами — их готовили из дубовых орешков, железного купороса и камеди, доби-

ваясь глубокого черного цвета, который не выцветал столетиями. Для заглавных букв и важных пассажей использовали киноварь — ярко-красную краску из ртутной руды, которую привозили издалека и ценили на вес серебра. Самые важные страницы украшались золотом — тончайшими листками, которые приклеивали на яичный белок, и они мерцали в свете свечей, словно живые.

Когда все страницы были готовы, их сшивали льняными нитями, пропитанными воском, и заключали в деревянные обложки из дуба или липы. Обложки обтягивали кожей — обычно телячьей или козьей, выделанной до мягкости, — и украшали тиснением: геометрическими узорами, изображениями священных символов, иногда — целыми сценами из мифов. Углы обложек укрепляли медными или бронзовыми накладками, чтобы книга служила поколениям. Некоторые особо ценные тома запирались на замки — маленькие хитроумные механизмы, ключи от которых хранились только у старших волхвов.

Но архивы — это лишь хранилище. Настоящая передача знаний происходила бы через **волховские учебники** — книги, которые ученики изучали годами, переписывали собственноручно (это был обязательный этап обучения, позволявший глубоко усвоить материал), дополняли своими наблюдениями на полях.

Представьте себе такую книгу в руках молодого волхва. Она тяжелая — добрых пять фунтов весом. Кожаный переплет потемнел от прикосновений многих рук, на обложке вытиснен круг с двенадцатью лучами — символ годового цикла. Когда открываешь её, слышен легкий скрип кожи и шелест пергамента. Это **«Книга небесных знамений»** — основной учебник волховской астрономии, который каждый звездочет должен был знать наизусть.

Первые страницы посвящены **картам звездного неба**. Здесь нет греческих названий — вместо них славянские образы, понятные каждому, кто вырос под этим небом. Вот созвездие **Лося** (то, что греки называли Большой Медведицей) — семь ярких звезд, образующих фигуру могучего зверя, который бежит по небу. Рядом — **Коло** (Малая Медведица), вечное колесо, вращающееся вокруг Полярной звезды, которую волхвы называли **Кол-звездой** — неподвижным центром мироздания. Дальше — **Стожары** (Плеяды), семь сестер-звезд, появление которых на рассвете знаменовало начало сенокоса. Каждое созвездие сопровождалось не только рисунком, но и подробным описанием: в какое время года оно видно, в какой части неба искать, какие мифы с ним связаны, какое значение оно имеет для предсказаний.

Дальше шли **таблицы движения планет** — страницы, испещренные столбцами цифр и дат. Здесь были записаны наблюдения за последние сто, а в некоторых капищах — за двести лет. Каждая строка — это ночь, когда волхв-звездочет поднимался на обсерваторию и отмечал положение **Дажьбога** (Солнца), **Месяца** (Луны), **Перуницы** (Венеры — утренней и вечерней звезды), **Хорса** (Марса), **Стрибога** (Юпитера) и **Велеса** (Сатурна). По этим таблицам можно было проследить закономерности, понять, что небесные тела движутся не хаотично, а по определенным путям, которые повторяются из года в год.

Особенно ценным был раздел о **методах предсказания затмений**. Здесь волхвы записывали пошаговые инструкции — настоящие алгоритмы, которые позволяли вычислить, когда Месяц закроет Солнце или когда тень Земли упадет на Месяц. Это было знание огромной силы. Когда волхв объявлял народу, что через три месяца, в полдень, Солнце погаснет — и это действительно происходило, — его авторитет становился непоколебимым. Люди видели в этом магию, но на самом деле это была математика, основанная на столетиях терпеливых наблюдений.

Завершался учебник разделом о **календарных расчетах** — как определить день весеннего равноденствия (когда день равен ночи и начинается настоящая весна), как вычислить летнее солнцестояние (самый длинный день в году, великий праздник Купалы), когда начинать сев, когда ждать первых заморозков. Для земледельческого народа это было знание жизни и смерти. Ошибка в календаре на неделю — и весь урожай мог погибнуть.

Но если **«Книга небесных знамений»** была сокровищем волховских обсерваторий, то **«Травник великий»** был настоящей библией целителей — самой объемной, самой используемой, самой потрепанной книгой в любом капище. Представьте себе том толщиной в ладонь, весом почти в пуд, который два человека с трудом поднимали на стол. Его деревянные обложки, вырезанные из морёного дуба, были покрыты сложной резьбой: переплетающиеся стебли, листья, цветы — целый растительный мир, застывший в дереве. В центре верхней обложки — медный круг с выгравированным изображением Мокоши, богини земли и плодородия, держащей в руках пучок трав.

Эта книга создавалась не один год. Её начинали писать старые волхвы-целители, передавая работу ученикам, которые продолжали труд учителей. Некоторые экземпляры «Травника» переписывались десятилетиями — каждая страница требовала не только точного копирования текста, но и тщательного воспроизведения иллюстраций. А иллюстрации были душой этой книги.

Каждое растение сопровождалось рисунком — иногда на целую страницу, иногда на половину. Рисовали их волхвы-художники, особая группа внутри целительской касты, которые обладали не только знанием трав, но и умением передать их облик на пергаменте. Они использовали натуральные краски: зелёную — из толчёной малахитовой крошки, смешанной с яичным желтком; жёлтую — из шафрана и куркумы; красную — из киновари и сока ягод; коричневую — из дубовой коры. Синюю краску, самую дорогую, получали из привозного лазурита или из местного растения — вайды красильной, которую специально выращивали при капищах.

Художник не просто копировал растение — он изучал его. Он выходил в поле или в лес, находил нужную траву, зарисовывал её в разные времена года: весной, когда только появляются первые листья; летом, в полном цвету; осенью, когда созревают семена. Поэтому на одной странице могло быть несколько изображений одного растения — в разных стадиях роста. Это помогало ученику-целителю безошибочно опознать траву в любое время года.

Откройте «Травник» на странице, посвящённой **зверобойю**. Вот он — стебель высотой в локоть, усыпанный мелкими жёлтыми цветами, каждый с пятью лепестками. Художник тщательно прорисовал чёрные точки на листьях (если посмотреть на свет, они кажутся дырочками — отсюда и латинское название «продырявленный», хотя волхвы, конечно, называли его просто «зверобой»). Рядом с рисунком — текст, написанный чётким уставом:

«Зверобой растёт на сухих лугах, на опушках, на холмах, где много солнца. Цветёт в месяц Червень (июнь), на Купалу достигает полной силы. Сбирать в полдень, когда солнце в зените, срезая верхушки с цветами. Сушить в тени, в проветриваемом месте, связав пучками. Готовое сырьё хранить в полотняных мешочках, не более года.

Отвар зверобоя (горсть сухой травы на ковш воды, варить до трети) помогает от ран гнойных, от воспаления внутреннего, от кашля затяжного, от хвори желудочной. Наружно — промывать раны, делать примочки. Внутрь — пить по полчаши трижды в день до еды.

Осторожно: долгое питьё зверобоя делает кожу чувствительной к солнцу, могут появиться ожоги. Не давать беременным женищинам — может вызвать выкидыш.»

А внизу страницы, более мелким почерком, другими чернилами — **записи из практики**, добавленные разными волхвами в разное время:

«В лето 6518 (1010 год) пришла к волхву Доброгосту женищина с младенцем, у которого не заживала пуповина, началось гноение. Волхв промыл рану отваром зверобоя, приложил повязку, смоченную в том же отваре. Велел

менять повязку дважды в день. Через пять дней гноение прекратилось, через десять — рана зажила чисто.»

Ниже, другим почерком:

«В лето 6537 (1029 год) воин Ратибор получил рану мечом в бедро. Рана глубокая, началась лихорадка. Волхв Светозар промыл рану отваром зверобоя с тысячелистником, наложил повязку. Внутрь давал пить тот же отвар с мёдом. Лихорадка спала на третий день, рана начала затягиваться. Через луну воин встал на ноги.»

И ещё одна запись, совсем свежая:

«В лето 6545 (1037 год) купец Жирослав страдал от хвори желудочной — боли, тошнота, не мог есть. Волхв Велимир давал отвар зверобоя с ромашкой, по полчаши перед едой. Через неделю боли утихли, через две — купец выздоровел полностью. Примечание: зверобой особенно хорош в сочетании с ромашкой при желудочных хворах.»

Эти записи превращали «Травник» в **живой документ**. Каждый волхв-целитель, работавший с книгой, мог добавить свои наблюдения на полях или внизу страницы. Некоторые страницы были испещрены такими пометками — свидетельствами столетий практики, передаваемой из поколения в поколение.

Перелистайте дальше — вот страница, посвящённая **подорожнику**. Художник изобразил его с удивительной точностью: широкие листья с продольными жилками, собранные в розетку у земли, и тонкий стебель с колоском мелких цветов. Текст гласит:

«Подорожник растёт везде — у дорог (отсюда и имя), на тропях, во дворах, на пустырях. Чем больше по нему ходят, тем лучше растёт — трава выносливая, терпеливая. Собирать листья всё лето, с Русалий (начало июня) до Спожинок (август). Лучшие листья — молодые, но не совсем маленькие, размером с ладонь.

Свежий лист подорожника — первая помощь при ранах и порезах. Размять лист в руках, чтобы выступил сок, приложить к ране, перевязать. Менять дважды в день. Подорожник останавливает кровь, вытягивает грязь из раны, ускоряет заживление.

Отвар сушёных листьев (две горсти на ковш воды) помогает от кашля, от хрипоты, от воспаления лёгких. Пить тёплым, с мёдом, по полчаши четырежды в день.

Семена подорожника, растёртые в порошок и смешанные с водой, помогают от запора и от хвори кишечной.»

И снова записи практики:

«В лето 6522 (1014 год) мальчик Ярополк упал с дерева, разбил колено до кости. Волхв Богумил промыл рану, приложил размятые листья подорожника, перевязал. Менял повязку с подорожником трижды в день. Рана затянулась без гноя, через две недели мальчик уже бегал.»

«В лето 6531 (1023 год) старик Всеслав страдал от кашля, который не проходил всю зиму. Кашель с кровью, слабость великая. Волхв Радомир давал отвар подорожника с мать-и-мачехой и мёдом. Через месяц кашель утих, кровь перестала идти. Старик прожил ещё три года.»

А вот страница о **полыни** — и здесь уже чувствуется особое отношение. Художник изобразил её почти с благоговением: серебристые резные листья, метёлки мелких жёлтых цве-

тов. Полынь была не просто лекарственным растением — она считалась **священной травой**, защищающей от злых духов и нечистой силы.

«Полынь растёт на сухих местах, на пустошах, у дорог, на старых пепелищах. Трава горькая, с сильным запахом. Собирать в месяц Червень (июнь), в полнолуние, на рассвете, когда роса ещё не высохла. Срезать верхушки с листьями и цветами. Сушить в тени, в пучках, подвешенных вниз головой.

Отвар полыни (щепоть сухой травы на ковш воды, не варить долго — станет слишком горькой) помогает от хвори желудочной, от червей кишечных, от лихорадки, от отсутствия аппетита. Пить малыми дозами — по четверти чаши дважды в день, не более недели подряд.

Дым полыни очищает помещение от злых духов и болезней. Окуривать дом, где был больной, после выздоровления или смерти.

Пучок сушёной полыни, подвешенный над дверью, защищает жилище от нечисти.

Осторожно: полынь в больших количествах ядовита, может вызвать видения и помутнение разума. Беременным не давать — вызывает выкидыш.»

Записи практики здесь особенно интересны:

«В лето 6515 (1007 год) девочка Малуша страдала от червей кишечных — боли в животе, худоба, бледность. Волхв Любомир давал отвар полыни с мёдом (чтобы смягчить горечь) по четверти чаши утром натощак, семь дней подряд. На третий день черви начали выходить. Через неделю девочка выздоровела, начала прибавлять в весе.»

«В лето 6528 (1020 год) в деревне Берёзовка началась лихорадка — многие слегли, трое умерли. Волхв Станимир велел окурить все дома дымом полыни, а больным давать отвар полыни с мёдом. Лихорадка отступила, новых заболевших не было.»

Каждая страница «Травника» пахла по-своему. Волхвы часто вкладывали между листьями засушенные образцы трав — чтобы ученики могли не только видеть изображение, но и чувствовать запах, трогать руками. Поэтому, открывая книгу, вы ощущали целую симфонию ароматов: горьковатую полынь, медовый зверобой, свежий подорожник, острую мяту, терпкий тысячелистник. Эти запахи въедались в пергамент, становились частью книги.

Ученики-целители проводили с «Травником» долгие часы. Они не просто читали — они **жили** с этой книгой. Молодой волхв, начинающий изучать целительство, получал задание: выбрать десять растений из «Травника», найти их в природе, собрать, засушить, приготовить из них лекарства по рецептам. Затем он должен был добавить в книгу свои наблюдения — подтвердить или дополнить то, что написали предшественники.

Так «Травник» рос и обогащался. Страницы, посвящённые самым важным растениям — зверобою, подорожнику, полыни, ромашке, тысячелистнику — были испещрены записями десятков волхвов, работавших с книгой на протяжении столетий. Можно было проследить, как менялся почерк, как одни чернила выцветали, а другие оставались яркими, как разные поколения целителей добавляли свой опыт к опыту предков.

Некоторые записи были особенно ценными — например, когда волхв описывал редкий случай или необычное применение травы:

«В лето 6533 (1025 год) воин Буриной получил рану стрелой в грудь. Стрела вошла глубоко, задела лёгкое — воин харкал кровью, дышал с трудом. Волхв Всемир вытащил стрелу, промыл рану отваром зверобоя и

тысячелистника, но внутрь давал особое питьё: отвар подорожника с мать-и-мачехой, медуницей и мёдом, по полчаши каждые два часа. Через три дня кровь перестала идти, через неделю дыхание выровнялось. Воин выжил, хотя шансов было мало. Примечание: при ранах лёгких подорожник с медуницей особенно действенны.»

Или вот такая запись, сделанная на полях страницы о ромашке:

«В лето 6541 (1033 год) заметил, что отвар ромашки, если им промывать глаза, помогает от воспаления и гноя. Испытал на трёх больных — у всех воспаление прошло за несколько дней. Волхв Доброслав.»

Эта короткая заметка могла спасти десятки людей от слепоты в будущем — и всё благодаря тому, что один внимательный волхв записал свои наблюдения.

«Травник великий» был не просто учебником — это была **коллективная память** волховского целительства, накопленная столетиями. Каждая страница хранила опыт десятков целителей, каждая запись была свидетельством реального случая, реального исцеления или, иногда, реальной неудачи (волхвы записывали и это — чтобы другие не повторяли ошибок).

И когда молодой волхв-целитель, склонившись над этой огромной книгой при свете масляной лампы, читал записи своих предшественников, он чувствовал себя частью великой традиции — цепи знания, протянувшейся из глубины веков в будущее. Он знал, что когда-нибудь и его записи будут читать ученики, и его опыт станет частью этой живой, растущей книги.

Существовала бы и «**Книга земных плодов**» — агрономический учебник, где описывались различные культуры, методы обработки почвы, способы борьбы с вредителями. Волхвы записывали бы туда результаты своих экспериментов: «Испытали новый сорт ячменя из варяжских земель. На черноземе дал урожай на треть больше обычного, но на песчаной почве рос плохо».

Были бы и «**Книги ремесел**» — по металлургии, строительству, гончарному делу. В них записывались бы пропорции сплавов, температуры обжига, секреты мастеров. Эти книги хранились бы особенно тщательно, потому что технологическое превосходство давало государству огромное преимущество.

И, конечно, существовали бы «**Книги гаданий и обрядов**» — священные тексты, где описывались ритуалы, толкования знамений, методы предсказания будущего. Эти книги были бы доступны только посвященным волхвам, потому что содержали **сакральное знание**, которое нельзя было передавать непосвященным.

Все эти учебники переписывались бы вручную в волховских скрипториях. Молодые адепты учились бы не только читать эти книги, но и переписывать их — так знание передавалось из поколения в поколение, обрстая новыми наблюдениями и комментариями.

Летоисчисление: от сотворения мира по-славянски

Но чтобы записывать наблюдения, требовалась **система летоисчисления**. От какого события волхвы отсчитывали бы годы?

В христианской Европе счет велся от Рождества Христова. В Византии — от сотворения мира (5508 год до н.э.). Волховская Русь не могла использовать ни одну из этих систем — ей требовалась **собственная точка отсчета**, укорененная в языческой традиции.

Вероятнее всего, волхвы вели бы счет **от легендарного основания первого капища** — мифического события, когда боги, согласно преданиям, явились людям и научили их почитать священные силы. Это событие можно датировать примерно **3000 годом до н.э.** (по современному летоисчислению), что к X веку н.э. давало бы около **5000 лет от основания**.

Почему именно эта дата? Она не взята с потолка. Если мы посмотрим на археологию Восточной Европы, то обнаружим, что именно в этот период происходили события, которые вполне могли бы стать основой для мифа об «основании первого капища».

Возьмем **Трипольскую культуру** (5250—2750 гг. до н.э.) — одну из самых развитых энеолитических культур Европы, процветавшую на территории современной Украины, Молдовы и Румынии. Археологи обнаружили там крупные поселения с настоящими **храмовыми комплексами**: главными святилищами и более скромными «приходскими» капищами. Керамика трипольцев украшена сложнейшими орнаментами, которые, вероятно, отражали **космологические представления и календарные циклы**. Эта культура отличалась развитой религиозной иерархией, где жрецы играли центральную роль.

Около **3000 года до н. э.** Трипольская культура переживала период трансформации — её расцвет подходил к концу. Именно в это время на сцену выходила другая, не менее важная культура: **Ямная** (3300—2600 гг. до н.э.). Она занимала огромную территорию от Приуралья до Днестра. Современные исследователи связывают её с **праиндоевропейцами** — предками славян, германцев, кельтов и индоариев. Около 3000 года до н.э. начинается важная фаза развития этой культуры: появляются новые локальные варианты и формируется **индоевропейская религиозная традиция**, от которой позже произошли славянские языческие культы.

Если волхвы возводили свою традицию к мифическому «основанию первого капища», то 3000 год до н.э. мог символизировать момент кристаллизации индоевропейских жреческих практик в узнаваемую форму — когда древние жрецы впервые установили священные столбы, зажгли вечный огонь и начали вести астрономические наблюдения.

Но как волхвы узнавали о событиях пятитысячелетней давности? Через **устную традицию** — цепь передачи знаний от учителя к ученику, которая хранила имена великих волхвов прошлого. Своего рода **генеалогию знания**.

Звучит фантастически? Но посмотрите на параллели в других индоевропейских культурах.

В Индии существует древняя система **гуру-шишья-парампара** — непрерывная цепь передачи знаний от учителя (гуру) к ученику (шишья), уходящая корнями в ведические времена. Первые упоминания о гуру встречаются в ведических текстах, а само учение передавалось **исключительно устно** на протяжении тысячелетий. Брахманы заучивали священные тексты наизусть и передавали их из поколения в поколение с поразительной точностью.

Славянская и индоарийская традиции происходят от **общего индоевропейского корня**. Если индийские брахманы сохранили устную традицию, восходящую к середине 2-го тысячелетия до н.э., то славянские волхвы теоретически могли возводить свою традицию к еще более древнему периоду индоевропейского единства — примерно к 3000 г. до н.э.

Еще более впечатляющий пример — **кельтские друиды**. Эта жреческая каста существовала с начала **III тысячелетия до н.э.** до V — VI веков н.э. — то есть почти пять тысяч лет! Друиды категорически **запрещали записывать священные знания**. Цезарь и другие античные авторы упоминали, что друиды передавали знания исключительно устно, а обучение послушника занимало **до 20 лет** непрерывного заучивания священных текстов. Друиды вели **генеалогические списки учителей**, связанных отношением преемственности — каждый друид мог назвать своих учителей вплоть до легендарных основателей традиции.

Если индоевропейские жреческие традиции (кельты, индоарийцы) использовали устную передачу и вели цепи учительской преемственности, то славянские волхвы вполне могли делать то же самое. За период с 3000 г. до н.э. до X в. н.э. (около 4000 лет) сменилось бы примерно **130—200 поколений учителей** (при смене раз в 20—30 лет). Это много, но вполне реалистично. Современные исследования подтверждают, что **устная традиция способна сохранять ключевые сюжеты и мотивы на протяжении тысячелетий**. Например, башкирские шежере (устные генеалогии) охватывают более тысячи лет истории. А «Повесть временных

лет» содержит устные легенды дохристианских времен, которые волхвы передавали из поколения в поколение.

Представьте молодого волхва, проходящего обряд посвящения. Его учитель произносит длинный перечень имен: «Ты — ученик Велимира, сына Радомысла, ученика Всеслава, сына Добромира...» — и так далее, уходя в глубь веков. Последние имена теряются в легендарной дымке, сливаясь с именами богов и предков. Но сам факт существования такого перечня создавал бы **ощущение непрерывности** — живую связь с древнейшими временами.

Дата **3000 г. до н.э.** психологически убедительна: достаточно древняя, чтобы внушать благоговение, но не настолько фантастическая, чтобы казаться неправдоподобной (в отличие от десятков тысяч лет). Она совпадает с реальным **археологическим горизонтом** важных культурных трансформаций в регионе. К X веку н.э. эта дата давала бы **примерно 5000 лет** — красивое круглое число, создающее параллель с византийским летоисчислением «от сотворения мира» (5508 г. до н.э.). Волхвы могли бы с гордостью говорить: «Наша традиция столь же древняя, как и ваша, византийцы, но наша — истинная, идущая от самих богов».

Год делился бы на **двенадцать месяцев**, названных по природным явлениям: Сечень (январь, время рубки леса), Лютедь (февраль, лютые морозы), Березень (март, время сокодвижения в березах), Цветень (апрель, цветение), Травень (май), Червень (июнь, время созревания червленых ягод) и так далее. Эти названия существовали в реальной славянской традиции, и волховское государство сохранило бы их.

Но волхвы пошли бы дальше. Они ввели бы **точный календарь**, основанный на астрономических наблюдениях. Год начинался бы не с произвольной даты, а с **весеннего равноденствия** — момента, когда день равен ночи и природа пробуждается. Волхвы вычисляли бы этот момент с точностью до часа, пользуясь своими астрономическими таблицами.

Каждый год волхвы объявляли бы точную дату начала нового года, и по всей стране зажигались бы праздничные костры. Это был бы не просто религиозный праздник — это была бы **демонстрация научного превосходства волхвов**, их способности предсказывать движение небесных тел.

Летоисчисление имело и практическое значение. Все государственные документы датировались бы по волховскому календарю: «В лето 5127 от основания первого капища князь Святослав повелел...». Это создавало **единую временную систему** для всего государства — критически важную для управления, торговли, судопроизводства.

Письменность: глаголица, кириллица или руны?

Но чтобы записывать все эти знания, нужна была **письменность**. Какой алфавит использовали бы волхвы?

Здесь мы вступаем на зыбкую почву исторических спекуляций, но попробуем рассуждать логично. В реальной истории славяне получили письменность от Кирилла и Мефодия в IX веке — **глаголицу** (более древнюю и сложную) и **кириллицу** (упрощенную, основанную на греческом алфавите). Но в нашей альтернативной истории христианизация не произошла. Откуда же взялась бы письменность?

Первый вариант — **руническое письмо**. И здесь мы не фантазируем на пустом месте: археология дает нам вполне конкретные свидетельства того, что древние славяне действительно знали руны и использовали их.

В 2021 году чешские археологи из Масарикова университета обнаружили на городище Ланы (район Бржецлава) **бычье ребро с рунической надписью**, датированное началом VII века. Надпись выполнена древнегерманскими рунами старшего футарка — и что особенно важно, археологи нашли её в контексте **славянского поселения пражской культуры**. Профессор Иржи Махачек назвал находку «самой старой надписью, обнаруженной у славян,

беспрецедентным успехом не только в исследованиях в Чешской Республике, но и во всей Европе». Руны записаны в алфавитном порядке — это либо магическое использование, либо, что ещё интереснее, **учебное пособие**. Иными словами, славяне учились писать рунами.

Это не единственная находка. Памятники черняховской археологической культуры (II—IV века н.э.) на территории расселения славян содержат керамику с фрагментами надписей рунического характера. При раскопках городища Масковичи в Витебской области археологи обнаружили целую группу артефактов с руническими надписями на костях и дереве, датированных концом XI — началом XIV веков. Белорусские исследователи уверены: эти надписи имеют явно славянское происхождение.

Но самое интересное свидетельство оставил нам болгарский монах **Черноризец Храбр** в своем трактате «О письменах» (начало X века). Он прямо указывает, что до Кирилла и Мефодия славяне **«чертами и резами читали и гадали, находясь в язычестве»**. Современные исследования показывают, что «черты и резы» представляли собой **слоговое письмо** примерно из 116 различных знаков. В нем использовался разделительный знак «вирам» (как в индийском письме), который указывал на окончание слога на согласный. Пневищинский камень VI — VII веков с надписью, выполненной чертами и резами, наглядно демонстрирует удивительную живучесть исконной русской письменности.

Представьте теперь, что волхвы вместо отказа от этой традиции в пользу христианской письменности **систематизировали бы её**. Германский старший футарк включал всего 24 руны. Англосаксонский вариант расширился до более чем 30 знаков. Это доказывает, что руническая система легко масштабируется. Волхвы, располагая примерно 116 различными знаками «черт и резов», вполне могли бы отобрать и стандартизировать **компактный рунический алфавит из 30—40 знаков** — достаточный для передачи всех звуков славянского языка.

Преимущество такой системы было бы огромным: каждая руна несла бы не только звуковое, но и **символическое значение**. В этом и заключается ключевая особенность рунического письма. В германском старшем футарке руна **Феху** (F) означала не просто звук, а «богатство, скот»; руна **Уруз** (U) — «тур, жизненная сила»; руна **Ансуз** (A) — «бог, божественное дыхание»; руна **Тейваз** (T) — «бог войны Тюр, отвага». Такая двойная природа идеально вписывалась в языческую культуру, где само письмо было **магическим актом**.

Волхвы могли бы создать славянский рунический алфавит с похожей двойной семантикой. Руна «Род» означала бы звук «р» и одновременно воплощала понятие рода, предков, преемственности поколений. Руна «Велес» передавала бы звук «в» и связь с богом мудрости и магии. Руна «Мокошь» — звук «м» вместе с женским началом, плодородием и судьбой. Так каждая надпись превращалась бы не просто в текст, а в **заклинание**, где сами буквы несли сакральный смысл.

Однако у рун был серьезный недостаток, который вытекал из самой природы рунического письма. Руны имеют **характерную угловатую, рубленую форму**, что объясняется способом их нанесения. Древние германцы изменили начертание букв, позаимствованных у римлян, чтобы было удобнее прорезать или процарапывать знаки **на дереве**. В результате руны приобрели удлиненные пропорции и рубленый вид. По этой же причине классические германские руны содержали только вертикальные и диагональные штрихи — «стволы» и «ветви»: выводить округлые и горизонтальные элементы, нанося знаки поперек деревянных волокон, было попросту невозможно.

Тацит в своей «Германии» описывает процесс гадания: *«Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем...»*. Руны вырезались на камне, металле, дереве и кости — везде, где можно было **резать**, а не писать.

И вот здесь возникала проблема. Для массового производства книг, переписывания толстых учебников и ведения государственных архивов руническая система была **крайне неудобна**. Да, позже руны стали вырезать и на пергаменте, но их форма оставалась прежней —

угловатой и неудобной для плавного письма пером или кистью. Пергамент требовал иной техники — плавных, округлых движений, что противоречило самой природе рунических знаков. Монах, переписывающий рукопись пером на пергаменте, тратил бы намного больше времени на вырисовывание угловатых рун, чем на плавные буквы кириллицы или латиницы.

Реальная история подтверждает эту проблему. В Скандинавии с середины IX века вводится упрощенный алфавит, сокращающий число знаков с 24 до 16 — попытка адаптировать руны к новым потребностям, но она не решила проблему до конца. С приходом христианства в Скандинавии (IX — XI века) руническое письмо **быстро уступило место латинице**, несмотря на многовековую традицию. Причина проста: латиница оказалась намного удобнее для переписывания больших текстов на пергаменте. У славян произошел похожий процесс: глаголица и кириллица, созданные специально для письма пером на пергаменте, вытеснили архаичные «черты и резы».

Второй вариант — **адаптированная глаголица**. Представим, что волхвы, контактируя с византийскими купцами и учеными, узнали о глаголице — этом странном, красивом, почти магическом алфавите, созданном Кириллом. Глаголица не была похожа на греческий — она была **оригинальной**, с округлыми, замысловатыми буквами, которые сами по себе напоминали сакральные символы. Волхвы могли позаимствовать саму идею, но **переработать ее под свои нужды** — убрать христианскую символику и добавить элементы языческой традиции.

Волховская глаголица представляла бы собой **сложную систему**, где каждая буква несла числовое значение (как в греческом и церковнославянском). Это позволяло использовать буквы для математических расчетов — критически важная функция для астрономии и торговли. Буква «А» означала бы единицу, «В» — два, «Г» — три, и так далее. Волхвы могли записывать сложные вычисления прямо в тексте, используя буквы вместо цифр.

Третий вариант — **упрощенная кириллица**, заимствованная у болгар или византийцев, но очищенная от христианских ассоциаций. Кириллицу писать проще, чем глаголицу, она лучше подходила для массового использования. Волхвы могли взять кириллицу за основу, но **переименовать буквы**: вместо «Аз, Буки, Веди» (христианская формула «Я буквы ведаю») использовать языческие названия — «Ас, Боги, Веды».

Какой вариант наиболее вероятен? Скорее всего, **комбинация**. Волхвы столкнулись бы с той же дилеммой, что и скандинавские рунемастеры: сохранить сакральность и древность рун или принять более практичную систему письма для развития образования и литературы. И они нашли бы компромисс.

Волхвы использовали бы **руны для сакральных текстов** — заклинаний, пророчеств, тайных записей. Руны вырезались бы на деревянных дощечках, на камнях капищ, на ритуальных предметах. Представьте себе главный камень капища в Киеве, весь покрытый рунической вязью — молитвами богам, именами великих волхвов прошлого, заклинаниями защиты. Простой человек, видя эти знаки, не понимал бы их смысла, но чувствовал бы исходящую от них силу.

Для **повседневных нужд** — учебников, летописей, государственных документов — использовалась бы **адаптированная глаголица или кириллица**. Эти алфавиты были удобны для быстрого письма пером на пергаменте, для переписывания толстых книг, для ведения торговых записей.

Так возникла бы **двухуровневая система письменности**: сакральная (руны, доступные только посвященным) и профанная (глаголица/кириллица для обычных текстов). Эта система усиливала бы мистический авторитет волхвов: простой человек видел бы рунические надписи на капище и не мог бы их прочесть, даже умея читать обычные книги. Руны оставались бы **тайным языком** — языком богов и волхвов, недоступным непосвященным.

Волховские писцы обучались бы обеим системам. Молодой адепт сначала изучал бы **обычное письмо** — глаголицу или кириллицу, учился бы переписывать учебники, вести

записи. Он проводил бы месяцы в скриптории, вырабатывая четкий, красивый почерк, осваивая правильную постановку пера, приготовление чернил, разлиновку страниц.

Затем, по мере посвящения, когда учитель убеждался в его преданности и способностях, ему открывали бы **тайну рун** — их начертание, значение, магическую силу. Он учился бы вырезать руны на дереве, чувствовать текстуру древесины, направление волокон. Он заучивал бы наизусть значение каждой руны — не только звуковое, но и символическое, мифологическое. Он узнавал бы, какие руны использовать для защиты, какие — для исцеления, какие — для проклятия.

Умение писать рунами становилось бы признаком высокого статуса, знаком допуска к сакральному знанию. Когда волхв вырезал руны на ритуальном предмете или на камне капища, он совершал не просто запись — он совершал **магический акт**, призывая силу богов через сами начертания.

Монополия на знание: сила и слабость системы

Всё это знание — учебники, летоисчисление, письменность — накапливалось бы в **волховских архивах**, великих хранилищах при крупнейших капищах. Эти архивы открывались бы только волхвам и опытным ремесленникам, которым волхвы доверяли, но оставались закрытыми для простого народа. Такая система создавала **монополию волхов на знание**, что значительно усиливало их власть и авторитет.

Крестьянин не мог прочесть «Книгу небесных знамений» и самостоятельно вычислить день равноденствия — он зависел от волхов. Купец не мог изучить «Книгу ремесел» и узнать секрет изготовления прочной стали — он должен был обращаться к волхвам или к мастерам, которых те обучили. Даже князь при всей своей власти не имел доступа к полному объему волховского знания: он мог попросить совета, но не мог приказать волхвам раскрыть их секреты.

Было бы это прогрессивно? По современным меркам — нет. Знание должно быть доступным, образование — всеобщим. Монополия на информацию — это инструмент угнетения.

Но по меркам средневековья это стало бы огромным преимуществом. В реальной истории знание в средневековой Европе тоже концентрировалось в одних руках: в монастырях, под контролем церкви. Монахи переписывали античные тексты, вели летописи, обучали грамоте. Однако монастыри часто были оторваны от практической жизни — монахи погружались в богословие и философию, но почти не интересовались агрономией или металлургией.

Языческие волхвы, будучи более склонными к **эмпирическому подходу**, чем средневековые монахи, вероятно, развивали бы практическое знание быстрее и эффективнее. Волхв не сидел бы в келье, размышляя о природе Троицы — он выходил бы в поле, экспериментировал с сортами пшеницы, наблюдал за движением звезд, лечил больных травами и заговорами. Его знание было бы **прикладным**, нацеленным на улучшение жизни людей (пусть и под контролем волховской элиты).

Более того, волховская система создавала бы **стимул для накопления знания**. Волхв, совершивший важное открытие — например, новый способ закалки стали или эффективное лекарство от лихорадки — получал бы признание в волховском сообществе, а его имя записывалось бы в учебники. Это была бы своего рода **средневековая научная карьера**, где статус зависел не от происхождения, а от вклада в общее знание.

Конечно, у такой системы были и слабости. Монополия на знание делала государство уязвимым: если волховские архивы уничтожались (пожаром, войной, намеренно), знание терялось безвозвратно. Если волхвы становились консервативными и отказывались принимать новые идеи, прогресс замедлялся. А если волховская элита коррумпировалась и использовала знание для личного обогащения, а не для общего блага, система деградировала.

Но в период расцвета — в X — XII веках нашей альтернативной истории — волховская система знания работала бы эффективно. Она давала бы языческой Руси технологическое и организационное преимущество перед соседями.

Магическая справедливость суда волхов

На местном уровне волховское управление выражалось бы через систему **волховских судов**, действующих в каждом городе или округе. Эти суды рассматривали бы как повседневные споры, так и дела, касающиеся моральных и религиозных вопросов.

Волховский суд состоял бы из **трех волхов** — представителя Совета девяти, местного главного волхва и двух его помощников. Судебный процесс проходил бы в святилище, перед идолом главного божества земли.

Стороны приходили бы в суд и излагали свои претензии. Волхвы слушали внимательно, задавая уточняющие вопросы. Затем — и это было бы ключевой особенностью волховского судопроизводства — волхвы совершали **ритуал гадания**.

Классический волховский суд описан в одной из летописей альтернативной истории:

«Когда два купца пришли в суд волхов, спорящие о цене товара серебряного, волхв Матвей велел им встать перед идолом Велеса. Он сказал: „Велес, бог правды, судья торговцев, скажи нам, кто из них говорит правду“. Затем волхв зажег свечи и начал гадать на рунах. Первую руну он бросил для первого купца — выпала руна „Радость“, знак удачи. Вторую руну для второго — выпала руна „Беда“, знак лжи. И тогда волхв объявил: „Первый купец говорит правду. Он должен получить требуемую цену, а второй должен заплатить штраф в пользу святилища за попытку обмана“».

Работает ли такая система? Частично благодаря магии, но чаще — благодаря наблюдательности волхов и их глубокому пониманию человеческой природы. Лжец часто выдает себя мелкими движениями, тоном голоса, выражением лица. Волхв, знающий эти признаки и совершающий «гадание» для убедительности, легко распознает правду.

А люди, веря, что боги видят их души через волхов, ведут себя честнее. Человек, помня о проклятии лжи, трижды подумает, прежде чем солгать в суде волховском.

Так волховское государство превращается в систему управления, где жреческий институт глубоко интегрирован в государственную власть, но не контролирует её полностью. Волхвы влияют через авторитет, через знание, через контроль информации, через моральное воздействие. Они дополняют власть князя и уравнивают демократию вече.

И что самое важное — волховское государство было бы способно к развитию и совершенствованию. Новые знания накапливались бы систематически, каждое поколение училось бы лучше предыдущего. Волховские школы превращались бы в центры образования и науки, выпускающие людей, способных управлять сложным государством.

Это был бы третий путь между западной папской иерархией и восточным деспотизмом — путь рассредоточенной, но скоординированной власти, где авторитет основан на знании и морали, а не просто на силе, где всегда есть место для роста и совершенствования.

2.3. Народное вече и демократические традиции

Если триединая власть князя, волхва и вече образовывала основу политической системы языческой России, то **вече стало бы её демократическим фундаментом** — живой, шумной, порой противоречивой волей народа, которая не позволила бы ни князю, ни волховскому совету править единолично.

Но вече в языческой России развилось бы совершенно иначе, чем в Новгороде реальной истории. Это был бы не просто эпизодический сход, созываемый в кризисные моменты, а **постоянно действующий законодательный орган**, легитимирующий всю власть в государстве и обладающий структурой, которую история ещё не видела.

От совещательного собрания к полноценному законодательству

В реальной истории средневековой Руси вече начинало как совещательный орган. В Киевской Руси X—XI веков вече собиралось редко и нерегулярно — в основном при чрезвычайных обстоятельствах: нашествии врагов, смерти князя, угрозе голода. Киевляне, например, собрались на вече в 1068 году, обсуждая, как отразить печенегов, и открыто спорили с князем, требуя прямого ответа:

«Если ты не можешь нас защитить, мы найдём другого князя»

В языческой России этот механизм **кристаллизовался и формализовался бы**. Вече перестало бы быть явлением «от случая к случаю» и превратилось бы в **орган непрерывного действия**, как в Новгороде XII—XV веков. В реальной истории Новгород в 1136 году изгнал князя Всеволода и объявил республику. В альтернативной истории языческой России такая система стала бы нормой уже при формировании государства — не исключением, а правилом.

Как это могло бы выглядеть: изгнание князя Всеволода на языческом вече

Рассвет едва коснулся вершшек деревянных теремов, когда волхвы начали готовить площадку перед капищем Перуна. Старший из них, седобородый Велимир, чьё имя означало «великий мир», собственноручно разжигал священные огни по четырём сторонам света. Младшие волхвы окуривали пространство можжевельником и полынью, изгоняя нечистых духов. Над капищем, где стоял исполинский идол громовержца с серебряной головой и золотыми усами, уже вился дым жертвенных костров.

Князь Всеволод наблюдал за приготовлениями из окна своего терема. Он знал, что сегодня решится его судьба. Три месяца назад половцы разорили пригороды, а он не сумел их остановить — дружина была в походе на чуди, а он не послушал совета волхвов, предсказывавших беду с юга. Теперь вече созвано, и созвано не им.

К полудню площадь была полна. Тысячи людей стояли плотными кругами вокруг священного пространства, отмеченного вкопанными столбами с вырезанными рунами. Ближе всего к капищу — представители родов, те, кто говорил от имени сотен. Дальше — простой люд, чьи голоса тоже будут услышаны, но весят меньше. На деревянном помосте перед идиолом Перуна уже заняли места двенадцать старших волхвов в белых одеждах, расшитых красными солярными знаками.

Велимир ударил посохом о землю трижды. Гул толпы стих.

— Перед лицом Перуна-громовержца, Велеса-скотьего бога, Сварога-небесного кузнеца и всех светлых богов наших собрались мы, люди вольные, род за родом, племя за племенем! — голос старого волхва был негромок, но каждое слово долетало до дальних рядов. — Собрались судить князя нашего, Всеволода Мстиславича, которого сами же призвали и благословили. Пусть выйдет он сюда, под открытое небо, где боги видят всё!

Князь вышел из терема в полном облачении — в красном плаще, с мечом на боку, с золотой гривной на шее. Он шёл медленно, с достоинством, но те, кто стоял близко, видели, как побледнело его лицо. Всеволод остановился на краю священного круга, не смея войти без разрешения.

— Войди, князь, — кивнул Велимир. — Здесь ты равен всем. Здесь нет власти, кроме власти Правды и воли народа.

Всеволод переступил черту. Огни священных костров полыхнули ярче — кто-то из волхвов подбросил в них смолистых щепок.

Первым заговорил Ратибор, старейшина купеческого рода, чей голос на вече был «серебряным» — он представлял три сотни семей.

— Князь Всеволод! Три года назад мы призвали тебя из Киева, дали тебе дружину, дали казну, дали дочерей наших в жёны твоим боярам. Ты клялся перед Перуном защищать землю нашу. Где же ты был, когда половцы жгли Заречье? Где была дружина твоя, когда враги уводили наших жён и детей?

Толпа загудела, как растревоженный улей. Всеволод поднял руку, прося тишины.

— Дружина моя билась на севере, где чудь поднялась! Разве вы сами не просили меня идти туда, когда они перекрыли торговый путь? Разве я виноват, что враг пришёл с двух сторон?

— Волхвы предупреждали! — выкрикнул кто-то из толпы. — Велимир говорил: не ходи на север весной, жди осени!

Велимир поднял посох. Толпа снова затихла.

— Это правда, князь. Я читал знаки. Птицы летели не так. Дым костров стелился к югу — там опасность. Ты не послушал.

— Я князь! — вспыхнул Всеволод. — Я веду войну, а не волхвы! Вы гадаете по птицам, а я смотрю на карты и лазутчиков!

Ропот прокатился по площади — недовольный, угрожающий. Один из младших волхвов, Тороп, шагнул вперёд. Его голос был резок:

— Ты забыл, князь, что власть твоя — от нас! Не ты один правишь! Триглав — князь, волхв, вече! Ты — меч, но меч без рукояти никому не нужен!

Всеволод стиснул зубы, но промолчал. Он знал: спорить с волхвами перед лицом народа — значит проиграть окончательно.

Теперь заговорил Добрыня, представитель земледельческих родов, чей голос тоже был «серебряным».

— Князь, скажи: сколько людей мы потеряли в твоих походах? Сколько полей осталось незасеянными, потому что мужчины ушли в дружину? А что мы получили взамен? Чудь не покорена, половцы не разбиты, казна пуста!

— Война требует жертв! — Всеволод обвёл взглядом толпу. — Вы хотите мира? Тогда платите дань врагам! Хотите свободы — платите кровью!

— Мы платим! — крикнул кто-то. — А ты что платишь? Сидишь в тереме, пируешь с боярами!

Всеволод побагровел, но Велимир снова ударил посохом.

— Довольно! Слушайте решение волхвов!

Двенадцать белых фигур поднялись как одна. Велимир заговорил, и в голосе его звучала не злоба, а печаль:

— Князь Всеволод, мы благословляли тебя три года назад. Мы лили мёд на землю и просили богов дать тебе мудрость. Но ты не слушал ни богов, ни людей. Ты правил один, забыв, что князь без народа — не князь, а разбойник с дружиной. Волхвы говорят: ты нарушил договор. Ты больше не можешь быть князем этой земли.

Он поднял посох высоко над головой.

— Голосуем! Волхвы — первыми!

Двенадцать посохов ударили о землю. Двенадцать голосов — «золотых», весом в сотню каждый — прозвучали как один:

— Изгнать!

Теперь очередь была за «серебряными голосами» — представителями родов. Ратибор, Добрыня, ещё двадцать старейшин. Один за другим они поднимали руки.

— Изгнать!

— Изгнать!

— Изгнать!

Только трое воздержались. Их голоса потонули в общем гуле.

Наконец, Велимир обратился к толпе:

— Народ! Вы слышали волхвов! Вы слышали старейшин! Теперь говорите вы! Кто за то, чтобы князь Всеволод покинул наш город — кричите!

Рёв ударил в небо, как гром. Тысячи глоток:

— Изгнать! Изгнать! Изгнать!

Всеволод пошатнулся. Он обвёл взглядом площадь — лица, искажённые гневом, руки, вздёргнутые к небу, священные огни, пляшущие в дыму. Он понял: всё кончено.

Велимир подошёл к нему. В руках у старого волхва была деревянная чаша с землёй.

— Князь Всеволод, ты пришёл к нам три года назад. Ты взял горсть нашей земли и поклялся её защищать. Теперь верни землю. Ты больше не связан с ней.

Всеволод молча опустил руку в чашу, сжал пальцы, потом разжал. Чёрная земля просыпалась сквозь пальцы.

— Иди, — сказал Велимир негромко. — Иди с миром. Мы не убиваем князей — мы их отпускаем. Возьми коня, возьми оружие, возьми что нажил. Но к завтрашнему рассвету ты должен быть за пределами наших земель.

Всеволод кивнул. Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Толпа расступалась перед ним молча. Только когда он скрылся за воротами терема, площадь взорвалась криками — не злорадства, а облегчения.

Велимир поднял руки к небу.

— Перун-громовержец! Велес-хранитель! Сварог-кузнец! Мы судили по правде! Мы изгнали князя, который нарушил клятву! Пошлите нам нового — мудрого и сильного! А пока — мы сами!

Огни на капище взметнулись ввысь. Волхвы запели древний гимн, и народ подхватил. Вече свершилось. Князя не стало. Но земля осталась, и люди остались, и боги остались.

И это было главное.

Изгнание князя Всеволода демонстрирует самую острую грань власти вече — **право отзыва**, способность народного собрания судить даже самых высокопоставленных правителей. Но это была лишь одна из функций вече, хотя и самая драматичная. В повседневной жизни языческой России вече выполняло бы куда более рутинную, но не менее важную работу: **принимало законы и указы**, утверждало их и следило за исполнением.

Как в Новгороде была принята Судная грамота, так и в языческой России волховским советом и вече была бы создана «**Великая Грамота о Древнем Законе**» — письменный кодекс, основанный на устных традициях, на который опиралось бы всё государственное управление. Если право изгнать князя показывало силу вече, то право создавать законы показывало его мудрость. Одно без другого превратило бы народное собрание либо в тиранию толпы, либо в бессильный театр. Но вместе эти полномочия создавали систему, где власть была одновременно **священной и подотчётной**.

Многоуровневая система народного представительства

Но здесь языческая Русь отличалась бы от реального Новгорода принципиально важным образом. В Новгороде вече было преимущественно **городским органом**. Да, на него приходили жители окружающих земель, но главная власть концентрировалась именно в самом городе. В языческой России система была бы **федеративной и многоуровневой** — как и подсказывает структура девяти земель.

На самом низком уровне функционировали бы **сельские вечи** — собрания свободных людей в деревне, где решались бы повседневные дела: использование общинных пастбищ, распределение земель, ремонт дорог, помощь нуждающимся.

Летописец описывает это так:

«По вечерам, когда люди возвращались с полей, старейшины созывали общину к священному дубу посредине села. Там, стоя в кругу, они решали вопросы: чей сын готов к воинскому испытанию, какую часть урожая отдать в волховский храм, защищать ли соседнюю деревню, если нападут разбойники».

На уровне **города** собиралось городское вече — собрание главных купцов, ремесленников, представителей знати и волхов. В Новгороде оно проходило в специально отведенном месте на Ярославовом дворище, перед Никольским собором. Там стояли скамьи, а для ораторов была устроена «степень» (трибуна).

В языческой России это выглядело бы не менее торжественно:

«На главной площади города, перед капищем главного бога, возвышалась деревянная эстрада, выточенная лучшими мастерами. По краям площади горели священные костры, пылали смолистые факелы. Когда начинал звучать роговой сигнал, люди спешили со всех концов города. Ремесленники закрывали лавки, купцы прерывали торг. Вече должно было собраться».

На уровне **земли** функционировало **земское вече** — собрание представителей от каждого города и крупного поселения. Здесь решались вопросы сбора налогов, организации обороны и разбора конфликтов между городами.

На самом высшем уровне, в Киеве, собиралось **Верхнее государственное вече**. В его работе участвовали:

- Представители (обычно один-два человека) от каждой из девяти земель
- Волховский совет в полном составе
- Верховный князь
- Архиепископы и главные волхвы

Это вече созывалось **раз в год или раз в три года**, обычно во время главных праздников (летнее и зимнее солнцестояния). На нём решались вопросы **войны и мира, общегосударственного налога, утверждения нового верховного князя и изменения общегосударственных законов**.

Принцип представительства: один род — один голос

Как в новгородской республике действовала система «300 золотых поясов» (так немецкий источник XIV века называл влиятельные боярские семьи), так и в языческой России работала бы система **родового представительства**.

Каждый древний род — княжеский, боярский, купеческий или волховский — получал право направить **одного представителя** с правом голоса на земское и верховное вече. Старейшины семьи выбирали этого человека (или женщину, если род так решал) либо по старшинству, либо по способностям и авторитету.

Это была бы не простая демократия «один человек — один голос», а **представительная демократия рода**. Такая система имела смысл: она отражала реальность древней социальной организации, где родовые связи были сильнее индивидуальных (особенно в доиндустриальном обществе). Она гарантировала, что голос будет услышан от авторитетных людей, прошедших испытание временем и семейной лояльностью. И она была практична — собрать несколько тысяч представителей родов проще, чем всё население.

Но работала бы и **скрытая демократия**: внутри каждого рода (особенно крупного боярского или купеческого) шла своя борьба. Молодой, активный член рода мог через личный авторитет и ораторское искусство повлиять на выбор представителя. Если родовой старейшина не представлял волю рода, его могли не переизбрать. Таким образом, даже при родовом принципе работал **естественный отбор лучших**.

«Древний Закон»: запись устных традиций

Одна из главных инноваций языческой России в области управления — **превращение устной традиции в письменный кодекс**. В реальной истории «Русская Правда» (закон Ярослава Мудрого) стала одной из первых попыток зафиксировать обычное право. Но её создали княжеским указом, а не через вече.

В языческой России вече вместе с волховским советом **систематически записывали устные традиции**. Волхвы, как хранители памяти, помнили древние заповеди. Посадники — главы вече — знали, что работает на практике. Вместе они создавали «Древний Закон»: священный свод, который не был просто приказом власти, а выражал коллективную волю и древнюю мудрость.

Этот закон объединял бы пять основных сфер жизни общества, каждая из которых регулировалась детально и с учётом как практических нужд, так и религиозных представлений.

Правила справедливости определяли, как разрешать споры и какие наказания назначать за конкретные преступления. Так гласил древний закон:

«О вине за увечье и кровь пролитую. Аще муж мужа ударит мечом или палицей, и отсечёт руку или ногу, или выбьёт око — платить ему виру полную, 40 гривен серебра, из коих треть идёт пострадавшему, треть — роду его на поминание, треть — в капище Перуна на жертву очистительную. Ибо кровь пролитая оскверняет землю, и боги требуют искупления. Аще же обидчик не имеет чем платить, отдаётся он в работу пострадавшему до искупления долга, но не более семи лет, ибо семь — число священное.»

Далее следовали **обычаи брака и семьи**, закреплявшие права супругов и порядок раздела имущества при разводе. Здесь древний закон устанавливал:

«О разводе супругов и разделе имущества. Аще жена от мужа уходит по вине его — пьянства ради, или побоев жестоких, или неспособности к ложу супружескому — волхв созывает род обоих, и род судит. Коли род признает вину мужа, жена берёт своё приданое целиком и половину нажитого в браке, а дети остаются с нею до семи лет, потом — по выбору рода. Аще же муж жену отпускает по бесплодию её, даёт ей треть нажитого и отпускные 10 гривен на прожитие. Но развод совершается только волхвом, с обрядом разрезания хлеба пополам перед капищем Макоши, иначе брак не расторгнут перед богами.»

Не менее важны были **земельные права**, регулировавшие владение землёй и порядок пользования общинными полями. Особое внимание уделялось священным рощам:

«О землях общинных и рощах священных. Земля пахотная принадлежит роду, а не человеку единому. Каждый род получает надел по числу дворов своих, и межи ставятся камнями с знаками родовыми. Аще кто межу передвинет тайно, платит виру 12 гривен и теряет спорную полосу. Луга заливные и леса — общее достояние веси, косить и рубить в них можно всем, но не более нужного. Рощи же священные, где стоят капища и где волхвы обряды правят, неприкосновенны. Аще кто срубит дерево в роще священной

— платит 40 гривен и приносит жертву богам, а волхвы налагают на него епитимью. Ибо земля жива, и духи её гневаются на осквернение.»

Особое место занимали **религиозные обязанности**, определявшие размер храмового налога и перечень обязательных ритуалов. Закон предписывал:

«О десятине храмовой и обрядах обязательных. Каждый род даёт в капище десятую часть урожая зерном, и десятую часть приплода скота, и десятую часть мёда, аще пчёл держит. Сие собирается после праздника Перунова дня, в месяце серпне, и хранится волхвами для жертв и для прокормления служителей святилища. Всякий мужчина обязан трижды в год являться на обряды великие: на Коляду зимнюю, на Ярилин день весенний, на Купалу летнюю. Аще кто не явится без причины уважительной — платит гривну в капище и приносит жертву малую. Женщины являются на обряды Макоши в осеннее время. Сие не тягота, но долг перед богами, кои землю нашу хранят.»

Наконец, **торговые правила** устанавливали стандарты измерения и принципы справедливой цены, защищая как покупателей, так и продавцов:

«О мерах торговых и клятвах купеческих. Мера зерна — кадь новгородская, вмещающая четыре пуда ржи доброй. Всякий торговец обязан иметь кадь с клеймом вечевым, и аще кто мерит кадью неверною — платит виру 3 гривны и товар конфискуется в пользу обманутых. Весы для серебра и мёда проверяются волхвами дважды в год, в дни весеннего и осеннего равноденствия, ибо равновесие — закон божественный. Цена на хлеб устанавливается вечем после жатвы, дабы не было ни голода от дороговизны, ни разорения земледельца от дешевизны. Всякая сделка на сумму более 10 гривен скрепляется клятвой перед капищем Велеса, бога торговли. Аще кто нарушит клятву — изгоняется с торгового места навсегда и метится знаком бесчестия.»

Важно: законы записывались на пергаменте и хранились в архиве святилища, но также **переписывались многократно** и распространялись по всем землям. Каждый город получал свою копию — писцы зачитывали её вслух на вече, волхвы давали толкования. Так закон превращался одновременно в **священный текст и практическое руководство** для жизни.

Право отзыва: когда вече свергает князя или волхва

Самая острая и характерная черта языческой демократии — это **право отзыва**. В реальном Новгороде оно работало буквально: в 1136 году горожане просто изгнали князя Всеволода. В XII—XV веках новгородское вече неоднократно избирало и изгоняло князей по договорам — «рядам». Князю платили жалованье («кормление»), и если он не выполнял свои обязанности, договор расторгался.

В языческой России такой механизм стал бы **священным ритуалом**, а не просто политической процедурой. Право отзыва обрело бы духовное измерение.

Если вече признавало, что князь утратил **«благословение богов»**, оно могло потребовать его отречения. Как бы это выглядело?

Один из волхвов писал (как если бы это была летопись):

«В четвёртый год правления князя Ярослава над Киевом вече собралось в великом гневе. Его советники грабили купцов, его налоговики брали вдвое больше положенного, его воины изнасиловали дочь посадника. На вече люди

кричали, требуя справедливости. Князь Ярослав явился сам, объясняя, что это были исключения, что он их накажет. Но волхв-посредник, Глеб, встал на ступень и сказал: «Люди говорят. Боги слушают. Я совершу гадание, чтобы узнать, довольны ли боги князем».

И Глеб вошёл в святилище с посохом жреца. Три дня он медитировал, читал священные тексты, гадал на костях умершего героя. На четвёртый день вышел и объявил перед всеми: «Боги отвернули лицо от князя Ярослава. Его правление несёт несчастье. Он должен отречься».

Князь знал, что уходить нельзя. Если он восстанет против волхва и вече, его дружина покинет его. Дружинники верят в магию, в справедливость, в то, что боги карают тиранов. Ярослав упал на колени, признал свою вину и отрёкся. Его брат, Святослав, принял княжеский венец. Вече утвердило его, волхвы совершили над ним обряд благословения».

Но такое происходило нечасто. Волхвы понимали, что частая смена князей ослабляет государство. Поэтому обычно **гадание выявляло не полную непригодность к правлению, а конкретные нарушения**, которые требовалось исправить. Князь и вече вместе искали компромисс.

По тому же принципу работало бы и отречение волхва. Если волховский совет замечал, что Верховный волхв погряз в коррупции, утратил дар точного гадания или нарушал священные законы, вече (совместно с остальным волховским советом) могло потребовать его отставки. Процедура была бы торжественной, но непреклонной: волхв, утративший «дар богов», мог спокойно удалиться в монастырь-капище и провести остаток дней в почёте, обучая молодых адептов...

Всё началось с дыма...

Когда Верховный волхв Велимир бросил священные кости на алтарь Перуна и объявил, что боги благословляют поход на восток, дым от жертвенного костра пошёл не к небу, а стелился по земле, словно туман. Младшие волхвы переглянулись, но промолчали. Велимир был стар, мудр, сорок лет служил богам — кто посмеет усомниться?

Войско вышло в поход. Через месяц вернулась треть — разбитые, голодные, с вестью о засаде и резне. Князь погиб. Сотни воинов полегли в чужих степях.

А Велимир стоял в своей келье в главном капище и смотрел на руны, разложенные перед ним на столе. Он раскладывал их снова и снова, но знаки молчали. Где раньше он видел ясные образы — битвы, лица, пути, — теперь была лишь пустота. Словно боги отвернулись.

Он знал, что придут.

Волховский совет собрался на рассвете, в малом святилище, где хранились древнейшие реликвии — посох первого волхва, чаша для священной крови, кости предков. Семеро старших волхвов сидели в круге вокруг огня, который горел синим пламенем — в него бросили особые травы, открывающие истину.

— Дым лёг на землю, — сказал волхв Радомир, самый младший из семерых, но самый зоркий. — Я видел. Все видели.

— Он не заметил, — добавил Светозар, хранитель рун. — Или не захотел заметить.

— Он стар, — возразил Добрыня, учитель Велимира. — Дар слабеет с годами, это естественно. Но это не значит...

— Это значит, что боги забрали дар, — перебил его Ратибор, самый суровый из совета. — Триста воинов мертвы. Князь мёртв. Велимир читал знаки неверно. Или вовсе не читал, а говорил то, что хотел услышать сам.

Тишина. Только потрескивание синего огня.

— Надо спросить богов, — сказал наконец Добрыня. — Не нам судить. Пусть боги скажут.

Они достали священные кости — не простые, а те, что вырезаны из рёбер первого волхва, основателя их ордена. Эти кости лгать не могли. Радомир, как самый молодой и чистый, бросил их в огонь и запел призывание.

Кости упали на угли. Дым пошёл вверх — и вдруг разделился на семь струй, каждая к одному из сидящих волхвов. Все семь струй были равными, ясными.

Восьмой струи — к пустому месту, где должен был сидеть Велимир, — не было.

Добрыня закрыл глаза.

— Боги ответили, — прошептал он.

На следующий день созвали вече. Не великое, не всенародное — малое, но торжественное. Пришли представители всех родов, старейшины, князя, воеводы. Пришли те, кто потерял сыновей и братьев в том походе.

Велимир стоял перед капищем Перуна в полном облачении — белый плащ с вышитыми рунами, посох с навершием в виде солнечного колеса, на шее — гривна с символами всех богов. Лицо его было спокойным, но глаза — пустыми.

Радомир вышел вперёд. В руках он держал те самые священные кости.

— Велимир, сын Святослава, Верховный волхв земли нашей, — начал он, и голос его звучал не гневно, а скорбно. — Сорок лет ты служил богам. Сорок лет твои пророчества были верны. Ты вёл народ сквозь войны и голод, и боги говорили твоими устами.

Он помолчал.

— Но дым лёг на землю. Войско пошло в погибель. Князь мёртв. Мы бросили священные кости, и боги не ответили на твоё имя.

Велимир не шевельнулся. Он смотрел на огонь, горящий перед идолом Перуна.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Я знаю уже три луны. Я раскладываю руны — и вижу пустоту. Я вопрошаю богов — и слышу тишину. Дар ушёл. Я больше не слышу их голосов.

Толпа ахнула. Признание Верховного волхва в утрате дара было страшнее любого обвинения.

Светозар подошёл ближе, неся в руках деревянную чашу.

— Велимир, — сказал он мягко, — боги дают, и боги забирают. Ты служил верно, но время твоё прошло. Сложи с себя знаки служения.

Велимир кивнул. Медленно, словно каждое движение причиняло боль, он снял гривну с шеи и положил в чашу. Потом развязал пояс с подвешенными к нему мешочками трав и амулетами — положил туда же. Снял кольца с пальцев — каждое с руной одного из богов. Расстегнул застёжку белого плаща, и тот упал к его ногам, как сброшенная кожа.

Последним он отдал посох.

Радомир принял его обеими руками, как принимают новорождённого младенца — бережно и торжественно.

— Ты свободен от служения, Велимир, — сказал он. — Иди с миром. Боги не гnevаются на тебя. Они просто позвали другого.

Велимир посмотрел на собравшихся. На волхвов, которых учил. На людей, которым предсказывал судьбу. На капище, где провёл полжизни.

— Я уйду в скит у Синего озера, — сказал он. — Там я буду учить молодых читать руны и травы собирать. Дар пророчества ушёл, но знание осталось. Я передам его тем, кто придёт после.

Он поклонился — не богам, не людям, а самому капищу. Потом развернулся и пошёл прочь, в простой холщовой рубаше, без посоха, без знаков отличия.

Толпа расступилась перед ним молча. Никто не злорадствовал. Многие низко кланялись — в знак уважения к тому, кем он был, а не к тому, кем перестал быть.

Когда он скрылся за воротами, Радомир поднял посох высоко над головой.

— Боги забрали голос у одного, — провозгласил он, — но они не оставили нас без водителя. Завтра мы бросим жребий. Завтра боги укажут нового.

Огонь перед идолом Перуна вспыхнул ярче, словно в ответ.

Иерархия голосов: уважение знанию и авторитету

Хотя новгородское вече было по форме демократическим, на практике им управляли **бояре и купцы**. Обычный человек мог прийти и высказаться (летописи сохранили случаи, когда «простые смерды» кричали с площади критику боярам), но **голос боярина весил больше**.

В языческой России эта иерархия была бы **легитимирована и структурирована**. На верховном вече существовало бы **три уровня голосов**:

— **«Золотой голос»** — волхвы и главные князья. Один голос волхва равнялся пяти голосам обычных родов.

— **«Серебряный голос»** — уважаемые старейшины, купцы-миллионеры, ветераны войн. Один голос равнялся двум обычным.

— **«Медный голос»** — простые главы семейств, ремесленники, земельные владельцы. Обычный голос.

Это была не аристократия в смысле закрытого класса, а **меритократия**, основанная на достоинстве и знаниях. Молодой ремесленник, если он доказывал свои таланты (изобретал новую технологию, спасал город в критический момент, писал великую летопись), мог быть признан волховским советом и получить «серебряный голос».

Такая система одновременно воплощала несколько принципов, которые редко уживаются вместе. С одной стороны, она сохраняла **доступность для всех** свободных людей — любой глава семьи мог прийти на вече и подать голос, что делало её подлинно демократической. С другой стороны, взвешенные голоса выражали **уважение к опыту и знаниям**, создавая аристократию не по крови, а по достоинству — волхвы, мудрецы и заслуженные воины получали больший вес в решениях. При этом такое устройство **предотвращало тиранию большинства**, которая часто возникает при простом подсчёте голосов, когда толпа в порыве гнева принимает разрушительное решение, не взвесив последствий.

Собрание на открытом воздухе

В реальном Новгороде вече собиралось на открытой площади — гласность была принципиальна. Это не был парламент, скрытый от народа. Любой мог подойти, слушать и наблюдать, как решаются дела.

В языческой России эта практика получила бы еще большее развитие. Верховное вече в Киеве собиралось бы не просто на площади, а на **священной площади перед главным капищем**. Перед началом собрания совершался бы **мистерияльный обряд**:

«На восходе солнца в день вече волхвы зажигали священные костры на четырёх углах площади — в честь четырёх сторон света. Затем Верховный волхв брал в руки посох, увитый змеей, и обходил площадь, произнося молитву богам:

«Род, всевидящий отец! Перун, судья справедливый! Велес, хранитель истины! Смотрите, как люди собираются решить, что делать. Если среди них будет лжец, если кто-то захочет выслужиться перед богами, вы раскроете его. Если вече примет справедливое решение, боги его благословят».

Люди слушали в молчании. Потом Верховный волхв брызгал на землю священной водой из священного источника, и люди знали: теперь начинается вече перед лицом богов. Лгать здесь опасно. Боги смотрят».

Такой театр власти был чрезвычайно эффективен. Люди на вече знали, что голосуют не просто перед соседями, но перед богами. Это усиливало **честность, серьёзность и ответственность**.

Таким образом, вече в языческой Руси стало бы органом власти, объединяющим демократические принципы, уважение к знанию, магическое сознание и многоуровневую структуру. Ни князь, ни волхв не могли бы править в обход вече. Но и вече не могло бы свергнуть князя из простого каприза — требовалось истинное нарушение, санкционированное волховским советом, требовался священный ритуал.

Это была система **хрупкого баланса**, требующая постоянного диалога, готовности к компромиссу и глубокого уважения к закону. Но именно потому, что она была хрупкой, она оставалась **живой** — способной адаптироваться и развиваться, противостоять как деспотизму сверху, так и анархии снизу.

2.4. Династии и преемственность власти

Когда старшинство уходит в прошлое

В реальной истории Киевской Руси действовала система **лествичного восхождения** — архаичный механизм, при котором престол переходил не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему, а затем к сыну старшего брата. Этот порядок казался справедливым (каждый получал свой черёд), но на практике порождал хаос. Князья умирали неожиданно, молодые сыновья оставались без наследства, дяди и племянники шли друг на друга с мечами. Междоусобицы полыхали почти триста лет.

В языческой России эта система **никогда бы не укоренилась** — волховский совет с самого начала распознал бы её разрушительность. Вместо неё возникла бы **система смешанного наследования**: опора на закон крови плюс волховское благословение, плюс кровное испытание, которое отсеивало недостойных.

Принцип: род может, волхвы решают, народ утверждает

Представь себе этот механизм как **плетение трёх нитей в один прочный канат**:

Нить первая — естественное наследование. Княжеская власть в языческой России наследовалась по прямой мужской линии — от отца к сыну, от сына к внуку. Это логично: род продолжается, люди видят преемственность, священная кровь остаётся в одной семье. Такой порядок рациональнее лестничного восхождения.

Нить вторая — волховское испытание. Но здесь возникает критический момент: будущий князь не просто наследует власть, а **должен быть признан волховским советом достойным носителем сакральной силы**. Совет девяти волхвов испытывает его. Это не формальность — это серьёзное испытание, от которого зависит судьба рода.

Нить третья — народное утверждение. Вече тоже не остаётся в стороне. На земском или верховном вече собираются представители родов — они смотрят на молодого княжича, слушают суждения волхвов и голосуют. Вече может отвергнуть наследника, если тот очевидно неспособен править или позорит род.

Испытание княжича: не просто воспитание, а отбор

Вот здесь начинается действительно интересное. В реальной истории Руси воспитание княжеского сына было делом династии и враждующих бояр, что часто приводило к тому, что престол занимал полный идиот — просто потому, что у него была нужная родословная.

В языческой России система работала бы совсем иначе. Примерно в двенадцать-тринадцать лет волховский совет **отбирал молодого княжича у матери и воспитателей** и передавал его в руки специально выбранного волхва. Не всему совету — конкретному учителю, которого совет назначал сам. Этот волхв становился **духовным наставником будущего правителя**.

Испытание длилось **около семи лет** и проходило в несколько этапов:

Испытание боевым мастерством. Княжич должен был доказать, что способен командовать войском. Он учился верховой езде, фехтованию, тактике боя, но — и это главное — сражался с реальными противниками. Не просто спарринг с придворными учителями, а настоящие поединки с молодыми воинами священной дружины. Сломаешь шею — значит, такова воля богов.

***Летопись говорит:** «И привели княжича Святослава на поле боевое перед вече. Против него встал боец священной дружины, Ярополк Поганый, называемый так потому, что не страшился никакой грязи в бою. И боролись они с утра до полудня. Княжич упал трижды, но поднимался. Ярополк, видя его упорство, преклонил колени и сказал: „Боги в тебе, отроче“. И вече увидела силу княжича, и вздохнула в облегчение».*

Испытание в управлении и судействе. Молодого наследника отправляли на несколько месяцев наместником в одну из провинциальных земель, где накопилось достаточно проблем, чтобы научиться принимать решения. Он судил споры между боярами и крестьянами, решал, как прокормить землю в неурожай, командовал дружиной при налётах разбойников. Волховский советник наблюдал за ним из тени, но не вмешивался — только смотрел.

Испытание в духовности. Эта часть отличала языческую Русь от всех прочих государств. Молодой княжич должен был провести **месяц в уединении в священном лесу или в монастыре-капище** — с ним были только хлеб, вода и священные тексты. Там он медитировал, изучал мифы богов, учился слышать голос предков. Волхвы верили, что в такие моменты боги говорят с человеком, показывают ему его предназначение. Выходил княжич из леса просветлённым — значит, боги его благословили. Выходил сломленным, запутанным — боги его отвергли.

***И снова летопись:** «На четвёртый день уединения княжич Святослав услышал во сне голос деда своего, князя Игоря. „Внук,“ — говорил голос, — „ты будешь князем честным, если не забудешь: власть — это не право торжествовать, а долг защищать“. Святослав проснулся, плача, и понял тогда истину. Когда волхв Глеб вошёл в лес на пятый день (как было условлено), он нашёл княжича с чистым лицом, спокойным духом. „Боги говорили с тобой,“ — сказал Глеб. И Святослав кивнул».*

Испытание в красноречии и знаниях. Молодой человек должен был доказать волховскому совету и старейшинам вече, что **знает историю своего рода, законы земли, мифы богов, имена предков минимум до пятого поколения**. Ему предстояло ответить на сложные вопросы о справедливости, о том, почему закон важен, о том, как править, если твои решения разочаруют часть народа.

После всех испытаний волховский совет собирался и **выносил свой вердикт**. Либо: «Сие есть княжич достойный, да благословят его боги». Либо: «Сие дитя недостойно. Власть не перейдёт к нему. Пусть его отец найдёт другого наследника, или власть перейдёт к брату, или совет выберет из рода нового претендента».

И это было **священное, неоспоримое решение**. Отец-князь не мог его отменить. Род не мог его обойти. Кровь не гарантировала престол — гарантировало только испытание.

Капище Перуна встречало рассвет. Дым от священных костров стелился под сводами, окутывая резные столбы с ликами богов. Семь волхов сидели полукругом на каменных скамьях, их белые одежды казались призрачными в колеблющемся свете. Перед ними стоял Ярослав, сын князя Всеволода. Три дня испытаний — меч, охота, ночь в священной роще — оставили на его лице следы усталости, но спина была прямой, взгляд твёрдым.

Старший волхв Велимир поднял посох.

— Назови предков своих до пятого колена.

— Отец мой — Всеволод Мудрый, сын Святослава Храброго, внук Игоря Старого, пра-внук Рюрика Варяга, праправнук Годлава из-за моря, — голос Ярослава звучал ровно, как струна гуслей. — Род мой идёт от Перуна через кровь и клятву. Я помню их всех.

Второй волхв, седобородый Радомир, наклонился вперёд:

— Два брата делят землю отца. Старший силён, но жесток. Младший мудр, но слаб. Кому отдашь большую долю?

Ярослав не колебался:

— Разделю поровну, но старшему дам земли у границы, где нужна сила. Младшему — у торговых путей, где нужен ум. Пусть каждый служит земле тем даром, что боги ему дали.

Шорох одобрения пробежал по рядам. Но третий волхв, молодой Добрыня, встал. Его вопрос прозвучал как удар:

— Народ требует войны. Дружина требует мира. Боги молчат. Что ты сделаешь?

Тишина. Огонь затрещал. Где-то в вышине ухнула сова. Ярослав стоял, и в глазах его мелькнуло сомнение. Отец, сидевший в тени у стены, сжал кулаки.

Княжич медленно выдохнул:

— Созову вече. Выслушаю народ — ибо они проливают кровь. Выслушаю дружину — ибо они знают войну. Выслушаю вас, волхвы — ибо вы слышите богов, даже когда они молчат. И тогда решу. Не один. Но и не отдав решение другим. Ибо князь — не тиран и не раб. Князь — весы, на которых взвешивается судьба земли.

Велимир медленно поднялся. Посох его ударил о камень трижды.

— Сие есть княжич достойный, — голос его прокатился под сводами, как гром. — Да благословят его боги.

Он взял чашу с маслом кедровым, начертал на лбу Ярослава знак Перуна. Другие волхвы встали, склонили головы. Молодой Добрыня, который задал последний вопрос, медленно кивнул — и в этом кивке было больше, чем в словах.

А за окнами капища, словно в ответ, первый луч солнца пробил туман и ударил прямо в лик Перуна на алтаре.

Когда волхвы говорят «нет»: право отказа

История знает случаи, когда монарх отказывался от сына в пользу другого наследника. Но почти всегда это заканчивалось войной. Петр I отказался от своего первого сына Алексея — и результат известен: гражданская война, казни, кровь.

В языческой России система была бы устроена так, чтобы избежать этого. Если волховский совет объявлял, что **сын князя недостоин**, это отвечало интересам всех. Почему? Потому что волхвы были независимы от княжеской власти. Они не получали от князя земли и не зависели от его благосклонности. Их власть исходила от богов и от народа через вече, а не от трона.

Поэтому, когда волхвы говорили «этот мальчик вырастет тираном», «этот молодой человек неспособен к управлению», «боги отвернули от него лицо» — это было как диагноз врача. С врачом можно спорить, но, если у тебя гангрена, а врач говорит «надо ампутировать», разумные люди соглашались.

В этом случае у князя было бы **три варианта**:

— **Согласиться и передать власть другому сыну** или ближайшему родственнику, которого волхвы признали достойным.

— **Попросить волховский совет дать сыну второе испытание** — если мальчик ещё молод, возможно, он просто не созрел. Совет мог согласиться отложить решение на год-два.

— **Настаивать на своём и рисковать**. Но если князь отказывается следовать воле волхвов и вече, его **объявляют утратившим благословение богов**. Вече может отозвать его, дружина — покинуть, бояре — восстать. История знает такие случаи в реальной Новгородской республике: непокорных князей просто изгоняли.

Женщины как альтернатива: когда нет наследников-мужчин

Здесь языческая Русь отличалась бы от западноевропейской традиции, которая долго не признавала женщин на престолах. Но и в реальной славянской, и в греческой истории женщины-правительницы встречались нередко.

В языческой России, **если в княжеском роду не оказывалось достойного наследника-мужчины**, вече и волховский совет могли избрать **женщину-княгиню**. Не всегда, но в критические моменты такое случалось. Такую женщину обучали тому же, что и мужчин: боевой магии, управлению, духовным практикам.

***И вот летопись повествует:** «После смерти князя Владимира его сын оказался болен душой и не способен к власти. Волхвы гадали и говорили: „Боги покидают мальчика“. И тогда старший волхв встал на ступень и сказал: „У князя была сестра, княжна Ольга. Обучим её и передадим ей власть“. Вече согласилось. Княжну Ольгу обучили волхвы, она прошла испытания, и стала она князем Киева, ибо власть велика, а пол её — маленькое дело, когда боги говорят».*

Её власть была равна власти князя-мужчины — полная, неограниченная советом волхвов (только в сакральных вопросах она подчинялась старшему волхву, как и любой князь-мужчина). Она командовала войском, судила дела, издавала законы.

Но был один нюанс: если княгиня выходила замуж, её супруг **не становился автоматически князем**. Он мог быть консортом, советником, даже соправителем — но волховский совет проверял бы его так же тщательно, как проверил бы любого наследника-мужчину.

Федеративная иерархия: великие князья над земельными князьями

Языческая Русь развивалась бы не как единовластное государство, а как **федерация земель под единым центром**. Поэтому система наследования была бы многоуровневой.

На вершине находился **Верховный князь** (или «Великий князь»), правящий из Киева. Его наследование проходило все вышеописанные испытания, а утверждение происходило на общерусском вече в Киеве.

В каждой из девяти земель правил **земельный князь** (Родович), который был фактически независим в своих делах, но признавал верховенство Великого князя в вопросах войны,

мира и федерального закона. Он тоже наследовал по крови, но **его утверждал земское вече** и местный волховской совет.

Благодаря этой системе, даже если земельный князь был слаб, Верховный князь мог подкрепить его своим авторитетом. Но если Верховный князь начинал творить беззакония, земельные князья могли отказать ему в повиновении и выставить своего кандидата на верховный престол через общегосударственное вече.

Так создавалась **система сдержек**, которая делала престол наследственным, но не абсолютным.

Переход к следующему поколению: когда старое уходит, новое рождается

Рассвет занимался над главной площадью, когда начали стекаться люди. Тысячи — из посада, из слобод, из дальних деревень. Кузнецы бросили горны, гончары — круги, пахари оставили плуги в бороздах. Перед капищем Перуна горели священные костры, дым стелился по камням, смешиваясь с запахом сосновой смолы и можжевельного благовония. Волхвы жгли травы на жаровнях — горький дым поднимался к небу, неся молитвы богам.

На деревянном помосте, резном и высоком, стояли двое.

Князь Владимир, старый воин с седой бородой и шрамом через левую бровь, опирался на посох. Рядом — его сын Ярослав, только что прошедший испытания. Молодой, с прямой спиной, но руки дрожали — едва заметно, но отец видел.

Рога протрубили трижды. Толпа смолкла.

Владимир положил руку на плечо сына. Тяжёлая рука — мозолистая, узловатая, дрожащая от старости или от чего-то другого. Ярослав почувствовал её вес, словно на плечи легла гора.

— Передаю я тебе не право, но **ответственность**, — голос князя был хриплым, надломленным. — Помни: люди будут кормиться от твоих решений и страдать от твоих ошибок. Помни о боях, когда ты не будешь в доспехах. Помни о голоде, когда сам будешь сыт. Помни о вдовах и сиротах, которые приходят к князю с мольбой.

Пауза. Ветер шевелил знамёна над капищем.

Потом — гром.

— **Слышим! Слышим! Помним!**

Голоса ударили, как волна о берег. Тысячи глоток, тысячи рук, поднятых к небу. Ярослав почувствовал, как вибрация проходит сквозь доски помоста, поднимается по ногам, бьёт в грудь. *Они кричат для меня. Они будут жить или умирать от моих слов.*

Из толпы волхвов вышел Велимир. Белый плащ волочился по земле, на груди — серебряная гривна с символом солнца, в руке — посох из ясеня, обвитый змеями. Лицо старое, изборождённое морщинами, но глаза — острые, как у ястреба.

Он взял Ярослава за руки. Ладони княжича были холодными, влажными. Велимир поднял их к солнцу, пробивавшемуся сквозь утренний туман.

— Боги благословляют тебя, — голос волхва звучал, как удар колокола. — Но помни: благословение можно потерять. Если ты будешь творить несправедливость, боги отвернут от тебя лицо, и люди восстанут.

Он окунул пальцы в чашу с маслом — густым, янтарным, пахнущим мёдом и травами — и начертил на лбу Ярослава знак солнца. Масло стекало по вискам, тёплое и липкое.

Потом Велимир протянул ему меч. Не боевой — ритуальный, с рукоятью из кости и клинком, на котором были выбиты руны.

— Сие — не оружие войны. Сие — весы правосудия. Держи их ровно.

Ярослав принял меч. *Тяжёлый. Тяжелее, чем я думал.*

Толпа замерла.

И тогда старый князь Владимир, нарушив ритуал, шагнул вперёд и обнял сына. Крепко, по-отцовски, так, что Ярослав почувствовал запах кожи и пота, услышал шёпот у самого уха:

— Прости меня за то, что оставляю тебе этот груз.

Ярослав не ответил. Только кивнул.

Когда они разошлись, в толпе кто-то закричал — старый дружинник с проседью в бороде, служивший ещё отцу. Он поднял кулак к сердцу, салютуя.

— За князя Ярослава! За землю нашу!

И толпа подхватила:

— За князя! За землю!

Ярослав стоял на помосте, с мечом в руках, с маслом на лбу, с грузом ответственности на плечах. Солнце пробилось сквозь облака и ударило прямо ему в лицо — ослепительное, жаркое, безжалостное.

Теперь я — князь. Теперь я отвечаю за всех.

Так в языческой Руси наследование строилось бы **на способности, а не на крови**. Испытания проверяли достоинство княжича — и люди видели: их новый князь неслучайность и не родственная милость. Его благословили боги, признали волхвы, утвердило вече.

Это защищало от деспотизма и вырождения, которые приходят с безусловным наследованием. И при этом сохраняло священность княжеского рода — основу стабильности.

ЧАСТЬ II. ДУХОВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Глава 3. Языческая вера как основа цивилизации

3.1. Пантеон богов и священный календарь

Род как исток всего сущего

В той реальности, где язычество не погибло, **Род оставался бы центром всей духовной жизни** — не богом в привычном смысле конкретного человекообразного божества, а **источником всего существующего**, первопричиной, дыханием мироздания. Род никогда не изображали в виде идола: он был везде и нигде, слышим в тишине, видим в движении звёзд.

В реальной истории язычество было разгромлено, и образ Рода размылся в устных преданиях. Но в языческой России Совет волхвов закрепил бы понимание Рода как **верховного принципа**, из которого всё рождается и в который всё возвращается. Род — одновременно мать и отец, ни мужское, ни женское начало, а **андрогинный источник жизни**.

Человек стоит перед капищем, но над ним нет идола Рода. Волхв указывает пальцем в бесконечность: «Род везде — в дождевой капле, в корне дерева, в крови твоего сына». Это не примитивная вера, а **философская система**, сопоставимая с индийским понятием Брахмана.

Но Род, при всей своей необъятности и вездесущности, оставался слишком абстрактным для повседневной жизни. Как молиться тому, что не имеет лица? Как просить помощи у того, кто есть всё и ничто одновременно? И потому Совет волхвов учил: если Род — источник, то **Триглав — его проявление в трёх аспектах**, три лица единого божественного начала. Это были три главнейших бога языческой России — **Сварог, Перун, Велес** — и они составляли единое целое, как три лица индийского Тримурти, три способа, которыми непостижимый Род являет себя миру.

Сварог — бог неба, творец, отец богов. В одной руке он держит небо, в другой — огонь созидания. Он воплощает порядок космоса, ритм, небесный закон. Его день приходился на летнее солнцестояние, когда солнце поднималось выше всего в небе, и волхвы совершали ритуалы в честь небесного света.

Перун — бог грозы, войны, княжеской власти, справедливого наказания. Он — активная мужская энергия, сила, что разрывает облака, вызывает дождь на поля, даёт в руки князю не произвол, а закон. В реальной истории князь Владимир возвёл идол Перуна с серебряной головой и золотыми усами — это был бог войны и власти, которым клялись в договорах. В языческой России он остался бы таким же: грозным, справедливым, но не жестоким без причины.

Велес — бог мудрости, земли, богатства, магии, хранитель границ между мирами. Если Перун — это молния, то Велес — это корни, уходящие вглубь. Он владеет знаниями о травах, снах, о том, что скрыто под землёй. Велес покровительствовал волхвам, сказителям, торговцам. Его называли «Волосом» в честь волос — символа силы, и клялись Велесом в честном слове, в верности договорам.

Летопись Совета волхвов говорит так: «Триглав — это один бог, видимый в трёх ликах. Сварог смотрит с неба и видит всё, что происходит в мире Прави — мире божественном. Перун спускается с грозовой тучи и видит то, что происходит в Яви — мире явленном, материальном. Велес погружается в Навь — мир скрытый, потусторонний — и видит там

судьбы людей, их прошлые жизни и их будущее. Вместе они видят всё, и потому им можно верить безраздельно».

Это была **не множественность богов, а один бог в трёх проявлениях** — система, которую Совет волхвов проповедовал как защиту от монотеистического искушения.

Боги второй очереди: Макошь, Лада, Ярило

Вокруг Триглава располагались другие боги и богини, каждый со своей чёткой ролью в космическом порядке.

Макошь (или Мокошь) — богиня судьбы, плодородия и женского начала. Она прядла нити судеб, как греческие Мойры. Её символ — пятиконечная звезда, знак женской силы. В реальной истории князь Владимир установил идол Макоши среди своих богов в 980 году. В языческой России она осталась бы матерью-хранительницей домашнего очага, защитницей женщин и покровительницей плодородия.

Лада — богиня весны, любви, брака и молодости. Её день приходился на весеннее равноденствие, когда природа пробуждается и молодые люди готовятся к свадьбам. В доме Ладе молились перед венчанием, и её образ был нежен, светел, радостен.

Ярило — бог весеннего солнца, юношества, буйной жизни и плодородия земли. Его часто путают с Солнцем, но это не совсем так: Ярило — это сама **энергия пробуждения природы**. Когда таял снег и земля становилась чёрной, готовой к посевам, люди славили Ярило, а волхвы совершали ритуалы плодородия.

Водяной, Леший, Домовой — духи мест, боги более локальные, менее встроенные в иерархию, но столь же реальные в сознании людей. Речная вода имела своего духа, лес — своего хозяина, и каждый дом — своего защитника-домового. Совет волхвов не отрицал этих духов, но интегрировал их в общую систему как **проявления той же мировой силы**, что и великие боги.

Девять священных дней: год, рассеченный богами

В реальной истории славян праздники были связаны с земледельческим циклом и астрономическими событиями. В языческой России Совет волхвов **закрепил бы это в чёткую систему из девяти ключевых праздников**, равномерно распределённых по кругу года.

Коляда (22 декабря — зимний солнцестояние)

Это был новый год языческой Руси, день рождения нового солнца. В реальной истории славян это были Святки — период гаданий и предсказаний. Для языческой Руси Коляда означала **прощание со смертью и возрождение жизни**. Волхвы разжигали девять костров — по одному для каждого из ключевых богов. Огонь не должен был погаснуть за ночь: это гарантировало возвращение солнца.

И вот ночь Коляды. На главной площади города перед капищем Перуна девять костров горят жаркими языками. Вокруг них водят хоровод: молодые и старые, богатые и бедные — все едины в танце. Волхв, стоя в центре, поёт. Его голос гудит, как сама земля. «Солнце мёртво три дня, но оно вернётся. Смерть — это не конец, это сон, это ожидание». И люди верят. Потому что волхв знает про звёзды, про циклы неба, про то, что солнце действительно вернётся.

Масленица (март, весеннее равноденствие)

День равновесия дня и ночи, день, когда старая зима сторает в костре, а новая весна входит в мир. В реальной истории масленица была праздником блинов и сжигания чучела Морены (богини смерти). В языческой России это был **праздник новой жизни**: сжигание чучела зимы, семь дней пиров, кулачные бои (символизирующие борьбу света и тьмы), молодёжные смотрины перед летней свадебной порой.

День Ярилы (21 марта — весеннее равноденствие + неделя)

Отдельный праздник Ярилы отмечали, когда земля окончательно «просыпалась» и была готова принять семена. Волхвы проводили обряды плодородия, освящали первые борозды и молились о щедром урожае.

Это могло бы быть так...

Рассвет застал поле на краю веся ещё влажным от талых вод. Земля была чёрной, жирной, пахла сыростью и жизнью. Туман стелился по борозде, как дыхание самой земли. Холодный весенний воздух щипал щёки, но люди не расходились — стояли плотной толпой: мужики в домотканых рубахах, бабы с детьми на руках, старики, опираясь на посохи. Все ждали.

Из-за края леса показалась процессия. Впереди шёл волхв Светозар в длинном зелёном плаще, расшитом золотыми колосьями и солнечными кругами. В одной руке он нёс посох, увитый первыми весенними травами, в другой — глиняную чашу с зерном, освящённым в капище три дня назад. За ним мальчик нёс кувшин с медовухой, настоящей на берёзовых почках.

Светозар остановился у первой борозды. Земледелец Добрыня уже провёл её вчера вечером — ровную, глубокую, готовую принять семя. Волхв поднял посох к небу, и голос его прозвучал низко, гулко, словно из самой земли:

— **Ярило-солнце, юный бог, разбуди Мать-Землю от зимнего сна! Войди в неё силой своей, согрей её лоно, дай ей родить хлеб для детей наших!**

Он опустился на колени, зачерпнул горсть земли, поднёс к лицу, вдохнул. Земля пахла весной. Пахла обещанием. Светозар медленно высыпал освящённое зерно в борозду — зёрнышко за зёрнышком, шепча имена богов. Потом взял кувшин и вылил медовуху на чёрную землю. Жидкость впиталась мгновенно, словно земля пила жадно, с благодарностью.

— Теперь ты, — кивнул он Добрыне.

Земледелец взял соху. Руки его дрожали — не от холода, а от страха. *Примут ли боги? Будет ли урожай? Переживут ли дети зиму?* Он толкнул соху вперёд. Лемех вошёл в землю легко, словно она сама раскрылась навстречу. Светозар шёл рядом, распевая древний напев, слова которого никто уже не понимал, но все чувствовали — это язык, на котором говорят с землёй.

И вдруг — тёплый порыв ветра. Откуда, в этот холодный рассвет? Он пронёсся по полю, взъерошил волосы, развеял туман. А следом — высоко в небе — запел жаворонок. Его трель была пронзительной, ликующей, невозможной для этого раннего утра.

Светозар замер. Поднял голову. Улыбнулся.

— Ярило принял, — сказал он тихо.

Старая баба Дарья, стоявшая с краю, вдруг опустилась на колени и поцеловала землю. Дети бросились вперёд, хватая по горсти зерна из чаши, смеясь, разбрасывая его по борозде. А над полем, пробиваясь сквозь облака, ударил первый луч солнца — прямо на то место, где Добрыня провёл первую борозду.

И все знали: урожай будет.

Красная горка (22 апреля — день Лели и юности)

День молодежи, день свадеб, день, когда девушки водили хороводы и красились в яркие краски. Это был праздник, полный смеха, песен, первых поцелуев.

Иван Купала (21 июня — летний солнцестояние)

Пожалуй, **самый мистический и древний праздник** языческой Руси. Это ночь, когда границы между мирами истончаются, когда папоротник якобы расцветает, когда волхвы совершают самые могущественные магические обряды. На Купалу люди прыгали через костры, умывались волшебной росой, молодые девушки пускали венки по воде, гадая о суженых. Это было также время **масштабных символических жертвоприношений** — животных, хлеба, медовых напитков, которые отправляли богам через воду или огонь.

В ночь на Иван Купалу. На берегу священной реки, где вода встречается с землёй, горит костёр выше домов. Волхвы в белых рубахах совершают ритуал. Молодая дева в венке берёт его в руки — тщательно сплетённый из ромашек, луговых трав и полевых цветов. Волхв напевает над ней слова. «Боги водные, примите мою молитву. Покажите мне судьбу. Кого люблю я? Кто полюбит меня?» Она опускает венок в воду. Если он плывёт ровно, по течению — жених найдётся. Если венок крутится, путается или уходит под воду — суждено ей остаться вдовой или бесплодной.

Апокалипсис (день конца света, предполагаемый волхвами за год до Купалы)

Праздник мира с предками, день благодарности судьбе, день гадания о будущем на целый год вперёд.

Давайте посетим и это жуткое событие...

Рассвет после Апокалипсиса. Капище Рода стояло в предрассветной мгле, окружённое сотнями людей. Никто не спал эту ночь. Год назад волхвы предсказали: в эту ночь мир закончится. Огонь погаснет навсегда. Солнце не взойдёт. Род отвернётся от своих детей.

Старший волхв Велимир стоял у священного костра, который горел всю ночь. Его седая борода была пропитана дымом можжевельника и полыни — запах такой густой, что люди чувствовали его кожей. В руках он держал деревянную чашу с мёдом и кровью жертвенного быка.

— Род-Отец, — голос его дрожал впервые за пятьдесят лет служения, — если мы недостойны продолжения, прими нас. Если достойны — яви знак.

Толпа замерла. Где-то в темноте женщина всхлинула. Мужчина прижал к груди ребёнка.

Горизонт оставался чёрным. Костёр трещал, выбрасывая искры в небо, но они гасли, не долетая до звёзд.

И вдруг — тонкая золотая полоса. Едва заметная. Потом шире. Шире.

Солнце.

Велимир опустил чашу. Руки его тряслись. Он повернулся к людям, и по его лицу текли слёзы.

— Род дал нам ещё год, — сказал он хрипло. — Ещё один год, чтобы доказать, что мы достойны жить.

Кто-то закричал от радости. Кто-то упал на колени. А молодой волхв Светозар, стоявший позади учителя, прошептал так тихо, что никто не услышал:

— Или чтобы подготовиться к следующему концу.

Осеннее равноденствие (22 сентября)

День сбора урожая, день благодарности природе и богам. Последним резали хлеб (его оставляли для духов поля), устраивали жертвенные трапезы. Волхвы проводили обряды, в которых задавали вопрос: совершил ли человек достаточно добрых дел в этом году, чтобы боги позволили ему пережить зиму?

День Авсентя (конец октября)

Праздник осеннего солнца Авсентя — проявление Велеса в сезон сбора урожая и начала подготовки к зиме. Это день раздумий, день сказок у огня, когда старики передавали молодёжи знания и древние истории.

Вечер у огня в День Авсентя. Костёр горел в центре деревянного круга, окружённого дубовыми скамьями. Пламя било вверх, выхватывая из темноты лица молодых — девушек с распущенными волосами, юношей с ещё не обросшими бородами подбородками. За их спинами стояла октябрьская ночь, густая и холодная, пахнувшая прелой листвой и дымом. Ветер шевелил верхушки деревьев, но здесь, у огня, было тепло — почти жарко с одной стороны, и ледяно с другой.

Старик Богдан сидел на самой высокой скамье, укутанный в медвежью шкуру. Его голос был низким, шершавым, словно кора старого дуба:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.